

Д
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Н. Э. МАСАНОВ

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА
НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА·1984

Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.

В монографии на основе статистических и литературных источников, а также работ советских медиевистов рассматриваются социально-экономические проблемы истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. Освещаются развитие производительных сил общества, характер и формы феодальной собственности на средства производства, их реализация в различных видах и формах феодальной ренты. Исследуются социальная структура казахского общества, ее взаимосвязь с формами феодальной собственности.

Книга рассчитана на специалистов-историков, занимающихся проблемами феодализма и кочевничества.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Х. А. АРГЫНБАЕВ

Рецензент

доктор исторических наук
В. Я. БАСИН

М $\frac{0505020000-002}{407(05)-84}$ 14.84

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материалистическое понимание предмета истории базируется на рассмотрении производственной деятельности как всеобщего принципа и определяющей первопричины всемирно-исторического процесса. Это связано с тем, что производство материальных благ, необходимых для жизнедеятельности человека, является экономической основой существования и развития общества. Материальное производство, говорил К. Маркс, составляет основу всей общественной жизни, а потому и действительной истории¹, поскольку люди, для того чтобы существовать и быть в состоянии ежедневно и ежечасно «делать историю», должны прежде всего обеспечить себя необходимыми средствами жизни. Первый исторический акт — это производство средств, обеспечивающих удовлетворение человеческих потребностей в пище, питье, жилище, одежде и т. п., производство самой материальной жизни². Производство продуктов питания, подчеркивал К. Маркс, является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще³. Следовательно, производственная деятельность трудящихся индивидов является наиважнейшей предпосылкой и вместе с тем обязательным условием всемирно-исторического процесса. Данное положение является фундаментом исторической науки. «...Понимание истории, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный

процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории...»⁴.

Система материального производства, будучи первичной по отношению ко всем другим сторонам общественной жизни, не существует сама по себе, в отрыве от всей совокупности элементов, определяющих содержание и смысл всемирно-исторического процесса. Она во многом опосредуется естественной средой обитания, которая в качестве вещественно-предметной основы обеспечивает и вместе с тем ограничивает в докапиталистическую эпоху экономический потенциал каждого данного общества. Другими словами, природные ресурсы среды обитания являются исходной предпосылкой и необходимым условием, базисом функционирования системы материального производства и в известной мере опосредствуют уровень развития производительных сил общества, процесс их эволюции, степень устойчивости и вместе с тем восприимчивости к различного рода хозяйственно-культурным инновациям⁵. «Человек в процессе производства, — указывал К. Маркс, — может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать»⁶.

В этой связи следует отметить, что всякое производство есть прежде всего присвоение и целенаправленное использование, а на более высоких стадиях общественного развития — преобразование естественно существующих в каждой данной экологической нише предметов природы. Это обстоятельство оказывает весьма существенное влияние на характер, тип и форму организации общественного производства. «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению»⁷. Вместе с тем в процессе производства человек, воздействуя на вещество природы, превращает внешнюю по отношению к нему

природу, элементы среды в производительную силу — внутреннюю материальную основу производственной деятельности⁸. «Труд, — пишет К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»⁹. Иначе говоря, целесообразная трудовая деятельность людей, выражающаяся прежде всего в производстве материальных благ, необходимых для жизнедеятельности человечества, направлена в значительной степени на приспособление и видоизменение предметов природы в интересах общества. «Всякая историография, — указывали классики марксизма, — должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»¹⁰. Вследствие этого представляется чрезвычайно актуальным проанализировать диалектику взаимодействия естественно-природных и социально-экономических процессов, органическое единство которых играет весьма существенную роль в сфере аграрного производства.

В течение всей своей истории человечество осваивало и до сих пор еще осваивает природные ресурсы среды своего обитания. На ранних этапах истории человечества в основе производственной деятельности людей лежала прежде всего необходимость приспособления к окружающей среде, поскольку зависимость человеческого общества от сил природы была чрезвычайно велика, а жизненные условия могли быть поколеблены любым изменением в экосистеме. Но по мере роста и совершенствования производительных сил, овладения человечеством новыми технологическими навыками не только усиливались адаптирующие, приспособительные функции человека, но изменялся и характер взаимоотношений человека и природы в целом. В докапиталистическую эпоху закономерным и объективно обусловленным результатом процесса развития человека как производительной силы было образование специфической организации, способной к взаимодействию со средой обитания не через изменение ее морфофункциональных, видовых характеристик, а посредством качественного преобразования самой структуры деятельности¹¹. И поскольку изменялась и совер-

шенствовалась структура производственной деятельности человека, постольку зависимость человеческого общества от естественно-природных процессов уменьшалась прямо пропорционально поступательному движению общества по пути прогресса. Вследствие этого во всемирно-историческом процессе главной определяющей тенденцией развития человечества является постепенное снятие биологического общественным, природного социальным¹². В докапиталистическую эпоху данная тенденция развивалась неравномерно и скачкообразно как во времени, так и в пространстве. Развитие социального есть диалектическое отрицание биологического, поскольку отношения человека и природы со времени становления производящего хозяйства все в большей мере опосредуются и изменяются социальной средой¹³.

Вместе с тем многообразие природно-климатических условий определило в свою очередь многообразие типов и форм материального производства, оптимальным выражением которых является теория хозяйственно-культурных типов¹⁴. Иначе говоря, различным режимам хозяйственной деятельности в докапиталистическую эпоху были свойственны имманентно присущие им особые экосистемы, необходимость в рациональном освоении и эффективном использовании которых являлась одной из ведущих детерминант в развитии и совершенствовании системы материального производства. «Различные общины, — говорил К. Маркс, — находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»¹⁵.

Весьма своеобразным типом хозяйственно-культурной деятельности являлось кочевничество, характеризующееся спецификой производственной деятельности и своими ценностными ориентациями в определенных экологических нишах^{15а}. Функционирование данного типа хозяйственной деятельности во многом детерминировалось специфическими природными ресурсами среды обитания. Поэтому кочевое хозяйство могло функционировать лишь в определенных пространственно-исторических границах с определенной амплитудой условий жизнедеятельности. Вследствие этого кочевничество, будучи непо-

средственно связанной с землей формой производственной деятельности, было органически включено в природные процессы и имело место лишь в определенных экологических зонах, характеризующихся рядом геофизических и природно-климатических особенностей. В этом смысле кочевничество следует понимать прежде всего как форму взаимодействия и динамического равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, которая в отличие от оседло-земледельческой среды базировалась на максимально возможной утилизации природных ресурсов среды обитания как биологическими, так и небιологическими по своей природе средствами.

Кочевничество известно на всем протяжении аридной и отчасти субаридной зоны умеренного пояса Евразии и Северной Африки от Тихого до Атлантического океана. Границы кочевнических регионов в зависимости от разного рода объективных и субъективных факторов могли трансформироваться, но, как правило, лишь за счет так называемой маргинальной зоны в докапиталистическую эпоху. Сравнительно-историческое сопоставление регионов номадизма позволяет более или менее определенно дифференцировать ареальные и маргинальные зоны кочевничества. К числу ареальных, на наш взгляд, относятся экосистемы, характеризующиеся явно выраженной аридностью, континентальностью природно-климатических условий, зональностью и посезонной продуктивностью растительного покрова, а вследствие этого преобладанием ксеромезофитов, мезоксерофитов и ксерофитов, отсутствием отрицательных форм рельефа (степи, полупустыни, пустыни). В этих условиях единственно возможной отраслью хозяйства было кочевое скотоводство. К числу крупнейших ареалов номадизма относятся Центральная Азия, Аравийский полуостров, Сахара и саванно-сахельская зона Северной Африки, Понто-Каспийский регион, а также пустыни и полупустыни Ближнего и Среднего Востока¹⁶. Причем прослеживается зональное разделение хозяйственно-культурных типов кочевого скотоводства в различных ландшафтных зонах¹⁷.

К маргинальным зонам с менее устойчивым характером культивации и взаимодействия хозяйственно-культурных типов относятся субаридные районы, обеспечен-

ные атмосферными осадками и стабильными непересыхающими водоемами естественного происхождения, Они, как правило, располагались по периферии ареальных регионов в речных долинах, околоозерных районах, предгорной зоне и вследствие этого обычно граничили с земледельческими обществами и оазисами (контактная зона). В данных экосистемах чаще всего наблюдается наличие комплексного, полукочевого, хозяйства с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности, но при несомненно преобладающей роли скотоводства. К числу наиболее ярко выраженных маргинальных зон можно отнести семиаридные районы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, лесостепной зоны Западной и Южной Сибири, приморскую зону Северной Африки¹⁸. Динамика взаимодействия кочевничества и маргинальных регионов коррелировалась как эндогенными, так и экзогенными по отношению к номадизму явлениями, развитием данного хозяйственно-культурного типа в ареальных зонах и корректировалась политическими и социально-экономическими факторами, в частности взаимоотношениями с оседло-земледельческими государствами.

В этой связи представляется чрезвычайно интересным проанализировать природно-климатические условия Казахстана—одного из крупнейших регионов номадизма в Евразийских степях. Думается, что наличие предваряющей части, отражающей геофизические и природно-климатические особенности данного региона, позволит не только проследить характер взаимодействия общества и среды обитания, но и более полно и аргументированно исследовать систему материального производства и организацию общества у кочевников Казахстана в новое время, выявить основные детерминирующие процессы в генезисе номадизма, преобладание скотоводческого хозяйства, объяснить смысл и содержание системы выпаса скота, его характер и направленность, тип и форму.

Следует также отметить, что буквально до последнего времени роль естественной среды в развитии кочевничества недооценивалась. Как правило, большая часть исследователей ограничивалась статичным указанием на то, что среда обитания сыграла большую роль в генезисе номадизма, но и только. Представляется, что именно этим

обстоятельством во многом объясняется все еще неудовлетворительное состояние дел в советской историографии номадизма. И совершенно правы те кочевниковеды, которые говорят о необходимости всестороннего учета фактора среды обитания в развитии данного типа хозяйственно-культурной деятельности¹⁹. Еще И. Г. Гердер писал, что «во всем строении своем приспособленные к своей земле народы столь верны почве земли, неотделимы от нее. Все устройство их тела, весь образ жизни, все радости и занятия, к которым приучены они с детства, весь кругозор их представлений — все определено климатически. Отнимите у них землю, и вы отнимете у них все»²⁰.

Изучение кочевников, и в частности одного из крупнейших кочевых этносов Евразии — казахов, имеет давнюю историографическую традицию. Еще в дореволюционный период были освещены отдельные вопросы истории и этнографии кочевого общества казахов²¹. Работами П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька, Х. Барданеса и в особенности И. Г. Андреева во второй половине XVIII в. было положено начало всестороннему исследованию и описанию кочевого быта, хозяйства и социального строя казахов²². Начало XIX в. ознаменовано для русской историографии появлением капитального, но, к сожалению, до сих пор неопубликованного труда по истории и этнографии казахов Я. Гавердовского²³. Вслед за ним выходит целая серия работ, насыщенных обширным историко-этнографическим материалом о казахах. Среди них заслуживают быть отмеченными труды М. Пospelова и Г. Бурнашева, С. Большого, Ф. Назарова, Г. Спасского, Е. К. Мейендорфа²⁴. Завершается этот период в изучении кочевого общества казахов выходом блестящих работ А. И. Левшина²⁵ и С. Броневского²⁶.

С середины XIX в. благодаря огромной научной деятельности Русского географического общества начинается систематическое изучение казахов. Свет увидели важные в научном отношении работы Я. Ханькова, Л. Плотникова, М. Иванина, Г. Колмогорова²⁷. В этот период были опубликованы также работы барона Услара, И. Ф. Бларамберга, П. Медведского, Л. Мейера, Н. Красовского, А. Влангали, А. Артемьева, А. Вамбери, С. Идарова, И. Завалишина, И. Казанцева, Н. Балкашина

и др.²⁸ Вторая половина XIX в. характеризуется появлением значительного числа работ по истории и этнографии казахов, важнейшими среди которых являются труды А. Е. Алекторова, Ч. Ч. Валиханова, М. Венюкова, В. В. Григорьева, Б. Даулбаева, С. Джантюрина, Н. И. Зибера, Г. Загряжского, Х. Кустанаева, Г. Н. Потанина, Е. Смирнова, Н. Северцова, М. Чорманова, А. П. Харузина и др.²⁹ Уже в середине XIX в. на повестке дня стояли проблемы, актуальность которых сохраняется и в наше время. П. Небольсин писал тогда: «Самый интересный, но вместе с тем и чрезвычайно трудный предмет для наблюдений исследователя составляет добросовестное дознание настоящих мест кочевья, системы перекочевок и распределения земель у кочевого народа³⁰. Мы часто слышим и в разговорах, а иногда читаем и в серьезных книгах, что „номады кочуют сегодня — там, завтра — здесь, бродят по степи без толку и сами не знают, куда судьба заведет их завтра“. В этих фразах нет ни одного слова правды... Неужели можно допустить мысль, чтобы они вовсе не дорожили... землей, на которой пасутся их стада... Слова эти не заслуживают ни малейшей веры. Нужна только добрая воля, нужно только сердечное желание узнать истину и в калмыцкой перекочевке, в перекочевке киргизов и других народов мы найдем строгую последовательность, строгую систему, которая докажет, что порядок и гармония господствуют и здесь, как и во всем мире»³¹.

В конце XIX — начале XX в. существенный вклад в дальнейшее изучение кочевого общества казахов внесли И. В. Аничков, В. Бенкевич, А. А. Диваев, А. К. Гейнс, Н. Коншин, Ю. А. Шмидт и в особенности А. И. Добросмыслов³². Тем не менее многие важные стороны кочевого быта и хозяйства оставались недостаточно изученными, что вызывало справедливые нарекания в русской историографии. В. А. Остафьев, например, писал в этот период: «Кочевое хозяйство до сих пор до такой степени *terra incognita*, что даже трудно познакомиться с ним по литературе»³³. В начале XX в. И. Пахомов констатировал: «В настоящее время можно считать общепризнанным, что для понимания истории какого-нибудь народа необходимо знать историю его экономического состояния. Есть немало людей, утверждающих даже, что развитие

производительных сил или средств производства есть основа, базис всего совершающегося в человеческом обществе. И несмотря на это, для изучения экономического строя и эволюции его сделано очень мало»³⁴. Особенно плохо, заключает он, обстоит дело с изучением народов, стоящих на сравнительно низкой ступени социального развития, в частности казахов.

Значительным шагом вперед явилось издание целой серии «Материалов по киргизскому землепользованию»³⁵, которыми было положено начало детальному изучению кочевого хозяйства казахов. В них был собран огромный и до сих пор еще не обработанный в достаточной мере фактический материал, значение которого просто невозможно переоценить. Следствием все еще сохранявшегося интереса к казахам в начале XX в. явился выход важных в научном отношении работ Р. Карутца, А. Кауфмана, П. Румянцева, П. Хворостанского, Б. А. Скалова³⁶.

Качественно новый период в изучении кочевого общества казахов начинается в советское время. 20-е гг. хотя и характеризуются по преимуществу традиционным подходом и оценкой социального строя кочевого общества, однако все больший упор делается в это время на изучение системы хозяйствования у кочевников-казахов, что было обусловлено спецификой переходного периода, когда остро стоял вопрос об оседании номадов. Был сделан важный шаг в сторону углубления наших знаний о хозяйстве казахов-кочевников³⁷. И если для русской и зарубежной историографии нового времени³⁸, впрочем, как и для исследований 20-х гг., характерно господство концепции бесклассовости кочевых обществ, то в 30-х гг. фактически происходит полный пересмотр прежних оценок и делается шаг в сторону сближения кочевой модели общественного развития с оседло-земледельческой, что и нашло, пожалуй, свое наиболее контрастное выражение в классовой идентификации общества номадов и отождествлении его с феодальным обществом³⁹. Однако уже в этот период намечилось два пути решения данной проблемы⁴⁰. В основе их лежали взгляды Б. Я. Владимирцова⁴¹ и С. П. Толстова. С. П. Толстовым была выдвинута рациональная мысль о необходимости прежде всего вычленения важнейшего элемента экономики кочевников, в котором содержится все существо данного общества⁴².

В 40 — начале 50-х гг. получили развитие две концепции истории кочевых народов, следствием которых была Ташкентская дискуссия 1954 г.⁴³ По мнению последователей С. П. Толстова, в основе социальной дифференциации номадов лежала собственность на скот⁴⁴, сторонники Б. Я. Владимирцова настаивали на преобладающей роли собственности на землю или на то и другое вместе⁴⁵. Конец 50 — начало 60-х гг. характеризуется выходом значительного числа трудов, в которых участники дискуссии отстаивали свои основные положения⁴⁶. Для обоснования указанных концепций был привлечен обширный источниковый материал, поставлены на повестку дня новые вопросы, детально описаны и проанализированы некоторые стороны кочевого хозяйства, различные аспекты социальной истории общества и т. п. Вместе с тем уже в это время стало ясно, что необходимо выявить новые пути решения проблемы, и прежде всего обратить внимание на изучение различных сторон хозяйственной жизни кочевников посредством более широкого сопоставления разных синхронных друг другу этносов, более широкого охвата археологического и этнографического материала, всестороннего исследования процесса эволюции и трансформации кочевых обществ с момента их появления на арене мировой истории⁴⁷. Следствием этого стало появление ряда работ, в которых предпринималась попытка более широкого, комплексного и обобщенного подхода к социально-экономическим проблемам кочевничества, выявления основных направлений и закономерностей в процессе исторического развития номадов⁴⁸.

Последнее десятилетие характеризуется, с одной стороны, углубленным изучением внутреннего развития отдельных кочевых этносов, всесторонним исследованием хозяйства кочевников и опосредствованных системой материального производства социальных процессов в истории кочевых обществ Евразии⁴⁹. С другой стороны, продолжается широкое, комплексное исследование основных закономерностей, присущих номадам во всемирно-историческом процессе, анализ тех явлений и причин, которые обусловили общий характер социально-экономического развития кочевых обществ, роль и значение в их истории этнокультурных контактов с оседло-земледельческой средой⁵⁰. Более глубокому пониманию общих закономерностей

тей и специфики развития кочевых народов в значительной степени содействовали крупные многоплановые историко-теоретические исследования А. М. Хазанова, Г. Е. Маркова, А. И. Першица, С. И. Вайнштейна, С. А. Плетневой, В. П. Шилова и др.⁵¹ Следствием более широкого комплексного подхода к проблемам истории номадов стало появление серии работ, в которых прослеживается влияние географического фактора на хозяйство и общество кочевников⁵². Особый интерес представляют исследования Б. А. Федоровича, В. А. Пуляркина, О. Р. Назаревского⁵³. Следует отметить вклад зарубежной историографии в разработку данной проблемы⁵⁴. В кочевниковедческой историографии последних лет все большее признание получает точка зрения Г. Е. Маркова, согласно которой кочевники не могли спонтанно перейти рубеж классового общества и в целом оставались на уровне дофеодального, раннеклассового общества⁵⁵.

В данной работе предпринимается попытка исследовать влияние природной среды на систему материального производства и опосредствованно на социальные процессы на примере кочевников-казахов. Основной упор в ней сделан на изучение системы выпаса скота, ее сезонных особенностей, исследуется социальная организация кочевого общества казахов, различные уровни ее структуры и главным образом община, рассматриваются отношения собственности, господства — подчинения, социальной стратификации, взаимоотношения субъектов собственности и массы непосредственных производителей в процессе производства, различные формы зависимости и отчуждения прибавочного продукта. Работа представляет собой синхронный срез на уровне XVIII—XIX вв. и не претендует на анализ данной проблемы в плане эволюции кочевого хозяйства, хотя и затрагивает отдельные ее аспекты в диахронном срезе. Вместе с тем она является попыткой вычленения наиболее общих принципов взаимодействия кочевой экономики со средой обитания.

Глава I

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Казахстан, располагаясь на стыке самых различных географических зон, отличается чрезвычайным разнообразием геофизических и природно-климатических условий и представляет собой довольно сложную и вместе с тем целостную экосистему, характеризующуюся рядом специфических черт. Это обусловлено его внутриконтинентальным расположением — в глубине материка Евразии между 40—55° с. ш. и 46—87° в. д., почти на равном расстоянии как от Тихого и Атлантического, так и от Индийского и Северного Ледовитого океанов. Природа Казахстана носит переходный характер между природой Средней Азии и Сибири, Восточной Европы и Центральной Азии. В конце четвертичного периода установилась физико-географическая обстановка, весьма близкая к современной¹.

В геофизическом отношении Казахстан представляет собой в основном низкогорную равнину с обширными плоскими низменностями и впадинами, приподнятыми плато и низкогорными массивами, чередующимися по всей территории региона. Высокогорные районы со снежными вершинами занимают восточную и юго-восточную части данной территории. Поверхность Казахстана имеет общий наклон с юга на север и с востока на запад, понижение происходит постепенно, причем высокогорные и низкогорные участки чередуются с межгорными долинами и обширными равнинами. Такой характер поверхности играет большую роль в формировании климата и размещении природных ландшафтов.

В равнинно-низкогорной части значительную территорию занимают Западно-Сибирская, Туранская и Прикаспийская низменности, которые характеризуются горизонтальными отложениями, небольшими речными долинами и впадинами, чередованием на юге обширных плоских равнин с песчаными массивами. В отличие от Западно-Сибирской Туранская и Прикаспийская низменности плохо обводнены, большая часть рек маловодна и теряется в песках.

Значительную часть территории Казахстана занимают возвышенности: Устюрт, Тургайское, Предуральское (Эмбенское) плато, Бетпак-Дала, Прибалхашская равнина и часть возвышенности Общий Сырт. Возвышенности расположены в основном между низменностями и низкогорными участками, они представляют собой горизонтально залегающие осадочные отложения, поверхность которых по большей части ровная, местами слабоволнистая, с небольшими возвышениями, иногда с крутыми обрывами и речными долинами. Имеются значительные песчаные массивы. Ряд возвышенностей, в частности Бетпак-Дала, Устюрт, Прибалхашская равнина, плохо обводнены, кое-где встречаются небольшие понижения с солончаками. В отличие от них Тургайское плато сравнительно хорошо дренируется ручьями и притоками рек Тобола и Ишима, Предуральское плато — рекой Эмбой и мелкими степными речками, Общий Сырт — многочисленными притоками Урала.

Низкогорные районы Казахстана, являющиеся основными участками равнинного района, представлены древними, сильно разрушенными горными массивами, к которым относятся Центрально-Казахстанский мелкосопочник, Мугоджары и Мангыстауские горы. Они представляют собой чередование мелкосопочного рельефа, останцевых гор и выравненных участков, расчлененных долинами рек, котловинами и оврагами. Низкогорные районы играют исключительно важную роль в формировании климатических зон и являются естественным водоразделом между сточными и внутренними замкнутыми бессточными бассейнами, климаторазделом между севером и югом (Центрально-Казахстанский мелкосопочник) и Западным и Центральным Казахстаном (Мугоджары).

Высокогорные области Казахстана представлены горными системами Алтая, Саур-Тарбагатай, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня. Все горные системы имеют сложное орографическое и геологическое строение и отделены друг от друга обширными межгорными впадинами. Они отличаются высоким сильно расчлененным рельефом, богатством рек и озер, снежными вершинами, горными хребтами с многочисленными и сильно разветвленными отрогами, чередующимися с выравненными участками, межгорными котловинами и впадинами².

Особенности рельефа в сочетании с другими природно-климатическими факторами определили гидрографический режим территории Казахстана. Основная масса водных ресурсов относится к области внутреннего стока и лишь северная часть территории Казахстана — к сточному бассейну (бассейны рек Иртыш, Ишим, Тобол). Начало многим речным артериям и грунтовым водам дают горные районы (ледники, вечные снега, частые атмосферные осадки), что обеспечивает стабильный характер их наполнения. По выходу из гор реки приобретают равнинный характер, условия их питания ухудшаются. Большая часть горных рек заканчивается в бессточных озерах или теряется в песках. Реки равнинной части питаются в основном за счет таяния снегов, атмосферных осадков и грунтовых вод. Большинство рек равнинного Казахстана пересыхает в летний период, образуя небольшие озера, солончаковые поверхности, заболоченные участки, либо уходят под землю, теряются в песках. Это обусловлено тем, что в Казахстане наблюдается значительное преобладание испарения с водной поверхности над суммой годовых осадков. Вместе с тем густота речной сети уменьшается с севера на юг, в степной зоне она составляет на каждые 100 кв. км 4—6 км, в полупустынной—2—4 км, а в пустынной—0,5 км. Реки Казахстана варьируются также по сезонам основного стока. Весенний сток составляет у всех равнинных рек Казахстана 86—90%, летний—5—7, осенний—1—3, зимний—2—4%. Отличительной особенностью равнинной части Казахстана является, таким образом, редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком воды и большая густота временных потоков. Несколько иной характер носит сток горных рек (наиболее крупные из них Или, Чу, Талас, Арысь, Каратал, Лепса),

у которых сток всего паводкового периода (с апреля по сентябрь) составляет в среднем 50—60%³.

На обширных пространствах Казахстана рассеяно множество озер. Сильная изменчивость климатических условий и водного баланса обуславливает непостоянство площади и режима озер, их геохимического состава. По мере нарастания засушливости с севера на юг доля бессточных озер и их минерализация увеличиваются. Из общего числа озер Казахстана 90% имеют площадь до 1 кв. км. Преобладание мелких и небольших озер объясняется наличием слабо выраженных отрицательных форм рельефа, поскольку большая часть этих озер размещена в лесостепной и степной зонах Казахстана, в поймах крупных рек и в дельтовых участках бессточных рек, нередко теряющихся в песках. Основными источниками питания озер являются поверхностные и грунтовые воды, талые снега и атмосферные осадки. Вследствие этого большинство озер — пресные и слегка солоноватые. Озера Казахстана из-за больших внутригодовых и многолетних изменений климатических условий отличаются неравномерностью водного баланса, непостоянством уровня, что ведет к пересыханию значительной части озер летом и осенью, а также в многолетние маловодные периоды⁴.

Географическое положение Казахстана — в центральной части Евразии в поясе умеренных широт — определило особенности и характер природно-климатических условий, являющихся результатом взаимодействия подстилающей поверхности, солнечной радиации и атмосферной циркуляции. Продолжительность солнечного сияния на территории Казахстана весьма велика и составляет в среднем от 2000 до 3000 часов в год. Поскольку величина притока солнечной радиации во многом определяется географической широтой местности, облачностью и циркуляционными особенностями, то закономерным итогом этого является постепенное ее увеличение с севера на юг. Данное обстоятельство определяет интенсивный перегрев подстилающей поверхности в летний период, когда величина суммарной радиации на юге более чем в четыре раза превосходит сумму радиации зимних месяцев⁵.

Следствием внутриконтинентального положения Казахстана является резко континентальный режим климатических условий, характеризующийся резкими суточны-

ми, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Континентальность климата в Казахстане увеличивается в направлении с запада на восток. Наибольшая континентальность имеет место на северо-востоке Казахстана, где разность средних температур января и июля достигает 41° . С продвижением к югу на большей части равнинной территории годовые амплитуды колебаний средних месячных температур равны $37-39^{\circ}$, за исключением крайней южной части, где они уменьшаются до $30-35^{\circ}$. Весьма велики и суточные колебания температуры воздуха, которые в летний период составляют в среднем $12-16^{\circ}$ (25—40% всех дней) и нередко достигают $25-30^{\circ}$, а в зимний — от 4 до 12° (50—70% всех дней), иногда достигая $16-20^{\circ}$. Наибольшие суточные амплитуды колебаний температуры воздуха наблюдаются на севере Казахстана в июне и июле ($13-15^{\circ}$), а на юге в августе и сентябре ($18-20^{\circ}$)⁶.

Другой особенностью климата Казахстана, обусловленной удаленностью от океанических источников влаги, является резко выраженная аридность, наиболее отчетливо проявляющаяся в равнинной его части, которая наименее обеспечена атмосферными осадками. Относительное увлажнение широтной нормы на севере Казахстана составляет 50—30% и, закономерно уменьшаясь по направлению к югу, не превышает в пустынной зоне 5%. В лесостепной зоне, расположенной севернее 54° с. ш. и охватывающей около 7% территории Казахстана, в среднем за год выпадает от 250 до 350—400 мм осадков, в степной зоне, расположенной севернее 50° с. ш. и составляющей более 20% его территории, их количество снижается до 200—300 мм. В полупустынной зоне, расположенной севернее 48° с. ш. и составляющей более 20% территории, годовое количество атмосферных осадков колеблется в диапазоне 160—220 мм. В зоне пустынь (южнее $47-48^{\circ}$ с. ш.), занимающих более 40% территории Казахстана, количество осадков уменьшается до 180—80 мм в год. Недостаточность увлажнения усугубляется тем, что повсеместно, за исключением высокогорья, годовая величина испаряемости вследствие большого притока солнечной радиации значительно превышает годовое количество осадков: в лесостепной зоне в 2—3 раза, в степной в 3—7, в полупустынной в 7—20, в пустынной в 10—12 (а

в летний период в 20—70 раз). В предгорьях и горах Казахстана в среднем за год выпадает более 400 мм атмосферных осадков, достигая вблизи области современного оледенения 700—800 мм⁷.

Наряду с этим природные условия Казахстана характеризуются неравномерным выпадением и сезонным распределением атмосферных осадков. Зимой на равнинной части Казахстана выпадает очень мало осадков — 50—100 мм (20—30% годовой нормы), к предгорьям их количество увеличивается до 500 мм. Из-за этого почва, особенно в степной зоне, часто бывает оголена и промерзает на большую глубину, в Центральном Казахстане — до 200—250 мм. Большая часть осадков выпадает в летний период: в лесостепи и степи до 275 мм (60—80% годовой нормы), в пустыне — менее 50 мм (35—40%), в предгорной зоне и горах — до 600—700 мм. Вследствие неравномерности выпадения осадков уже в весенний период наблюдаются умеренно засушливые погоды, а в мае — даже суховеино засушливые. Когда осадков бывает особенно мало, происходит сильное иссушение почвы. Почвенный покров из-за неравномерного распределения осадков, промерзания почвы, действия талых вод, сильного иссушения, пыльных бурь, суховеев и обильных летних осадков подвержен эрозионным явлениям⁸.

На территории Казахстана имеют место явления атмосферной засухи, представляющей собой жаркую и резко засушливую погоду. Засуха формируется радиационными процессами трансформации воздушных масс и характеризуется высокой испаряемостью, отсутствием осадков фронтального происхождения, незначительной облачностью и повышенной солнечной радиацией. Примерно в 50—70% случаев продолжительность вспышек засухи на территории Казахстана достигает 3—5 дней, в 25—30% случаев — 6—10 дней и в 5—12% случаев — 11—15 дней. Иногда атмосферная засуха продолжается 30—40 дней. В среднем на севере Казахстана в течение теплого полугодия (апрель—октябрь) бывает 8—10 вспышек атмосферной засухи различной продолжительности. К югу среднее число засух возрастает до 12—15. В отдельные годы оно колеблется от 2—10 (минимум) до 17—20 (максимум). В среднем число дней с атмосферной засухой в теплое полугодие колеблется преимущественно

в пределах 8—11 в месяц. В отдельные годы это число может возрастать до 17—29. Месяцы с отсутствием явлений атмосферной засухи почти не наблюдаются. Среднее число дней с засухой составляет в лесостепной зоне 37 и в отдельные годы превышает 100, в степной зоне — в среднем 69 и выше. В полупустынной зоне число дней с засухой в отдельные годы достигает 20—25 в один летний месяц. Результатом засухи является обмеление бессточных озер, водоемов и болот, понижение уровня и водоносности рек, их пересыхание и понижение уровня грунтовых вод, иссушение почвы, что обуславливает угнетенное состояние и усыхание пастбищной растительности, лесные пожары и т. п.⁹

Разнообразие геофизических и природно-климатических условий определяет многообразие ландшафтов при сохранении хорошо выраженных горизонтальных и вертикальных географических зон. Широтная зональность в Казахстане проявляется не только в увлажненности, термическом режиме, но и в продолжительности летнего и зимнего сезонов года, условным показателем которых являются устойчивые переходы средней суточной температуры воздуха соответственно через 15 и 0°. Наиболее длительная зима (6 месяцев) и самое короткое лето (3 месяца) наблюдаются на севере Казахстана и, наоборот, короткая зима (менее 60 дней) и продолжительное лето (около 6 месяцев) имеют место на крайнем юге в пустынной зоне. В Центральном Казахстане зимний и летний сезоны по продолжительности примерно равны между собой. Весна и осень повсеместно отличаются сравнительно небольшой продолжительностью и характеризуются быстрым повышением температуры весной и менее интенсивным спадом осенью. Весенний период на всей территории Казахстана длится менее 50 дней, за исключением юга и предгорий юго-востока, где его продолжительность достигает 2 месяцев. Осень не превышает 2 месяцев на всей территории региона, за исключением Центрального Казахстана и Прииртышья (менее 50 дней). В целом климатические зоны Казахстана соответствуют ландшафтным зонам¹⁰.

Геофизические и природно-климатические условия определяют многообразие ландшафтов на территории Казахстана, группирующихся в четыре природные, или

ландшафтные, зоны. Поскольку основной причиной ландшафтной зональности является неравномерность распределения солнечной радиации, то расположение зон носит в целом широтный характер. Из-за особенностей рельефа широтная зональность выражена не везде одинаково равномерно и четко. В северной части Казахстана в основном на плоских равнинных участках располагается лесостепная ландшафтная зона, характеризующаяся суровым и резко континентальным климатом, максимальной средней мощностью снежного покрова в 30—50 см и продолжительностью его залегания в 150—160 дней. Продолжительность периода активной вегетации с температурой выше 10° составляет 120—130 дней. Это зона явно выраженного преобладания летних осадков (до 60% годовой нормы). Амплитуда колебаний среднесуточной температуры января и июля порядка 38—40°. Вследствие равнинного характера рельефа и засушливости климата из-за близости пустынь поверхностный сток невелик и преобладает вертикальный дренаж почвы. В лесостепной зоне почвы в основном черноземные, толщина слоя достигает 75 см. Растительность состоит из злаков и разнотравья, имеется лесная растительность¹¹.

Значительную часть территории Казахстана занимает зона степей, протянувшаяся на 2200 км от северной части Прикаспийской низменности до Алтайского края. Отличительной особенностью этой зоны является преобладание равнинного рельефа. Степная зона характеризуется сухим резко континентальным климатом, засушливостью. Большая часть атмосферных осадков (около 50% годовой нормы) приходится на летний период. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет 30—40 см, длительность его залегания 140—160 дней. Вследствие неравномерности его распределения на территории степной зоны и зимних оттепелей (в 50% всех зим наблюдаются оттепели с повышением температуры воздуха до 0°) при последующем резком похолодании почва в отдельных районах промерзает на 150—220 см, наблюдаются продолжительные гололедные явления. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37—43°. Число дней в году с температурой выше 10° равно 135—160. Степная зона отличается значительным развитием ветровой эрозии, наиболее резко прояв-

ляющейся в позднее весеннее время. Общее число дней с пыльными бурями в теплое время колеблется в среднем от 20 до 80. В целом степная зона характеризуется большей засушливостью и континентальностью климата по сравнению с лесостепной. Если в лесостепной зоне число дней с осадками составляет в среднем за год 100—145, то в степной — 100—130, число дней с гололедом в лесостепной зоне 5,3 в год, в степной — 6,2—8,7. Причем в отдельные годы продолжительность гололеда может достигать в степной зоне 25 и более дней. Почвы степной зоны в основном черноземные и каштановые. Растительность разнотравная¹².

Полупустынная зона, являющаяся переходной ландшафтной зоной между степью и пустыней, отличается резко континентальным, засушливым климатом, жарким летом и суровой зимой. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха 37—41°. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет 20—30 см, а на востоке зоны 40—60 см, длительность его залегания 80—180 дней. Продолжительность периода с температурой воздуха выше 10° — 150—180 дней. Зимой выпадает около 40% годовой суммы осадков. Продолжительность сухих периодов (без атмосферных осадков) изменяется в летний период в диапазоне 41—65 дней. Число дней с осадками 80—100 в течение года. Основные почвы зоны светло-каштановые, имеются солонцы. Широко распространены степные и пустынные растения¹³.

Большую часть равнинного Казахстана занимает пустынная зона, которая характеризуется продолжительным жарким летом, очень холодной для данных широт зимой, малым количеством атмосферных осадков, засушливостью, значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха и почвы, отсутствием постоянных поверхностных водотоков, накоплением в верхних горизонтах почвы солей, большими песчаными массивами. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет от 20 до 1 см, длительность его залегания от 35 дней на юге до 120 на севере зоны. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 30—41°. Продолжительность периода с температурой свыше 10° — 150—215 дней. Число дней с осадками за год в среднем 50—70. На долю зимних осадков

приходится 30—65% годовой суммы. Суточные колебания температуры воздуха в среднем составляют 18—20°, а нередко и 25—32°. Среднее число дней с гололедом в течение года наибольшее на территории Казахстана и равно 9,7¹⁴.

Вследствие устойчивых и сильных похолоданий после оттепелей и жидких переохлажденных осадков в Казахстане повсеместно наблюдаются гололедные явления, распределение и повторяемость которых колеблется в большом диапазоне, резко возрастая по направлению к горам и с севера на юг. Гололедные явления обуславливают джут — гибель скота из-за бескормицы, когда поверх снежного покрова или почвы образуется ледяная корка, которая не позволяет скоту потреблять естественный травостой. Другим фактором, вызывающим джуты, являются сильные снегопады и метели. Средняя продолжительность метелей в течение года составляет 300—450 часов в Северном и Центральном Казахстане и 1—5 часов в Южном¹⁵.

Следствием достаточно ярко выраженной засушливости, неравномерности сезонного распределения атмосферных осадков, низкой продуктивности почвенных ресурсов (от 1% гумуса в пустынной зоне до 5—7 в лесостепной), слабой обводненности, широкого распространения явлений атмосферной засухи, промерзания почвы, сильных ветров, наличия огромных песчаных массивов является крайняя бедность и низкая кормовая продуктивность естественного растительного покрова Казахстана. По мере аридизации природно-климатических условий и увеличения сухости воздуха продуктивность естественного травостоя закономерно уменьшается с севера на юг и составляет в пустынной зоне 1—3,5 ц на 1 кв. км, в полупустынной — 2—3,5 ц, в степной и лесостепной — 3,5—9 ц. В горной и предгорной полосе в результате более благоприятного режима увлажнения и отсутствия солонцов она увеличивается: до 2,5—5 ц в зоне пустынных предгорий, до 3—17 ц в степных предгорьях и до 8—25 ц в горных и высокогорных районах Казахстана. В видовом отношении в Казахстане преобладают мезофиты (48,9%), ксеромезофиты и мезоксерофиты (31,3%), ксерофиты (9,4%). Для растительного покрова характерны сезонная продуктивность, обусловленная различиями в продолжи-

тельности вегетационного периода, зональность. Развитие эфемеров и эфемероидов связано с ярко выраженным увлажнением в зимне-ранневесенний период, следствием которого является 100-процентная продуктивность весной и 50—60-процентная летом, в то время как полынные ассоциации растительности достигают максимума лишь к середине осени и наиболее поедаемыми полыни становятся после холодов, когда улетучиваются их эфирные масла. Солянковая растительность также становится поедаемой лишь в осенне-зимний сезон, в то время как растительность песков пригодна для выпаса в течение всего года, но ее использование в основном приходится не на период максимальной продуктивности, а на период, когда другие пастбища бескормны. Для большинства злаковых травостоев весна оказывается временем наиболее продуктивного использования. Осенью наступает время интенсивного поедания полыней и большинства солянковых, а на севере Казахстана — степных злаков осенней вегетации. Зимой возрастает относительная поедаемость солянковой и полынной растительности, а также тростниковых зарослей¹⁶. Вместе с тем для естественного покрова характерны весьма значительные колебания урожайности, в частности в полупустынях в пределах 1 : 5,4 на песчаных пастбищах и 1 : 40 для разнотравья, в пустынях на песчаных пастбищах в пределах 1 : 5 и для однолетнего разнотравья 1 : 60. Такие значительные колебания урожайности растительного покрова нередко влекут за собой губительные последствия для скотоводческого хозяйства¹⁷.

Итак, природно-климатические условия Казахстана характеризуются резко выраженной аридностью, континентальностью и зональностью, бедностью почвенных и водных ресурсов, что в свою очередь обуславливает крайне скудный растительный покров, резкие колебания его урожайности и зональность вегетационного периода жизнедеятельности естественного травостоя, сезонный характер его наивысшей продуктивности.

Глава 2

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ АРИДНОЙ ЗОНЫ КОЧЕВНИКАМИ

1. Проблемы генезиса номадизма

Скудные природные ресурсы среды обитания определили динамическое состояние кочевников, вынужденных передвигаться в поисках естественного травостоя и водных источников. Это было вызвано тем, что для нормального воспроизводства стада при условии обеспечения необходимого продукта трудящимся индивидам в аридной зоне степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса требовалось весьма значительное пространство пастбищных угодий, что уже само по себе детерминировало динамическое состояние номадов. Для нормальной жизнедеятельности, а следовательно, нормального воспроизводства одной особи лошади в течение года было необходимо в зоне степей не менее 20 га пастбища, особи овцы — 5—7 га в зависимости, конечно, от продуктивности пастбища. В зоне полупустынь и пустынь данная норма резко возрастала, например, для овец до 12—24 га и т. д. ¹ «...Корм в окрестностях аулов, — сообщают источники, — скоро вытравливается, почему киргизы часто меняют места своих стоянок...» ². Этот пример подтверждает мысль К. Маркса о том, что для номадов главным условием производства являются большие просторы ³.

Необходимость периодической смены пастбищ и соответственно этому направления передвижения кочевников определялись в значительной степени наличием водных источников, их качеством, зональными и сезонными особенностями продуктивного периода с активной вегетацией растительного покрова ⁴.

«Если вникнем в дело поближе,—отмечает П. Медведский, — то убедимся, что назначение в известный период времени того или другого участка под пастьбу преимущественно соотнобразуется с характером растительности почвы и временем цветения и зрелости растений, находящихся на этом участке. Руководствуясь при выборе пастбищ временем цветения растений, киргиз благодаря неразборчивости к корму вообще степного скота может распорядиться так, чтобы в каждый из периодов летнего сезона животные были на определенных, покрытых известной растительностью участках и имели хороший корм в достаточном количестве...»⁵. Это обстоятельство не просто обуславливало динамическое состояние номадов, но и определяло в известной мере скорость, направление, расстояния движения и детерминировало посезонный характер использования пастбищных угодий. Определенный минимум пастбищных ресурсов при рациональном их использовании, т. е. при учете их восстановительных возможностей для последующей эксплуатации, впрочем, как и водных источников, мог обеспечить жизнедеятельность строго нормированного количества скота в течение лишь определенного отрезка времени.

В становлении кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности важную роль сыграл также фактор континентальности, который оказал значительное влияние на посезонную организацию системы кочевания, конкретные формы и типы скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство нашло наиболее яркое выражение в преобладании меридионального направления кочевания, а также в имевшем место в горных и предгорных районах вертикальном направлении движения⁶.

В целом генезис кочевничества совершенно очевидно был обусловлен прежде всего природно-климатическими особенностями среды обитания и необходимостью организации нормального воспроизводства стада в специфичных экосистемах для обеспечения как минимум необходимого продукта трудящимся индивидам. Важную роль в становлении и формировании данного типа хозяйственно-культурной деятельности сыграли также особенности окружающей среды, как повышенный баланс солнечной радиации, обеспечивающий сильный перегрев подстилающей поверхности в летнее время и периодическую повто-

ряемость атмосферных засух, отсутствие ярко выраженных отрицательных форм рельефа, аридность, обусловленную недостаточностью водных источников и атмосферных осадков, преобладание величины ежегодной испаряемости над суммой осадков. Следствием внутриматерикового положения Казахстана в зоне степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса является резко континентальный режим климатических условий, характеризующийся сильными колебаниями суточных, сезонных и ежегодных величин температуры воздуха. Указанные особенности рассматриваемой экосистемы определили посезонный и зональный характер вегетационного периода растительного покрова, скудность и угнетенное состояние естественного травостоя, недостаточность водных ресурсов.

В данных условиях среды обитания кочевой режим хозяйствования, базирующийся на культивации скотоводства, являлся в докапиталистическую эпоху единственно возможным и экономически оправданным, так как только он мог обеспечить воспроизводство массы трудящихся индивидов. Более того, данный режим производственной деятельности был наиболее рациональным и наиболее полно соответствующим природно-климатическим условиям среды обитания при существующем в эту эпоху уровне развития производительных сил как в кочевом обществе, так и в оседло-земледельческой среде. Именно поэтому кочевничество во всемирно-историческом масштабе было распространено в докапиталистическую эпоху на территориях, которые не могли быть освоены и не осваивались другими видами производственной деятельности и одновременно характеризовались рядом уже перечисленных нами специфических особенностей. Вследствие этого, как нам представляется, существование номадизма вплоть до нового и отчасти даже новейшего времени не являлось, как полагают некоторые авторы, анахронизмом, поскольку никакая иная форма или режим хозяйствования не могли предложить сколько-нибудь реалистичной альтернативы освоению огромных аридных пространств Евразии умеренного пояса⁷.

В то же время в истории практически не известно (за исключением, может быть, попыток традиционных нома-

дов адаптироваться в более культурных областях при вторжениях, инвазиях и нашествиях на оседло-земледельческую периферию) случаев существования и культивации кочевого скотоводческого хозяйства за пределами указанных экосистем на более продуктивных в морфологическом отношении землях. Это объяснялось тем, что на плодородных землях в силу их более высокой продуктивности просто-напросто отпадала необходимость в периодических перекочевках в поисках естественного травостоя, а нормальное воспроизводство стада обеспечивалось без посезонного кочевания. Правда, известны случаи превращения завоеванных земель в одно огромное пастбище, на что, собственно, указывал и К. Маркс, но в этих случаях из-за огромной концентрации людских ресурсов не соблюдался так называемый принцип дисперсного состояния, что в итоге вело к быстрому стравливанию травостоя и вытеснению экосистемой кочевников за ее пределы⁸. Иначе говоря, срабатывал фактор обратной связи, когда производительные силы деструктивно воздействовали на среду обитания, которая в свою очередь оказывала обратное влияние на систему материального производства.

И если основные детерминирующие процессы в генезисе данного хозяйственно-культурного типа, обусловленные прежде всего природно-климатическими особенностями среды обитания в ареальных зонах, прослеживаются достаточно определенно, то проблема спонтанного перехода скотоводческих народов к номадизму еще не решена в сколько-нибудь удовлетворительной мере, впрочем, как и вопрос о том, на какой основе базировался процесс генезиса кочевничества. В самом общем виде в существующей историографии наметилось несколько путей решения данной проблемы⁹. По мнению ряда исследователей, в основе данного явления, которое, по-видимому, могло иметь место синхронно в Центральноазиатском регионе¹⁰, лежали эндогенные процессы в развитии и эволюции скотоводческого хозяйства, когда носители данного типа производственной деятельности по мере увеличения у них количества скота были вынуждены осваивать новые пространства либо интенсифицировать систему выпаса и соответственно организацию производственного цикла¹¹. Другие кочевниковеды полагают, что

в основе перехода скотоводческих народов к номадизму находился сложный комплекс факторов самого разнообразного происхождения (климатогенные, антропогенные и проч.), а непосредственным толчком явились объективные изменения в естественной среде обитания, когда комплексное хозяйство, и прежде всего земледелие, в силу усыхания климата исчерпали себя в данном регионе¹².

Весьма проблематично при такой постановке вопроса связывать становление кочевничества с климатическими изменениями среды обитания, поскольку накопление новых хозяйственных навыков происходило постепенно и едва ли древние насельники могли мгновенно прореагировать на подобную трансформацию природно-климатических условий. Впрочем, это обстоятельство в той или иной мере признается исследователями, которые нередко оговаривают, что генезис номадизма протекал в течение всего первого тысячелетия до н. э. Следует также поставить под сомнение возможность широкого распространения земледельческого хозяйства в аридной зоне Евразии. Думается, что необходимо некоторое смещение акцентов в постановке и решении проблемы. Становление скотоводческого хозяйства в предшествующий период происходило прежде всего на основе познания природно-климатических условий среды обитания. Но этот процесс не мог иметь место лишь на основе развития производящих форм хозяйства, т. е. главным образом скотоводства и земледелия. Скорее всего, познание природных ресурсов окружающей среды происходило на основе сочетания присваивающих и производящих форм хозяйства. Нам представляется, что оно происходило на основе сочетания охоты и скотоводческого хозяйства¹³. На эту мысль наводит то обстоятельство, что характер миграции диких животных аридной зоны Евразии (сайгаков, джейранов, куланов, диких лошадей) носил во многом аналогичный перекочевкам номадов характер¹⁴. Известно, например, что сайгаки в условиях данной экосистемы движутся в меридиональном направлении, а их миграция базируется на использовании факторов зональности и посезонной продуктивности растительного покрова и зависит от наличия водных источников¹⁵. Видимо, скотоводческие народы аридной зоны Евразии познавали данную экосистему в процессе передвижения вслед за дикими животны-

ми на основе симбиоза присваивающих (охота) и производящих (скотоводство) форм хозяйства в виде сезонно-мигрирующего типа хозяйственно-культурной деятельности. Думается, что этот путь исследования — наиболее перспективный из всех имеющихся в кочевниковедческой историографии на сегодняшний день. В этой связи, видимо, следует уточнить и процесс эволюции скотоводческого хозяйства.

Становление же собственно номадизма произошло, по-видимому, на базе постепенного, искусственного уменьшения числа диких животных по мере возрастания роли скотоводческого хозяйства. Иначе говоря, имело место постепенное вытеснение присваивающих форм хозяйства производящими, уменьшение удельного веса охоты и увеличение доли скотоводческого хозяйства вследствие сокращения дикой фауны (антропогенный фактор). Особый интерес в этой связи представляет предложенная В. Г. Мордковичем интерпретация данной проблемы. Он полагает, что охоту следует рассматривать как акцию по освобождению степных экологических ниш от диких животных в пользу домашних. В борьбе за пастбища, пишет он, огромные массивы степных пространств были освоены скотоводческим хозяйством человека за счет освобождения их от диких животных¹⁶. И, видимо, на определенном этапе этот процесс дошел до своего «верхнего предела», когда роль присваивающих форм хозяйства была сведена до минимума в данной экологической нише и на первый план уже в полный рост вышло скотоводческое хозяйство. Оно стало единственно возможной и реальной формой материального производства в ареальных зонах, которые в отношении охоты практически исчерпали себя.

В пользу этого мнения свидетельствует и то, что, например, у североамериканских индейцев становление одной из форм кочевничества уже в новое время происходило на основе весьма своеобразного симбиоза коневодства и охоты на бизонов¹⁷. Интересно также отметить, что облавная охота имела широкое распространение среди многих кочевых народов¹⁸, которую, очевидно, следует рассматривать как акт очищения среды обитания от конкурентных видов диких животных. Известно также,

что у монголов эпохи сложения империи Чингисхана огромное значение придавалось облавным охотам¹⁹. Небезынтересно отметить, что обряд усыновления Тэмучжина Ван-ханом и обряд братания последнего с Есугеем состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить —
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим²⁰.

Однако если это и магистральный путь эволюции скотоводческого хозяйства, то ответ на вопрос о непосредственном переходе к номадизму еще не вполне ясен. Во-первых, видимо, не стоит сбрасывать со счетов того, что земледелие могло исчерпать себя в маргинальных зонах и часть скотоводческих народов должна была перейти к кочевничеству²¹. Во-вторых, климатические изменения могли способствовать усилению давления человека на фауну аридной зоны, поскольку для культивации скотоводческого хозяйства, например в случае усыхания, необходимо было расширить среду обитания за счет диких животных. И, наконец, скотоводческое хозяйство вследствие роста поголовья скота исчерпало себя в период ксеротермического максимума в речных долинах и межгорных котловинах²². По-видимому, и облавные охоты у средневековых кочевников играли регулирующую роль во взаимоотношениях человека и среды обитания.

Таким образом, именно на основе симбиоза охоты и скотоводства, а в маргинальных зонах и земледелия могла происходить интенсификация системы выпаса и трансформация сезонно-мигрирующего комплексного хозяйства с преобладающей ролью скотоводства либо полуоседло-полукошачевого в форме отгонного пастушества в кочевничество. Иначе говоря, за счет накопления количественных процессов эндогенного происхождения и того, что присваивающие формы хозяйства и земледелия в период аридизации исчерпали себя в данной экологической нише, в начале первого тысячелетия до н. э. происходит качественная трансформация скотоводческого хозяйства, его коренное преобразование в новую форму материального производства. В процессе генезиса номадизма происходит освоение аридных пространств Евразии

качественно новой системой хозяйствования, более полная утилизация природных ресурсов среды обитания. Здесь можно привести данные М. К. Кадырбаева по Центральному Казахстану, которые свидетельствуют о том, что все могильники и поселения эпохи бронзы локализируются непосредственно по краю надпойменных террас небольших степных рек, в то время как основным районом расположения курганов эпохи раннего железа является открытая степь²³.

Представляется чрезвычайно актуальным выявить те изменения, которые, по-видимому, произошли со скотоводческими народами в процессе перехода к кочевничеству как с точки зрения экологии самого человека, его биологической основы²⁴, так и с точки зрения демографических и социально-экономических процессов. К сожалению, подобные исследования практически отсутствуют в историографии кочевничества. Можно также предположить, что в течение первого тысячелетия до н. э. и, возможно, в процессе Великих переселений происходила специализация номадизма как особого типа хозяйственно-культурной деятельности. По-видимому, процесс эволюции номадизма по направлению от меньшей подвижности к большей частоте перекочевок завершился в середине первого тысячелетия н. э.²⁵ Эволюция кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности, по-видимому, должна прослеживаться в тех элементах, которые характеризуют отношение номадов к природным ресурсам среды обитания, в усовершенствованиях и изменениях в системе материального производства.

2. Организация системы материального производства

Кочевничество есть не только приспособление человека к данной экосистеме посредством сезонного кочевания по определенным маршрутам в поисках удобных пастбищных угодий, но и такая организация системы материального производства, которая была направлена на рациональное использование природных ресурсов среды обитания посредством совершенствования различных элементов и видов хозяйственной деятельности, способ-

ных обеспечить не только воспроизводство стада, но и нормальное функционирование рассматриваемой экосистемы. «Процесс кочевания, — пишет И. Я. Златкин, — это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой производительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через установленное время»²⁶. Иначе говоря, одним из стимулов периодических перекочевов являлась необходимость восстановления кормовой производительности данного пастбища. «Для круглогодичного использования пастбищ, — отмечает Е. В. Шнайдштейн, — необходима их посезонная смена, что сопровождалось постоянными перекочевками. Постоянная смена пастбищ способствовала восстановлению их кормовой производительности, нерациональное использование их истощало»²⁷. Таким образом, номадизм опосредствованно, через систему организации процесса кочевания и выпаса скота, был весьма своеобразной формой трудовой деятельности по отношению к природным ресурсам среды обитания.

Чрезвычайную опасность для окружающей среды представляли в равной мере как перевыпас, так и недовыпас скота. Вследствие, например, неравномерного размещения скота, превышения допустимого количества его на единицу пастбища растительный покров, чрезмерно истребляемый животными, не успевал накопить резервные вещества, необходимые для собственного воспроизводства, и поэтому не мог преодолеть конкурентного давления посторонних видов растительности. Другим следствием перевыпаса является уплотнение почвы в результате чрезмерного статического давления животных на площадь пастбища, а также переунавоживание почвы, что влекло за собой повышение количества азота, которое оказывало токсическое действие на растительный покров²⁸. В итоге — эрозия и опустынивание земельных ресурсов. Не менее губительное действие на экосистему оказывал недовыпас скота²⁹. Поэтому необходимость сохранения экологического баланса, а вследствие этого и рационального использования природных ресурсов в целях обеспечения их восстановительных функций являлась одним из факторов становления и развития кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности.

Иначе говоря, кочевничество есть прежде всего процесс преобразования и совершенствования человеком различных форм трудовой деятельности, не только способных обеспечить воспроизводство себе подобных, но и направленных на восстановление и нормальное функционирование природных ресурсов среды обитания. Это обстоятельство обусловило динамическое равновесие в естественно-природных и социально-экономических процессах³⁰. Любое нарушение данного равновесия — давление производственных факторов на экосистему и ее обратное воздействие — детерминировало кризисные явления в развитии кочевого общества. С одной стороны, социальные явления в силу своего объективного развития нередко выходили за пределы присущей им экосистемы и обуславливали тем самым длительную фазу кризиса. С другой стороны, источником кризисных явлений были циклические колебания в природно-климатических условиях среды обитания, а также экстремальные изменения, аномальные по отношению к обычному течению естественных процессов, в виде гололеда, атмосферных засух, суховеев, метелей и т. п. Очевидно, значительная зависимость кочевого режима хозяйствования от условий окружающей среды ограничивала известными рамками развитие социально-экономических процессов.

В основе жизнедеятельности кочевников лежал прежде всего принцип дисперсного состояния, который, несомненно, сыграл решающую роль в генезисе кочевничества. Это было обусловлено объективно заложенной в природе данного типа хозяйственно-культурной деятельности необходимостью максимально возможного рассеяния трудящихся индивидов, материальное производство которых в основном базировалось на культивации скотоводства и потреблении его продукции. «Скудная растительность степей, — свидетельствует П. Медведский, — не позволяет слишком большого скучения народа. Чтобы удобнее прокормить свои стада, каждый несколько зажиточный киргиз старается поселиться особняком, и чем дальше от других, тем охотнее; вследствие этого очень нередко около иного аула не встречается жилья верст на 15 и 20»³¹. Данное обстоятельство было следствием того, что площадь естественного пастбища, необходимая для жизнедеятельности одной особи, была настолько велика

в аридной зоне степей, полупустынь и пустынь Центральной Азии³², что сосредоточение скота сверх допустимого количества в пределах данной экосистемы затрудняло, а нередко не обеспечивало нормального воспроизводства не только его поголовья, но даже необходимого продукта для массы непосредственных производителей.

Важным препятствием для сосредоточения большого числа скота являлось отсутствие соответствующих водных источников. «...Для множества лошадей и верблюдов, — отмечал еще С. Броневский, — киргизские колодези недостаточны»³³. Для скотоводческого хозяйства необходима равномерная сеть водных источников на больших пространствах, но с малым расходом в каждом из них и с возможностью быстрого однократного использования воды. Причем расстояние между пунктами водопоя не должно превышать для летних пастбищ 5 км, а для осенних и весенних — 10 км³⁴. Следует указать также и на сильную минерализацию водных источников, что не позволяло равномерно использовать их для всех видов скота, поскольку воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны для овец и верблюдов и лишь временно для крупного рогатого скота, а для людей и лошадей непригодны вовсе³⁵. Вследствие этого достаточно определенно прослеживается недостаток водных источников для скота и нормального существования людей. «Хозяйствономада, — отмечал Р. Карутц, — регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев»³⁶.

Иначе говоря, недостаточность кормовых и водных ресурсов обуславливала невозможность концентрации скота сверх лимита природных ресурсов среды обитания. Именно поэтому скотоводческое хозяйствономадов существовало как бы в дисперсном состоянии, в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов³⁷. В этом случае, несомненно, достигался наибольший эффект в использовании скудных пастбищных угодий аридной зоны Евразии. «Киргизы, — сообщает А. И. Левшин, — редко кочуют большим числом вместе: ибо стадам их тогда бывает тесно...»³⁸.

Для нормального воспроизводства скота было важно наличие не только значительных пастбищных массивов и водных источников, потребность в которых в случае чрезмерного сосредоточения скота резко возрастала, но и

времени, необходимого для его передвижения, для нормального поедания корма, его усвоения и отдыха скота, обеспечения его воспроизводительных функций и т. п. При скоплении скота сверх лимита резко возрастала скорость и интенсивность его передвижения, поскольку чем более интенсивно эксплуатировались пастбищные угодья, тем большей была потребность в их смене. При увеличении скорости кочевания резко ухудшались физические кондиции скота, а это влекло за собой слабую его наживровку в теплое время, недостаточное восстановление энергетических затрат в процессе кочевания и в конечном счете, чаще всего зимой, массовый падеж скота. «...От скорой перегонки, — сообщают Пospelов и Бурнашев, — оный скот подвержен бывает повреждению и самой гибели...»³⁹. Примером тому могут служить достаточно хорошо прослеживающиеся в источниках случаи, когда в периоды военных конфронтаций номады были вынуждены бежать от преследования своих врагов (например, Актабан-шубырынды)⁴⁰. Весьма интересный пример подобного рода можно привести в связи с практикой налоговых сборов царизма в Казахстане, зафиксированный у А. Янушкевича: «...Табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и больше верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался»⁴¹. Следствием огромного скопления скота, таким образом, и его беспорядочного перегона были массовая гибель скота, особенно молодняка⁴², выкидыши, опасность эпизоотий и заражения огромных пастбищных пространств. Следовательно, морфологические признаки и видовые особенности скота также обуславливали необходимость его рассредоточения, а скорость передвижения ограничивала интенсивность и ареал кочевания. Из этого видно, что кочевой режим хозяйствования не был, как полагают отдельные исследователи, беспредельно экстенсивным, в целом он был весьма заметно ограничен в передвижениях и различного рода перекочевках и базировался прежде всего на разумном использовании продуктивных качеств различных видов скота.

Правда, в случае излишней концентрации скота

имелась возможность интенсификации системы кочевания за счет изменения видового состава стада, и в частности увеличения поголовья более мобильных видов скота, в особенности лошадей, что в общем и прослеживается в зажиточных хозяйствах, но и в этом случае морфологические особенности вида в конечном счете также ограничивали количество особей на данной территории, а следовательно, и интенсивность системы выпаса и кочевания. Вместе с тем всеобщность подобной трансформации, и в частности оптимизации состава стада за счет увеличения конского поголовья, едва ли могла иметь место в кочевых обществах Евразии, поскольку цикл воспроизводства, функциональные и продуктивные качества лошади в масштабе общества не обеспечивали полного удовлетворения потребностей человека в необходимых для его жизнедеятельности средствах.

Значительное сосредоточение скота влекло за собой быстрое выбивание пастбищ, эрозию почвы, что особенно отчетливо прослеживается вблизи водных источников и стационарно устроенных поселений⁴³. «Огромные количества животных, — свидетельствует А. Ковальска-Левicka, — уничтожают растительность настолько, что во многих местах оголяются песчаные холмы и саванна превращается в пустыню. Особенно это бросается в глаза в окрестностях больших селений и в местах водопоя, куда в период засухи стягиваются многочисленные стада. На дюнах, окружающих эти места, нет и следа растительности»⁴⁴. Скопление скота сверх допустимого предела влекло за собой резкое понижение продуктивности пастбища, поскольку происходила пастбищная модификация растительного покрова — замена более продуктивных видов трав менее продуктивными, усиленный рост сорного неподаемого и малоподаемого разнотравья, уплотнение и засоление почвы, разрушение дернины, развеивание песчаных и других рыхлых и изреженных почв, т. е. происходила так называемая антропогенная дефляция. Следствием этого является опустынивание, усугубляемое водной и ветровой эрозией⁴⁵. Можно указать в этой связи на классический пример эрозии пастбищных массивов и их опустынивания во Внутренней орде, когда на протяжении более чем столетнего периода в результате постоянного увеличения количества скота при выпасе его на

одной и той же территории происходило быстрое вытаптывание и выбивание растительного покрова и эрозия пастбищ, а вследствие этого стремительное опустынивание прикаспийских районов Внутренней орды⁴⁶.

Необходимо учитывать также отрицательное воздействие различного рода природных аномалий в виде засух, гололеда, промерзания почвы, метелей, поскольку в экстремальные периоды продуктивность пастбищных угодий резко понижалась и потребность в естественном травостое значительно возрастала. Пагубное воздействие природных явлений разрушительного свойства особенно остро и болезненно сказывалось тогда, когда кризисная ситуация назревала в результате излишней концентрации скота. Таким образом, превышение допустимого количества скота на единицу пастбища, усугубляемое нередко природными аномалиями, приводило к кризисным ситуациям между ресурсами экосистемы, ее объективными возможностями и принципами хозяйствования.

В случае чрезмерного сосредоточения скота, а следовательно, и его более быстрого передвижения происходило нарушение привычного ритма жизни массы непосредственных производителей, что затрудняло их нормальное функционирование и производственную деятельность. Интенсивность и скорость кочевания зависели от множества факторов объективного происхождения, и прежде всего от необходимости обеспечения восстановительных функций трудящихся индивидов (функция рекреации). Необходимо было время для организации отдыха и быта, приготовления и приема пищи, сбора топлива, ухода за детьми, стариками, больными и роженицами, отправления культов и исполнения различного рода обрядов, ритуалов, церемоний и, главное, для производственной деятельности.

Закономерно поэтому, что всем кочевым популяциям свойственны неравномерность расселения, незначительная плотность и в целом рассредоточение массы населения на огромной по территориальному охвату площади. В степных районах Казахстана, например, где численность казахов-кочевников составляла не менее 90% всего населения, плотность его на 1 кв. версту, согласно данным Всеобщей переписи населения Российской империи

1897 г., колебалась в диапазоне 0,36—3,03 чел.⁴⁷ Аналогичные данные можно привести и по другим кочевым этносам⁴⁸.

Анализируя в этой связи частоту перекочевков nomadов, можно отметить, что наиболее интенсивной она была, по-видимому, у казахов адаевского рода, которые в процессе кочевания в течение года в зависимости от продуктивности пастбищных угодий делали от 60 до 120 остановок⁴⁹. Видимо, это был максимальный режим перекочевков или, во всяком случае, весьма близкий к нему. Имеются интересные данные по кочевникам Атбасарского уезда. Для nomadов, кочевой путь которых превышал 1000 верст в оба конца, количество остановок колеблется в диапазоне 40—91 в течение года, для кочевников с протяженностью маршрута более 1500 верст — в диапазоне 59—98, а для nomadов с протяженностью маршрута более 2000 верст — в диапазоне 69—107 остановок⁵⁰. Несомненно, что каждая такая остановка требовала от людей немалых усилий для сборки, погрузки, а затем и разгрузки предметов быта. Очевидно и то, что частота перекочевков в значительной степени зависела от благосостояния того или иного хозяйства, от качества и наличия транспортных средств, видового состава стада и т. п. Все это также ограничивало частоту и скорость кочевания.

Следовательно, кочевой режим хозяйствования строился прежде всего на рациональном и эффективном использовании пастбищных ресурсов и рассредоточении скота на возможно большей территории, ибо в условиях скудного травостоя и засушливого климата концентрация значительного числа скота находилась в полном противоречии не только с экологией среды обитания, но и с биологией основы кочевого хозяйства — скота и самого человека, не обеспечивая нормального воспроизводства стада и необходимого продукта для трудящихся индивидов. Данная тенденция находила свое непосредственное выражение в существующей у всех nomadов организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организациях, их предельно возможном рассредоточении на огромных пастбищных пространствах. «Для скотоводства, — отмечали в середине XIX в. русские исследователи, — нужны просторные пастбища. Это

принудило народ рассеяться по всей степи, раздробиться на множество отдельных мелких обществ»⁵¹.

Наиболее полное развитие тенденция дисперсного состояния получала у казахов зимой из-за невозможности передвижения, наличия снежного покрова и крайней недостаточности кормовых ресурсов. В это время года, как мы это увидим дальше, мелкие хозяйственные организмы кочевников расчленились на еще более мелкие производственные ячейки и поэтому находились в максимально возможном дисперсном состоянии. «Кочуя все лето целою волостию, — свидетельствуют источники, — на зиму принуждены разделяться на малые части по аулам»⁵². Данная тенденция в зависимости от конкретных особенностей среды обитания могла проявляться и в другие периоды года⁵³, о чем будет сказано ниже.

Представляется возможным сделать вывод, что в основе кочевого режима хозяйствования прежде всего лежал принцип дисперсного состояния носителей данного типа хозяйственно-культурной деятельности, обусловленный скудными природными ресурсами среды обитания, ее аридностью.

Вместе с тем необходимо указать и на то, что тенденция дисперсного состояния в кочевом обществе ограничивалась потребностями трудящихся индивидов в коллективном производстве, в трудовой кооперации, поскольку комплекс трудовой деятельности был так обширен, а выпас скота настолько сложен, что их осуществление в масштабах одной моногамной семьи — первичной производственной ячейки общества, в полном объеме было практически невозможно⁵⁴. Попытаемся проиллюстрировать это рядом примеров.

В кочевом обществе требовались значительные коллективные усилия для обеспечения скота водой. Как уже было показано, в Казахстане большая часть рек относится к области внутреннего стока и вследствие этого подвержена периодическому усыханию в летнее время года. Вместе с тем значительное преобладание величины испарения с водной поверхности над суммой годовых осадков определяет непостоянство площади всех водных источников и их гидрохимического состава. Поэтому главным водисточником были грунтовые воды, которые располагаются не везде на одном уровне. Для обеспечения скота

водой номады были вынуждены рыть либо колодцы, если подпочвенный слой располагался глубоко, либо копани, если грунтовые воды находились близко. О широком распространении колодцев свидетельствуют многочисленные источники⁵⁵.

В равнинной части Казахстана несомненно преобладающим был способ обеспечения скота водой посредством колодцев, глубина которых могла колебаться от 3—10 до 100 м в зависимости от расположения водоносного горизонта. Доставка воды из таких глубоких колодцев требовала больших коллективных усилий⁵⁶. Значительную трудность представляло поддержание колодцев в нормальном состоянии, поскольку незакрепленные стенки их постоянно обваливались, обсыпались, особенно в пустынной зоне⁵⁷, а сами колодцы нередко усыхали и загрязнялись. Поэтому кочевники каждый год, приходя на традиционные пастбища, первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы⁵⁸. Ежегодно на Мангышлаке, например, копалось от 200 до 600 новых колодцев⁵⁹. Трудоемким был и процесс рытья копаней — небольших углублений, наполнявшихся водой за счет близкого расположения грунтовых вод.

Другим способом обеспечения скота водой было создание искусственных водоемов путем обваловывания западин и низменных участков вблизи рек. Создание таких запруд и арыков также требовало значительных коллективных усилий, но их эффективность была меньшей, чем колодцев, из-за большой испаряемости с водной поверхности. Сильная минерализация практически всех водных источников, как естественных, так и искусственных, обуславливала сезонный характер использования водных ресурсов⁶⁰.

Коллективных усилий требовал и собственно процесс производства, в частности, такие его элементы, как выпас и охрана скота, уход за молодняком, роды, случка, стрижка, доение, забой на мясо. Так, например, случка верблюдов производилась вручную⁶¹, а для выпаса табуна лошадей в 1000 голов требовалось как минимум 4 пастуха⁶². Но особенно трудоемким был процесс зимнего выпаса. После обильных снегопадов, когда овцы не могут самостоятельно тебеневаться, необходимо было отрыть снег и открыть скоту доступ к естественному травостою:

либо в джутовые годы пробить ледяную корку. Все это требовало колоссальных усилий сравнительно большого трудового коллектива. «Хороший работник, — свидетельствует Б. Даулбаев, — прокармливал в день 100 баранов или 20 коров», разрывая лопатой снег для скота⁶³. Известны случаи, когда все члены общины от мала до велика выходили откапывать траву из-под снега⁶⁴. «К перечисленным мерам нужно отнести и то, — сообщает П. Медведский, — что во время метели все, от мала до велика, хлопочут около табунов, разъезжая верхом, стараются скучивать стада, подгоняют отставших животных, отыскивают отбившихся и проч.»⁶⁵.

Все это позволяет утверждать, что принцип дисперсного состояния, лежавший в основе кочевого режима хозяйствования, был в известной мере ограничен жизнедеятельной функцией кочевого общества, смысл которой заключался в обеспечении необходимого продукта и самовоспроизводства стада. Именно на этой основе происходила концентрация трудящихся индивидов в низшие производственные организмы общества — общины. Следовательно, происходила и концентрация скота в рамках данных организмов. Совершенно очевидно, что процесс материального производства, обусловливавший объединение трудящихся индивидов в коллективы, требовал огромных пастбищных пространств, что уже само по себе выступало в качестве важного фактора в генезисе номадизма, его становлении и последующем развитии.

Резко континентальный климат среды обитания требовал также концентрации скота, в особенности обладающих высоко развитым рефлексом тебеневки лошадей, в пределах указанных трудовых объединений, а нередко и в масштабах нескольких общин. С целью создания необходимых условий для зимнего выпаса скота кочевники практиковали объединение лошадей членов общины либо нескольких общин в общие табуны (кос), численность которых могла колебаться от нескольких сотен до тысячи голов, в среднем же кос состоял из 600—800 голов. Объединение лошадей в большие табуны производилось в известной мере и для того, чтобы кос, проходя по глубокому или обледенелому насту, обеспечивал тем самым возможность достижения естественного травостоя всему остальному скоту⁶⁶.

Таким образом, относительную концентрацию отдельных видов скота вызывала, с одной стороны, потребность в необходимом продукте, являющемся плодом коллективных усилий трудящихся индивидов, а с другой — потребность в нормальном воспроизводстве стада посредством объединения тебенюющихся животных. Данный фактор, по-видимому, также сыграл немаловажную роль в генезисе номадизма. Это дает основание заключить, что количество скота, необходимое для обеспечения прожиточного минимума человека, а в его лице и всей общины, при условии обеспечения воспроизводства стада, обуславливало потребность в сезонном кочевании массы населения, занятой в сфере скотоводческого хозяйства. Вместе с тем потребность в коллективных усилиях трудящихся индивидов зачастую ограничивала степень концентрации скота. В отдельные периоды года концентрация скота была близка к максимуму. Иначе говоря, данная тенденция получала в это время свое наивысшее развитие, и концентрация скота была близка к максимально возможной величине.

Если дисперсное состояние номадов было обусловлено в основном экономическими, экологическими и биологическими факторами и в меньшей степени социальными, то относительно концентрированное состояние — как экономическими, так и неэкономическими, и было бы неправомерно смешивать указанные процессы концентрации, что, к сожалению, зачастую наблюдается в кочевниковедческих исследованиях, поскольку первый из них был детерминирован собственно системой материального производства, необходимостью трудовой кооперации и лежал, по сути дела, в основе базисных отношений, в то время как второй в большей мере определялся социальными, политическими и военными причинами и был субстратной основой надстроечных по преимуществу явлений. В этой связи следует указать на интеграционные процессы в среде номадов, обусловленные прежде всего необходимостью организации отпора врагу либо нападения на неприятеля, которые играли весьма важную роль в организации системы материального производства⁶⁷. Интересно, что еще Дж. С. Милль обращал внимание на то, что «среди вторичных причин, обуславливающих произ-

водительность факторов производства, самая главная — безопасность»⁶⁸.

Диалектика взаимодействия тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния обусловила, на наш взгляд, весь процесс эволюции и трансформации кочевого общества, специфику и характер его развития во времени и в пространстве. Процесс их взаимодействия детерминировался прежде всего экологическими и экономическими факторами при высокой степени опосредованности неэкономическими, в частности социальными, политическими и военными, факторами⁶⁹. Характер взаимодействия указанных тенденций накладывал отпечаток на все сферы жизнедеятельности кочевого общества, их антагонизм детерминировал динамику этнокультурных связей, социальных и политических процессов. Диалектика взаимодействия тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния наиболее полно и последовательно может быть прослежена в сфере материального производства на примере системы выпаса скота и процесса кочевания.

3. Выбор и распределение пастбищных угодий

Природно-климатические условия среды обитания определили посезонный цикл кочевания и использования пастбищных угодий. Распределение пастбищных угодий по сезонам года базировалось на эффективном использовании природных ресурсов и определялось прежде всего особенностями и характером процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства. Непосредственное влияние на выбор посезонных пастбищ оказывали такие особенности природно-климатических условий, как зональность вегетационного периода растительного покрова, сезонный характер его наивысшей продуктивности, наличие и качество водных источников, степень обеспеченности атмосферными осадками, расчленение ландшафтных зон и отдельных элементов рельефа. Заметно влиял на посезонное распределение пастбищных угодий тип кочевого хозяйства, прежде всего зависевший от состава стада и организации процесса производства в каждой данной общине.

Уже сам факт посезонной организации процесса производства является ярким свидетельством не просто естественно сложившейся, но объективно существующей системы распределения пастбищных угодий в масштабах всего кочевого общества. «Все эти условия, — сообщают „Материалы по киргизскому землепользованию“, — создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при урегулированном землепользовании»⁷⁰. Это обстоятельство очень точно характеризует отношение номадов к земле как основному средству производства. «При пользовании пастбищами, — пишет П. Медведский, — киргизы соблюдают известную постепенность: иные места вытравливаются прежде, другие позже, а третьи исключительно назначаются на зиму. Это заставляет киргизов делать частые, нередко очень значительные переходы с одного клочка земли на другой; такие переходы на первый взгляд чисто произвольные, но в сущности строго определенные...»⁷¹. Несомненный интерес представляет мнение и такого знатока кочевого быта, как А. Е. Алекторов: «Переходы киргиз настолько точны и регулярны, что можно заранее сказать, где можно найти какой-нибудь из их кочевых аулов в любой день в году»⁷².

Приведенные данные с достаточной очевидностью свидетельствуют, что так называемый незамкнутый цикл кочевания, т. е. выпас скота с неурегулированным землепользованием, был практически невозможен в природно-климатических условиях Казахстана. Тем более что они, несомненно, сыграли весьма значительную роль в генезисе собственно кочевничества. Думается поэтому, что всем кочевникам Евразии был имманентно присущ замкнутый цикл кочевания по строго определенным маршрутам в рамках строго регламентированных пастбищных угодий⁷³. В противном случае имело бы место нарушение основных объективно существующих принципов ведения кочевого хозяйства, и прежде всего принципа дисперсного состояния номадов. Вследствие этого, по-видимому, номадам были свойственны всеобщность и урегулированность системы землепользования и на этой основе наличие так называемой собственности на землю в масштабах всего кочевого социума, поскольку в любом ином

случае нарушалось бы равновесие в естественно-природных и социально-экономических процессах⁷⁴.

Рассмотрим более подробно выбор пастбищных угодий по сезонам года и систему выпаса скота в зависимости от природно-климатических условий и биологии скота как в видовом, так и в половозрастном отношении.

Природные ресурсы среды обитания и необходимость обеспечения жизнедеятельной функции кочевого общества определили исключительную ценность и особую важность зимних пастбищ. Это было связано с особенностями резко континентального климата данного региона и тем, что продуктивность естественного травостоя в этот период года в целом была наименьшей. Поэтому кочевники предъявляли особые требования к выбору зимних пастбищ, в основе которого прежде всего лежала потребность в обеспечении нормального воспроизводства стада⁷⁵. Вместе с тем весьма определенно прослеживается выбор зимнего пастбища в зависимости от системы выпаса овец, которые в видовом отношении составляли основу кочевого скотоводческого хозяйства.

Зимние пастбища кочевников в основном располагались южнее летних в равнинной части Казахстана⁷⁶. В предгорной зоне прозимовочные пастбища находились обычно ниже в поясном отношении, нежели летние, или на равнине. Это связано с тем, что в полупустынной и пустынной зонах толщина снежного покрова — главного препятствия к достижению естественного травостоя — была меньше, чем в лесостепной и степной зонах. Вместе с тем прямо пропорционально по направлению с севера на юг уменьшалась опасность снежных заносов, метелей и буранов, поэтому абсолютно преобладающей была меридиональная направленность кочевания, а в горной зоне — вертикальная⁷⁷. «Вся степь, — отмечает А. Кауфман, — как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянувшиеся на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собою обычный кочевой путь, или район кочевков той или иной родовой группы»⁷⁸.

На юге преобладали пастбища с эфемеровой и полынной растительностью, продуктивность которых в осенне-зимний период была наивысшей, а продолжительность

зимнего периода — минимальной по отношению к северной части региона. В зимний период года при наличии небольшого снежного покрова представлялась благоприятная возможность использования мало и недостаточно обводненных пастбищ, поскольку недостаток водных источников в достаточной мере восполнялся за счет снега, который являлся весьма своеобразным заменителем воды в пустынных районах. «Для тебенюков (зимней пастбы), — сообщают источники, — выбирают ордынцы такие места, где не только слой снега тоньше, но и травы невытравлены, и где снег, выпадая позже (относительно других мест), сходит ранее. Такие места — супески, т. е. нечто среднее между солончаком и песком, или песком и суглинком»⁷⁹.

Для зимних пастбищ номады обычно выбирали участки в зависимости от наличия и качества растительного покрова, предпочитая солянковые и полынные ассоциации, злаки осенней вегетации, лесную и кустарниковую растительность, заросли камыша и т. п. На зимних пастбищах, пишет С. Джантюрин, «трава должна быть густая и высокая; в противном случае, т. е. когда травы редки и низки, скотине потребно очистить ногами от снега гораздо большую площадь, чем при густой траве, чтобы насытиться; она теряет больше времени и сил на механическую работу, отчего скорее утомляется и начинает худеть»⁸⁰. Выбор зимних пастбищ во многом зависел от плотности и глубины снежного покрова, поскольку овцы могли самостоятельно тебеневаться лишь при глубине его в 10—12 см, что соответствует северной границе средних пустынь на серо-бурых почвах⁸¹. Поэтому зимовки номадов зачастую располагались вблизи рек и озер, в местах, защищенных отрицательными формами рельефа, а при наличии неглубокого и рыхлого снежного покрова — в долинах и лощинах с густой и высокой травой. Нередко они пасли скот на обдуваемых ветрами возвышенностях, наветренных сторонах гор и холмов. Последовательное использование зимних пастбищ в зависимости от характера рельефа позволяло значительно увеличить их кормовую емкость, так что более заснеженные участки использовались под выпас в начале и в конце зимы, а степные понижения, северные склоны сопок и гор, подошвы склонов — в середине зимы. Вообще изрезанный

рельеф — наилучшее пастбище в зимний период года. «Лучшими тебеневочными местами, — пишет С. Джантюрин, — считаются такие, где скот может находить защиту от ветров и буранов, как, например, долины рек, горы, лесистые места и т. п. В защищенных местностях снег бывает мягче, чем в открытом поле»⁸².

Широко использовались пастбища на солонцах, где снег быстрее стаивал. Следует отметить весьма интересную закономерность, подчас прослеживающуюся при выборе зимних пастбищ. При отсутствии естественных источников воды номады нередко проводили зимний период на пастбищах, использование которых было возможным лишь после выпадения снега. В этом случае устранялась опасность потребления пастбищных угодий посторонними общинами в иное время года⁸³. «В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, — сообщает Г. Рубрук, — когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды»⁸⁴. Источники свидетельствуют о широком использовании кочевниками-казахами безводных мест в зимний период года. Так, в частности, в Зайсанском уезде, достаточно хорошо в целом обеспеченном водой, около 23% всех зимних пастбищ (кстау) было расположено в безводных местах⁸⁵.

В непосредственной связи с зимним выпасом скота находилась система выбора летних пастбищ. В равнинной части Казахстана в соответствии с ландшафтной зональностью они находились в основном на севере. Летние кочевья, свидетельствует А. И. Левшин, по большей части севернее зимних⁸⁶. В предгорной и горной зонах летние пастбища (джайляу) располагались снизу вверх в вертикальном направлении. Это было связано с тем, что основным критерием выбора пастбищных угодий в летний период года в условиях аридной зоны умеренного пояса является обеспеченность их водными источниками. В наибольшей степени этому требованию отвечали степная и лесостепная ландшафтные зоны, где основная часть атмосферных осадков выпадает в теплый период года (до 70—80% годовой нормы), а также альпийские и субальпийские луга. Вследствие этого продуктивность естественного травостоя в зоне степей была значительно большей, нежели в пустынной полосе, где уже в весенний период наблюдались суховеино засушливые дни, а пов-

торяемость атмосферных засух и засушливых погод, резко возрастая по направлению с севера на юг, достигала своего максимума (до 20—25 дней в летние месяцы). Аналогично этому по направлению к югу резко возрастала и величина испаряемости с водной поверхности, что обуславливало преобладающую роль грунтовых вод, а значит, и искусственных источников в обеспечении скота водой в летний период года. Нужно отметить и лучшую усвояемость зеленой массы степного травостоя по сравнению с быстро усыхающей в этот период пустынной растительностью. Видимо, поэтому площади летних пастбищ в силу лишь их расположения в более благоприятных природно-климатических условиях и большей естественной продуктивности значительно уступали по своим размерам прозимовочным территориям⁸⁷. Одной из причин расположения летних пастбищ на севере региона было то обстоятельство, что летом на юге жалищие скот насекомые препятствовали его нормальной наживровке.

Выбор летних пастбищ во многом зависел от расположения и качества зимних пастбищ, степени их обеспеченности кормами и наличия водных источников. Это объясняется тем, что восстановительные функции естественного травостоя были весьма ограниченными, а продуктивность чрезвычайно низкой, поэтому для каждого сезона года требовались особые пастбища в основном разового пользования. В прямой зависимости от состава стада и условий среды обитания находилась степень удаленности летних пастбищ от зимних. Под джайляу номады старались выбирать плоские равнины и низменности в открытой степи с разнотравно-злаковой растительностью или горные и высокогорные районы, как правило, малодоступные или вовсе непригодные для выпаса скота в зимний период года из-за глубокого снега, сильных ветров, буранов, обледенения, быстрого усыхания растительного покрова уже в летне-осенний период. Широко практиковался выпас скота в ложбинах и лощинах, оврагах и западинах, в местах, где естественный травостой в зимний период заносился глубоким слоем снега и был недоступен скоту. Другим достоинством низменных участков являлось то, что растительный покров из-за близости грунтовых и скопления талых вод отличался большей продуктивностью, нежели на возвышенных местах, где

он имел тенденцию быстрого усыхания и потери своих питательных свойств. В горной и предгорной зонах кочевники стремились пастись скот на подветренной стороне склонов гор и холмов. В летний период номады широко использовали растительный покров на северных склонах гор и холмов, а также на южных склонах оврагов и западин. В жаркую засушливую погоду скот пасли на обдуваемых ветрами возвышенностях, учитывая экспозицию пастбищных участков. В результате использования особенностей местного рельефа номады искусственно удлиняли продолжительность вегетационного периода, время своего пребывания на летних пастбищах ⁸⁸.

Весенние (коктеу) и осенние (кузеу) пастбища занимали промежуточное положение между зимними и летними. В отличие от зимних эти пастбища относились к пастбищам неразовой эксплуатации, где преобладала разнотравно-злаковая растительность с большими восстановительными способностями. При абсолютном преобладании меридиональной направленности кочевания в равнинной части Казахстана номады искусственно увеличивали продолжительность весеннего и осеннего выпаса скота, тем самым сокращая продолжительность холодного зимнего и засушливого летнего периодов ⁸⁹. Их продолжительность возрастала за счет удлинения начального периода с активной вегетацией растительного покрова весной и использования злаков осенней вегетации осенью. Однако полного совпадения осенних и весенних пастбищ (имеется в виду посезонная продуктивность естественного травостоя), видимо, не могло быть, поскольку осенний период основывался на использовании не только злаков осенней вегетации, но и солянковых и полынных ассоциаций, которые в это время года достигали высокой степени продуктивности, в то время как в весенний период нередко использовали наихудшие пастбища на глинистой, изреженной известняками почве. Потребность в кормах покрывалась прежде всего за счет интенсивного роста растительного покрова, что обуславливалось частым выпадением атмосферных осадков, паводковым периодом естественных водных источников и весенних эфемеров ⁹⁰.

В экологическом отношении весенний период необходимо дифференцировать на период с момента таяния сне-

гов и появления первых проталин и на период начальной вегетации растительного покрова. Если в первый из них наиважнейшее значение имели кормовые ресурсы, которые определяли особенности организации процесса производства, скорость и направленность кочевания в температурном режиме от 0 до 5—10° тепла, то во второй период в режиме от 5—10 до 15° тепла на первый план выступали потребности системы материального производства, в частности рождение потомства, стрижка, дойка и прочее, которые оказывали наибольшее воздействие на скорость и направление кочевания.

В целом следует отметить, что фактор аридности в этот период года отступал на второй план, поскольку потребности в воде, особенно в начале весны, полностью покрывались за счет паводкового разлива рек, таяния снегов, наполнения озер и других естественных водоемов атмосферными осадками и талыми водами. Весной номады пасли скот на эфемерово-злаковых пастбищах. В начале весны, свидетельствует П. Медведский, когда почва влажна и еще не жарко, лучшими пастбищами считаются участки, где произрастают ковыль и куга. Самая благоприятная пора для их поедания — весна, а в другое время года они жестки, малосочны и малопитательны⁹¹. В это время номады пасли скот на южных склонах сопок и гор, возвышенных участках рельефа, северных склонах оврагов и лощин — там, где снег быстрее таял и раньше появлялась новая масса травостоя. Весной номады обходили стороной разлившиеся реки и стремились использовать те пастбища, которые хуже всего были обеспечены водой, а также земли вокруг источников, которые в летний период быстро усыхали⁹². Не случайно именно весной номады проходили ускоренным маршем безводные пастбища в пустынных районах. Интенсивность движения регулировалась не только указанными факторами. Скорость кочевания в начальный период весны во многом зависела от степени восстановления физических кондиций скота после тяжелой изнурительной зимы, а в последующее время — от степени усыхания почвенного покрова, ибо на юге уже в весеннее время нередко имели место суховейно засушливые дни. Большое влияние на интенсивность движения оказывали состав стада как в качественно-видовом, так и в

половозрастном отношении, а также ряд факторов социального происхождения⁹³. В целом номады стремились в весенний период интенсифицировать свое движение на джайляу. «Наибольшая скорость движения, т. е. краткость остановок при переходах адаев, — свидетельствуют очевидцы, — наблюдается, конечно, в полосе между собственно зимним и летним районами кочевания»⁹⁴.

Осенние пастбища во многом были аналогом весенних, но их использование было прямо противоположным: если весной номады стремились по возможности быстрее достичь летних пастбищ, то осенью, наоборот, прослеживается тенденция удлинения продолжительности пребывания на кузеу. Это достигалось не только кочеванием на юг региона, но и менее интенсивным движением на кстау и обуславливалось тем, что осенний выпас скота был непосредственно связан с зимним циклом производства, поскольку выпас скота на кстау начинался лишь с момента установления постоянного снежного покрова. Номады по мере приближения к зимникам пасли скот по периферии кстау, стремясь как можно дольше задержаться на осенних пастбищах, причем интенсивность кочевания осенью ограничивалась такими элементами производственной деятельности, как случка овец, их стрижка, массовый убой скота и пр. На выбор осенних пастбищ прежде всего влияли наличие и качество травостоя и условия водообеспечения. В этот период года использовали пастбища со злаками осенней вегетации, солянковыми и полынными ассоциациями. Использование осенних пастбищ охватывало период, достаточный для передвижения от джайляу (с момента усыхания растительного покрова) до кстау (до установления устойчивого снежного покрова). В целом же продолжительность выпаса скота на осенних пастбищах определялась наличием и качеством растительного покрова, условиями водообеспечения, отдельными сторонами процесса производства и ограничивалась временем установления устойчивого снежного покрова⁹⁵.

Таким образом, природные ресурсы среды обитания в совокупности с климатическими условиями определили характер и содержание посезонного распределения пастбищных угодий. Наличие и качество растительного

покрова, его посезонная продуктивность и зональность во все времена года оказывали значительное влияние на выбор и распределение пастбищ. Вместе с тем для каждого времени года имелись свои, наиболее важные именно в этот период, критерии отбора пастбищ, их посезонного распределения. В зимний период года помимо качества естественного травостоя важнейшее значение имели плотность и толщина снежного покрова, в летне-осенний период — обеспеченность водными источниками. Продолжительность пребывания на посезонных пастбищах зависела прежде всего от конкретных природно-климатических условий, которые в решающей степени влияли на процесс отбора и распределения тех или иных пастбищ. На зимних пастбищах продолжительность пребывания определялась снежным покровом с момента его стабильного установления до появления первых проталин и начала таяния снегов, на весенних пастбищах — с момента таяния снегов и появления свежей зелени до усыхания почвенного покрова и начала усыхания естественного травостоя, на летних — с момента начала активной вегетации растительного покрова до его окончательного усыхания и на осенних — с момента усыхания травостоя до первых снегов и установления устойчивого снежного покрова. Большое влияние на выбор посезонных пастбищ оказывал состав стада в качественно-видовом отношении, поскольку различные виды животных требовали различных в морфологическом отношении видов растительного покрова, условий водообеспечения и были далеко не идентичны в плане умения и наличия рефлекса тебеневки. Вместе с тем зональность и посезонная продуктивность пастбищных угодий ограничивали и в известной мере регулировали выбор тех или иных микросред в качестве пастбища и также обуславливали посезонное распределение пастбищных угодий. Серьезное воздействие на время пребывания на весенних и осенних пастбищах оказывала продолжительность летнего выпаса, поскольку в случае близости последних от зимних пастбищ летний выпас носил растянутый характер, а весенний и осенний — чрезвычайно кратковременный. Иначе говоря, продолжительность весеннего и осеннего выпаса зависела от расстояния между зимними и летними пастбищами. Причем

продолжительность летнего цикла уменьшалась прямо пропорционально с севера на юг и в известной мере зависела от радиуса кочевания и расположения зимних пастбищ⁹⁶. Вместе с тем четко и определенно разграничить летний, весенний и осенний циклы не всегда представляется возможным.

4. Использование пастбищных угодий. Система выпаса скота зимой

Использование пастбищных угодий обуславливалось диалектически взаимосвязанными процессами взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов. Здесь небезынтересно процитировать слова известного знатока кочевого быта С. Джантюрина: «Необходимо, чтобы большая часть скота большую часть зимы протобеневала, т. е. проходила на подножном корму, добывая его из-под снега. Для того же, чтобы скот мог протобеневать зиму, он должен летом достаточно нагуляться — запастись жиром на зиму; это достигается при просторе летовок и достаточности на них кормов... Поэтому простор и свобода летовок (джайляу) суть первые условия киргизского хозяйства. Там, где есть возможность, киргизы стараются уходить от зимовых стойбищ на летовки возможно далее, чтобы сохранить окрестности зимовок для осени и зимней тебеневки. Если летовки стеснены, скот не может достаточно нагуляться... и чтобы он еще более не исхудал, — является необходимость преждевременно перебираться осенью к окрестностям зимовых стойбищ (кюздик). Скот, не набравшийся как следует жира летом и не укрепленный пастью на кюздике, не может долго тебеневать, быстро тощает... Таким образом, оказывается, что как зимовки и кюздик, так и летовки в одинаковой степени насущно необходимы для киргизского быта. Недостаток которого либо из этих трех угодий не может быть возмещен самыми высокими качествами другого; напр. недостаток кормов на тебеневках, как бы просторны ни были летовки, повлечет за собою нарушение гармонии в кочевом хозяйстве, т. е. приведет киргиза к разорению»⁹⁷.

Несмотря на то что выпас на посезонных пастбищах

был взаимосвязанным процессом, в различные периоды года на первый план выступали далеко не однозначные факторы в организации производственного цикла. Так, в зимний период года, бесспорно, наиболее ответственного и продолжительного, составлявшего в среднем по Казахстану 5—6 месяцев (с ноября по март) ⁹⁸, главным условием процесса производства была организация нормального воспроизводства стада. Объяснялось это тем, что условия зимнего выпаса были так неблагоприятны, что даже при обычном течении природных процессов обеспечить сохранность стада было задачей чрезвычайной сложности, связанной с колоссальными трудовыми затратами. Поэтому система зимнего выпаса в наибольшей степени влияла на социально-экономические процессы в кочевой среде. Во многом это определялось и тем, что номады были сильно ограничены в выборе условий производства. И если, скажем, в летний период низкую продуктивность естественного травостоя кочевники могли как-то компенсировать интенсификацией системы кочевания, то в зимний период они были существенно ограничены в возможности кочевания наличием и глубиной снежного покрова, что уже само по себе резко сокращало скорость и интенсивность кочевания ввиду больших энергетических затрат скота на тебеневку, скудности травостоя, а также необходимости сбора топлива и усложнения процесса производства в холодное время года ⁹⁹. В середине зимы, сообщает А. И. Левшин, глубокие снега не позволяют переменять места ¹⁰⁰. Видимо, поэтому кочевники стремились проводить зимнее время года стационарно либо число перекочевков свести к минимуму.

Кочевание в зимний период года было ограничено не только естественно-природными условиями среды обитания (снежный покров, холода, ветры, резкие перепады температуры воздуха, скудный травостой) и физиологическими и анатомическими особенностями скота в половозрастном и видовом отношении (большие энергетические затраты на восстановление сил в холодное время года, меньшая усвояемость кормов из-за малой их продуктивности, замедленное передвижение по снежному покрову, тебеневка, необходимость обязательного пригона на ночь и создание загонов), но и тем, что комплекс

трудовых операций в процессе производства номадов был настолько обширен, что его выполнение в короткий зимний день становилось при регулярных перекочевках практически невозможным в полном объеме. Поэтому номады зимой старались не кочевать и более или менее продолжительное время находились на стационарном стойбище (кстау). С. Броневский свидетельствует, что «всякая волость и аул зимуют на одних местах», а летом непременно кочуют¹⁰¹. «В таковых скитаниях, — сообщает Я. Гавердовский, — проводят киргисцы три времени года, т. е. весну, лето и осень; а зимою остаются... всегда почти до весны на одном месте»¹⁰². Он же уточняет, что «в зимние месяцы они уже не перекочевывают»¹⁰³. «...Все они, — сообщают К. Струве и Г. Потанин, — безусловно ведут кочевую жизнь только летом; зиму же проводят оседло...»¹⁰⁴. «В продолжение зимы, — указывает П. Медведский, — киргизы Внутренней орды по большей части живут оседло...»¹⁰⁵. «Киргизские кстау, — свидетельствуют „Материалы по киргизскому землепользованию“, — являются зимовниками в хозяйственном отношении и местами полугодичного оседлого пребывания кочевника в бытовом»¹⁰⁶. Аналогичные данные сообщают нам и другие источники¹⁰⁷. Вместе с тем процесс кочевания в зимнее время года был в значительной степени ограничен необходимостью обеспечения так называемой функции рекреации, т. е. организации отдыха и бытовых условий трудящихся индивидов, приготовления пищи, ухода за больными, стариками, детьми и роженицами, а также временем для создания предметов материальной культуры, отправления культов и т. п.

Вследствие этого, видимо, для всех кочевых социумов Евразии вообще и казахов в частности было характерно проводить зимнее время года в стабильных и традиционных зимовках и пасты скот вокруг кстау на зимних пастбищах¹⁰⁸. «Всякое отделение, — свидетельствуют источники, — для зимних кочевьев имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными, как собственностью»¹⁰⁹. «...К зиме, — уточняют Поспелов и Бурнашев, — возвращаются на неизменные свои места...»¹¹⁰. Зимой, свидетельствует С. Броневский, никто не занимает чужого места¹¹¹. Казахи, отмечает Ю. Гагемейстер,

«на зиму обыкновенно возвращаются к однажды избранному стойбищу»¹¹². «Зиму они со своими стадами, — читаем в „Материалах по киргизскому землепользованию“, — проводят на одном определенном месте»¹¹³. Аналогичные данные содержатся и в других источниках¹¹⁴.

Правда, существовало немало групп, которые и в зимнее время года были вынуждены кочевать. Но это характерно в основном для тех кочевников, которые зимовали в песках либо в бесснежных местах¹¹⁵. В последнем случае кочевали от колодца к колодцу или радиально вокруг основного водного источника. Если же кстау было расположено далеко в песках, то до середины зимы двигались в глубь песчаных массивов, а к концу зимнего периода кочевали обратно, чтобы сразу после схода снега покинуть их. В этом случае кочевали обычно один раз в 15—25 дней¹¹⁶. По данным В. П. Курьева, адаевцы зимой кочевали 3—4 раза в месяц¹¹⁷. В целом, думается, это была вынужденная мера, обусловленная конкретными особенностями среды обитания. Несомненным свидетельством этого является большая, чем в другие времена года, продолжительность остановок и замедленный ритм кочевания¹¹⁸. Поэтому едва ли можно согласиться с теми исследователями, которые постулируют непрерывный цикл кочевания в зимнее время года как определенный этап в эволюции кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности¹¹⁹. Если он и имел место, то по большей части лишь в экстремальные периоды истории номадов¹²⁰. «Киргизы, — сообщает М. Чорманов, — меняют зимовки (зимнее пастбище) только при самой крайней необходимости, как-то: во время напольных пожаров, случающихся в осеннее время, или неурожая трав вблизи зимовки и, наконец, при гололедицах»¹²¹. Видимо, правильное было бы в указанном случае вести речь о специфике организации процесса производства у номадов пустынной зоны.

Система материального производства в зимний период значительно отличалась от хозяйственной деятельности в другие времена года. Выбор и использование пастбищных угодий, а также организация труда зимой прежде всего базировались на системе раздельного выпаса скота¹²², что позволяло резко замедлить в прост-

ранственном и скоростном отношении интенсивность системы кочевания и наиболее рационально организовать зимний выпас скота вокруг стационарно устроенного кстау. Несомненное преобладание системы раздельного выпаса скота было обусловлено как тем, что пастбищные угодья из-за скудности травостоя могли быть использованы лишь однократно, так и тем, что морфологические особенности вида в зимний период года препятствовали совместному выпасу скота, поскольку, например, после крупного рогатого скота и верблюдов выпас овец был практически невозможен: крупные животные оставляли глубокие следы в снежном покрове, которые при сильном морозе затвердевали и препятствовали достижению естественного травостоя овцами и козами¹²³. В свою очередь, последние при неглубоком снежном покрове почти полностью вытравляли пастбищные угодья, в результате чего выпас крупного рогатого скота и верблюдов после овец терял всякий смысл¹²⁴. «Всякое пастбище, где был кос, — сообщают „Материалы по киргизскому землепользованию“, — в течение одной ночи крепко затвердевает и выходит из фонда пастбища текущей зимы»¹²⁵. В тех же случаях, когда глубокий и плотный слой снега препятствовал выпасу скота, пастбище расчищалось от снега, но и тогда видовые особенности скота, и в частности наличие рефлекса тебеневки, требовали различной организации данного процесса. Если, например, для овец в основном снимали лишь верхний, затвердевший слой снега или слегка рыхлили его, то для крупного рогатого скота было необходимо почти полностью очистить все пастбище, что требовало более значительных трудовых усилий скотоводов¹²⁶.

Вследствие этого достаточно определенно прослеживается стремление кочевников к раздельному выпасу скота. Кочевники в зависимости от количества и удельного веса скота того или иного вида организовывали соответственно и его выпас. Если было много верблюдов, то их в зимний период отгоняли на отдельные пастбища¹²⁷, а если было много крупного рогатого скота, то его пасли отдельно от овец¹²⁸. Нередко происходило разделение труда, когда община, зимующая в горах, брала себе на выпас овец у другой общины, которая, зимую на равнине, брала у первой рогатый скот и верблюдов¹²⁹. Лошадей,

как правило, соединяли в косы и, отгоняя от кстау, также пасли отдельно. Источники сообщают, что «во время зимних стоянок киргизы занимаются пастьбою скота... Одни из них находятся в отгонном табуне для пастьбы лошадей, другие при зимовке прокармливают скот...»¹³⁰.

Поскольку совместный выпас скота в зимний период года вокруг стационарно устроенного кстау был, как уже говорилось, нерационален, кочевники ориентировали систему выпаса и выбор пастбищ, как правило, на преобладающий в количественном отношении вид скота. Достаточно определенно прослеживается, например, что казахи выбирали зимние пастбища применительно к условиям выпаса овец, составляющих основу их хозяйства¹³¹. Помимо указанных причин это было обусловлено исключительной ценностью этого вида животных¹³² и их морфологическими особенностями: способностью к достаточно быстрому и интенсивному кочеванию, а также высокой степенью потребления и усвоения специфической растительности зоны полупустынь и пустынь¹³³. Иначе говоря, выбор зимних пастбищ, в значительной мере опосредствованный системой раздельного выпаса, был связан с высокой продуктивностью, неприхотливостью и выносливостью овец по сравнению с другими видами скота. Вследствие этого значительно облегчался выбор зимних пастбищ, поскольку овцы предъявляли минимальные требования к условиям выпаса в это время года.

Обязательным условием выпаса овец был пригон их на ночь в защищенные и расположенные вблизи зимовки места. «По ночам овцы не пасутся, — свидетельствуют источники, — и на ночь их обязательно загоняют во дворы; поэтому отгон овец на сколько-нибудь значительные расстояния от зимовок немислим»¹³⁴. Номады устраивали вблизи кстау специально огороженные и защищенные укрытия — кора — из камня, дерева, камыша, дерна, хвороста¹³⁵ либо вокруг вертикально поставленных жердей натягивали кошмы¹³⁶ или ставили юрты¹³⁷. В случае обильных снегов кочевники нередко строили снежные укрытия для скота¹³⁸. «Ночью, — свидетельствует С. Броневский, — во время холодов, кладут овец при юртах столь тесно, что тысяча покажется за сотню, чрез что они, прилежа обоими боками одна к другой,

согреваются. Иногда верблюдов располагают кругом овец, укладывая по два боками вместе, а головами в противную сторону для той же цели и для того еще, что верблюды крепко лежат всю ночь и довольно высоки, чтобы овцы, при испуге чрез них перескочив, не могли разбежаться»¹³⁹.

Выпас овец в этот период года базировался прежде всего на их умении тебеневаться при небольшом снежном покрове — в 10—12 см. Оберегая пастбище от бессистемного истребления, номады пасли овец строго по радиусу от зимовки, причем не удалялись от кстау больше, чем может пройти овца за короткий зимний день до крайней точки овечьего пастбища и обратно до зимовки¹⁴⁰. Пастбище обычно вытравлялось равномерными полосами, и бессистемный выпас овец, строго говоря, был невозможен, поскольку «там, где раз прошла овца, она не в состоянии уже на другой день добыть себе корма, хотя травы осталось бы и много, так как по следам снег сильно затвердевает, и его трудно уже пробить копытом»¹⁴¹. «Таким образом, зимнее овечьё пастбище (кой тебен) каждого отдельного аула занимает лишь такую площадь вокруг зимовок, радиус которой ни в коем случае не может превышать двух верст»¹⁴². Правда, выпас овец в зависимости от рельефа местности мог производиться и в одну сторону от кстау¹⁴³. Однако при хорошей погоде и малоснежье номады старались пасти овец как можно дальше от зимовки, используя пастбища по периферии кстау¹⁴⁴. Зимние пастбища зачастую дифференцировались на пастбища, расположенные вблизи кстау, где пасли молодняк и слабый скот, а остальной скот — лишь во время буранов и сильных снегопадов; на пастбища, удаленные от зимовок, но с хорошим травостоем, на которых пасли в ясные морозные дни; на пастбища, расположенные сравнительно далеко от зимовок с редкой низкорослой травой, где пасли скот лишь в теплую хорошую погоду¹⁴⁵. После сильного ветра, который выравнивал снежный покров на уже использованном пастбище или сдувал его, кочевники старались повторно пасти овец, потому что на пастбищах с глубоким снегом овцы использовали травостой лишь частично, потребляя его не сплошь, а гнездами, но если снежный покров был небольшим, овцы уже после однократного выпаса

почти целиком вытравливали растительность¹⁴⁶. Нередко овец при радиальном выпасе пускали в одну сторону на уже использованную полосу, а в другую — плотной группой по новой полосе¹⁴⁷. В плохую погоду овец пасли против ветра, полагая, что при буране они должны прийти в аул¹⁴⁸. Как видим, система зимнего выпаса овец была направлена на максимальную утилизацию природных ресурсов среды обитания.

Зимой овец одного аула объединяли обычно в общую отару (котан), поскольку их совместный выпас способствовал наиболее рациональной организации системы материального производства. Но «предел, до которого киргиз-скотовод может увеличить свое овечье стадо, — отмечают источники, — ограничен сравнительно незначительной площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки»¹⁴⁹, а также условиями оптимального выпаса скота¹⁵⁰. Размеры котана колебались от 200 до 300—400 и в редких случаях до 500—600 голов. Это было наиболее рационально, так как при большем числе овец слабым и больным животным, молодняку и овцам, ждущим потомства, не хватало бы корма¹⁵¹. Размеры отары и система выпаса в горной местности в зимнее время года существенно не отличались от размера стад и их выпаса на равнине¹⁵². При наличии большого количества овец составлялось несколько зимних отар, которые дифференцировались по половозрастному составу и физическим кондициям¹⁵³. Во время сильных снегопадов овец нередко делили на более мелкие группы по 100 голов¹⁵⁴, что было связано с необходимостью расчистки снега на овечьих пастбищах. Если же кормовых ресурсов одного кстау было недостаточно, община или богатое хозяйство в отдельных случаях имели несколько зимних пастбищ, на каждом из которых паслась строго нормированная часть овец¹⁵⁵. Иначе говоря, невозможность превышения определенного числа скота на единицу пастбища обуславливала необходимость раздела зимних пастбищ, а также отдачу части скота, в том числе овец, на выпас в другие хозяйства¹⁵⁶. Именно этим объясняется отдельный в видовом отношении выпас скота, когда одна часть общины или вся община пасла только овец, а другая община или часть общины — весь остальной скот на другом пастбище¹⁵⁷.

Известную, но в целом второстепенную роль в организации системы материального производства в зимний период года играл фактор водообеспечения, поскольку большая часть овец обходилась снегом, и лишь овец, ждущих потомства, следовало поить один раз в день. При наличии водных источников прорубали длинные узкие проруби, когда их не было, растапливали снег¹⁵⁸, что также требовало значительных трудовых затрат.

Выпас крупного рогатого скота зимой был во многом связан с системой выпаса овец и также базировался на использовании пастбищных угодий вокруг зимовки. Система выпаса крупного рогатого скота зависела прежде всего от его количества и доли в составе стада, в основном имела место система раздельного в видовом отношении выпаса скота. Если крупный рогатый скот составлял значительную долю в составе стада, то его старались пастить отдельно от овец, нередко на обособленных пастбищах¹⁵⁹. Но поскольку в основном преобладал мелкий скот, крупный рогатый скот, как правило, пасли за овцами¹⁶⁰ либо на тех участках пастбища, которые были недоступны овцам¹⁶¹. Однако крупный рогатый скот, который не мог тебеневаться, пасли обычно там, где над снегом была высокая трава. Система выпаса верблюдов в зимний период года носила аналогичный характер¹⁶².

Важной отличительной особенностью зимнего выпаса скота являлась обособленная пастьба лошадей, которая, в сущности, не оказывала значительного влияния на организацию системы материального производства, но тем не менее во многом обуславливала характер взаимоотношений между различными социальными группами и структурами кочевого общества. На осенних пастбищах после первых снегопадов и дождей, в результате которых произрастали злаки осенней вегетации, кочевники начинали объединять своих лошадей в общие табуны (кос). Как правило, кос составлялся до начала общего перехода номадов на зимние пастбища¹⁶³. Вследствие этого уже собственно на территории, прилегающей к кстау, лошадей в зимний период обычно не пасли. В момент перекочевки на зимние пастбища из общего стада выделялись табуны лошадей, и их движение носило обратно-меридиональный характер, поскольку в это

время года их пасли на джайляу либо на расстоянии 10—100 и более верст на север от кстау. Иначе говоря, если в целом кочевому хозяйству было свойственно меридиональное направление и замкнутый цикл кочевания с севера на юг (осенью), то для косов характерны скорее радиально-эллипсоидные движения вокруг летних пастбищ, чаще всего расположенных в лесостепной, степной и полупустынной зонах. «Общее правило для всего уезда (Усть-Каменогорского. — Н. М.), — свидетельствуют „Материалы по киргизскому землепользованию“, — при зимней пастьбе это то, что лошадей стараются не держать при кстау, а как можно раньше отгонять на дальние пастбища и попозднее пригонять назад»¹⁶⁴. Это было обусловлено тем, что, как мы уже отмечали, пастбища при кстау по качеству растительного покрова выбирались прежде всего для овец. «Для кстау выбираются в большинстве случаев места, удобные для пастьбы именно овец, требующих свободных от снега пастбищ, хотя бы со скудной реденькой растительностью. Лошади же, как раз наоборот, нуждаются в пастбище с густой, высокой травой, ибо они умеют доставать корм даже из-под глубокого снега, лишь бы он не был тверд, а на скудном овечьем пастбище лошадь не наестся, на что указывает и киргизская поговорка... что одной лошади надо, тем 100 овец сыты будут»¹⁶⁵. Поэтому, свидетельствуют источники, «отгон лошадей прямо-таки обязателен для каждого хозяина, ибо каждая лишняя лошадь, оставленная на кстау, идет в ущерб прочему скоту»¹⁶⁶.

Поскольку выпас лошадей не связан с необходимостью их обязательного пригона к зимовкам на ночь и в целом возможен как в дневное, так и в ночное время¹⁶⁷, кочевники отгоняли свои табуны далеко в степь на значительные расстояния от своих зимовок. «А это дает возможность киргизу, — свидетельствуют источники, — в зимнее время пользоваться пастбищами, расположенными на далеких джайляу, дает возможность увеличивать свои конские табуны до пределов, которые обуславливаются лишь вместимостью всех пастбищ данной территории»¹⁶⁸. Обычно лошадей отгоняли от основных зимних пастбищ на 10—250 и более верст¹⁶⁹. Иначе говоря, выпас коса в целом носил более экстенсивный характер и базировался не столько на зональности расти-

тельного покрова, сколько на его посезонной продуктивности. Если для хозяйства использование пастбищ было по большей части одноразовым, то для коса — как минимум двухразовым. В данном случае определенно прослеживается иной характер использования пастбищных угодий, упрощенный цикл производства, основывающийся на более интенсивном использовании естественного травостоя. Это было обусловлено не только особенностями процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства, но, видимо, и тем, что лошадь в силу своей биологии предпочитала разнотравно-злаковую растительность, произрастающую в основном в степной и лесостепной зонах, а также тем, что выпас лошадей был предпочтительнее на пастбищах хотя и с большей толщиной снежного покрова, но с рыхлой массой снега, нежели на пастбищах с меньшей глубиной снежного покрова, но с большей повторяемостью гололедных явлений, поскольку число дней с гололедами возрастает по направлению с севера на юг. Видимо, этим в определенной мере было обусловлено и то, что лошадей пасли обычно на равнинах в открытой степи, а не вблизи рек и озер в защищенных рельефом местах, как это прослеживается при выпасе овец и крупного рогатого скота. Поэтому отгон косов в зимний период на джайляу был широко и повсеместно распространенным явлением, имманентно свойственным кочевому хозяйству казахов. Отгон лошадей базировался и на том, что их биологические особенности позволяют продуктивно использовать слабообводненные, заболоченные, каменистые и далеко расположенные пастбища, малопригодные для выпаса других видов скота. Причем лошадь была способна совершать дальние переходы при смене пастбищ, в частности, зимой по снегу она могла пройти до 50 км в день ¹⁷⁰.

В косах пасли всех лошадей, за исключением рабочих, слабых, больных и неокрепшего молодняка ¹⁷¹. В ауле, сообщает Н. Красовский, остается не более 2—3 лошадей ¹⁷². Здесь прослеживается влияние и социальных факторов, поскольку бедняки пасли скот возле кстау, а богатые оставляли вблизи зимовки 5—6 рабочих лошадей каждый, среднезажиточные 2—3 лошади ¹⁷³. В течение всей зимы ослабевших лошадей время от времени перегоняли поближе к кстау ¹⁷⁴. К концу зимы,

когда начинался период жеребления кобыл, широко практиковался перегон жеребых кобыл на зимовку, чтобы роды не начались в степи и новорожденный молодняк не погиб¹⁷⁵. Но основная масса кобыл жеребилась после схода снегов, поэтому в большинстве случаев они вплоть до самой весны находились в косах¹⁷⁶. В целом довольно определенно прослеживается, что бóльшую часть лошадей пасли в косах. Так, по данным И. Пахомова, в косах пасли до 80% всех лошадей¹⁷⁷. В Петропавловском уезде, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», в косах паслось 57,8% всех лошадей уезда¹⁷⁸, по другим данным — 76%¹⁷⁹.

Время пребывания лошадей в косах зависело прежде всего от продолжительности залегания снежного покрова на основных зимовках — кстау, поскольку к концу зимы лошадей перегоняли ближе к остальному скоту, а к середине апреля пригоняли к кстау¹⁸⁰. В целом прослеживается широтная пропорция данной величины. На крайнем севере и северо-востоке Казахстана в лесостепной зоне продолжительность пребывания лошадей в косах колебалась от 120 до 170—190 дней в году¹⁸¹, в степной и предгорной зонах она составляла в среднем 120—150 дней¹⁸². Правда, амплитуда этих колебаний могла достигать предела от 10 дней до полного срока пребывания номадов на основном зимнем пастбище — кстау в зависимости от природно-климатических условий и физических кондиций скота¹⁸³. Ближе к югу эта величина уменьшалась.

Значительное влияние на формирование косов и численность лошадей в зимнем табуне оказывал социальный фактор. Обычно богатые скотоводы, они же владельцы большого числа лошадей, составляли свои собственные косы и пасли их подальше от зимовки. Объединение в кос, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию», доступно сравнительно немногим, в основном многолошадным хозяевам, так как «снаряжать кос, состоящий, положим, из сотни лошадей, и снабжать его двумя пастухами прямо-таки невыгодно; затем присоединять своих лошадей к косу богача можно только в виде целого косяка, состоящего из 8—15 голов; одиночные же лошади в чужом табуне плохо будут накармливаться и

легко могут отбиться от табуна. Затем артели для общего зимнего выпаса лошадей могут составляться только теми хозяевами, которые имеют десятки и сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса также недоступна, так как пришлось бы для одного коса составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.»¹⁸⁴. Поэтому косы не составлялись из отдельных особей¹⁸⁵. Видимо, это в известной мере было определено и таким фактором, как стадность¹⁸⁶. Широко практиковалось присоединение лошадей мелких хозяев к косам богатых в зимнее время года¹⁸⁷. «В каждом косе, — свидетельствуют „Материалы по киргизскому землепользованию“, — есть ядро — лошади более состоятельного киргиза», который «на бесконечно разнообразных условиях принимает лошадей прочих соседей и одноаульцев в свой кос»¹⁸⁸. Среднезажиточные хозяйства создавали свои косы¹⁸⁹. В основном же косы создавались соседями по совместной зимовке на кстау, однако в случае недостаточного числа лошадей в ауле в кос объединяли лошадей двух-трех и в крайне редких случаях большего числа аулов¹⁹⁰. Площадь выпаса коса в зимнее время года зависела как от величины самого коса, так и от имущественного состояния его владельца. Как правило, косы богатых хозяев паслись на дальних пастбищах, в то время как «сборные» косы — ближе к зимовке¹⁹¹.

Важно отметить и такую деталь, как определенное число лошадей в косах. Оно колеблется от 200—300 до 1000—1500 голов¹⁹². Наиболее оптимальной, согласно источникам, является величина коса в 400—600 голов, поскольку в большем табуне молодняк и жеребье кобылы, не поспевая за движением остальных лошадей, нередко оставались без корма¹⁹³. Это, видимо, было обусловлено также тем, что кос как меньшего, так и большего размера не мог обеспечить в зимний период своего нормального воспроизводства из-за скудности и изреженности растительного покрова, с одной стороны, а с другой — вследствие недостаточных усилий для необходимой утилизации природных ресурсов среды обитания, поскольку лошади в небольшом табуне вытравляют травостой небольшими участками, пропуская значитель-

ные пространства земли, и не могут обеспечить минимально необходимого масштаба тебеневки на данном пастбище¹⁹⁴. Несомненно и то, что величина коса зависела от качества растительного покрова и размеров пастбищных угодий, поскольку последние так или иначе были регламентированы нормами обычного права¹⁹⁵. Определенное воздействие, как уже отмечалось, оказывал на эту величину социальный фактор. В целом прослеживается следующая закономерность: в степной зоне численность лошадей в косах была большей, нежели в лесостепной, что, видимо, свидетельствует о несколько меньшей в ряду прочих причин роли фактора толщины и глубины снежного покрова. Так, в Петропавловском уезде в среднем в лесостепной зоне численность коса составляла 415 голов, в то время как в степной — 530¹⁹⁶. В известной мере это определялось и тем, что лошадей на открытой равнине в степи легче пасти, чем в лесу, где, разбредаясь, они затрудняли организацию труда и становились более уязвимыми для хищных зверей¹⁹⁷. В Омском уезде в лесостепной зоне прослеживается другая интересная закономерность — в суровые зимы величина коса уменьшалась¹⁹⁸.

Выпас коса был весьма сложен и отличался известным своеобразием. Прежде всего берегли жеребых кобыл, поскольку интенсивная тебеневка обуславливала выкидыши¹⁹⁹: их пасли вслед за жеребцами, меринами и яловыми кобылами. Лошадей в косах в основном пасли днем, а с наступлением темноты собирали и ставили в одно место²⁰⁰. «Пастьба днем и ночью, — свидетельствуют источники, — отличается тем, что ночью, даже при слабом ветре, ставят табуны по ветру, а кос (кибитку пастухов. — Н. М.) впереди табуна, так что в случае бури табун, гонимый ветром, обязательно должен пойти на кос, где его могут захватить табунчики. Если бы кос был поставлен сзади табуна, то табунчики ночью не заметили бы ухода табуна»²⁰¹. В плохую погоду, при буранах казахи стремились укрыть лошадей вблизи леса или холмов²⁰². «Если пасут около горы, то при наступлении непогоды ставят табун под защиту горы или в логу. Наблюдают за погодой и если замечают с вечера в ясную погоду край тучи или облака, принимают меры предосторожности против бурана», «на открытой степи

загоняют на такое место, где глубокий снег, хороший корм, окружают со всех сторон и не пускают дальше»²⁰³. Зимой лошадей, как правило, не поили²⁰⁴, но иногда все же поили, гоняя к ключу или колодцу, где делали для лошадей ледяное корыто²⁰⁵. Пользуясь тем, что зимой заменителем воды для лошадей был снег, их в это время старались пасти либо на безводных пастбищах, либо на тех, которые во все времена года были недоступны другим видам скота²⁰⁶. Перегоняя лошадей в зимнее время года на летние пастбища, номады выработали определенную систему выпаса. Для коса старались выбирать места с неглубоким снегом и хорошим кормом. Наиболее удобными местами для выпаса лошадей считались равнины со снегом средней глубины, поросшие густой травой²⁰⁷. «Пастухи стараются первоначально вытравить те места, на которых с самого начала зимы выпадает глубокий снег, а затем перегоняют табун на более высокие места, где снег сдувается ветром», «...табунами травят сначала пастбища на равнинных местах и затем переходят к лесным пастбищам, заранее, так сказать, обеспечивая защиту табуна в лесу от бурь и метелей»²⁰⁸. Лучшее пастбище зимой для коса, отмечается в «Материалах по киргизскому землепользованию», то, где летом скот особенно хорошо нагуливался. По первому снегу кос пасут обычно свободно. По рыхлому снегу кос пасется многократно на одном и том же пастбище. С уплотнением снега выпас усложняется и начинается интенсивное передвижение коса по летним пастбищам. А поскольку в этом случае возможен лишь однократный выпас лошадей, кос обычно держали на данном пастбище до тех пор, пока не будет переверошен весь снег²⁰⁹. «По крайней мере три раза в день пастухи наблюдают за состоянием снежного покрова, — сообщают очевидцы, — если он весь разрыт лошадьми, табун требуется перегнать в другое место. Обращают также внимание не только на снежный покров, но и на состояние кормов, находящихся под снегом. Средняя толщина снега, при которой лошади могут свободно добывать корм, считается в одну четверть. Если снег бывает рыхлый, то лошади легко достают корм и на глубине до двух четвертей»²¹⁰. Днем обычно строго следили, чтобы лошади при выпасе не разбрелись и не топтали корм²¹¹. «Если корма хороши, — сообщают

источники, — погода теплая, то лошади имеют бодрый вид, шерсть у них лоснится. При плохих кормах лошади бывают понуры, шерсть становится тусклою и взъерошенною. При хорошем корме лошади хорошо переносят холода, при плохом и при морозах табун истощается, начинается выпадение маток...»²¹². Зимой, пока снег неглубок и не уплотнился, лошади проходят в сутки до 6 верст, но при глубоком и затвердевшем снеге они проходят за это же время не более 1 версты и идут более тесной группой²¹³. «Повинуясь своим рефлексам, — указывает Ю. Н. Барминцев, — обычно без понуждения со стороны человека, лошади во время буранов укрывались в естественных затишах — за холмами, в тугайных зарослях, у лесных колков, а в условиях открытой равнины собирались в плотный табун, укрываясь друг за другом. При этом общая форма табуна приобретала вид треугольника, обращенного острой вершиной к ветру. По мере того как находящиеся с наветренной стороны лошади зябли, они проникали в середину табуна, а на их месте оказывались другие»²¹⁴. После полностью использованного пастбища остаются кучи разбросанного снега, которые затвердевают и задерживают, согласно народному опыту, метель и сильные ветры. Зная направление зимних ветров, пастухи начинают выпас кося в хорошую погоду с наветренной стороны²¹⁵. При этом зимний маршрут строят обычно с таким расчетом, чтобы к концу марта табун подошел к месту ранневесенних пастбищ с полынными и солянковыми ассоциациями²¹⁶. «При пригоне табуна на какое-либо урочище с глубоким снегом, — гласит народный опыт, — пастухи наблюдают за лошадьми. Если лошади рвутся с этого места, — значит, корм здесь плохой»²¹⁷. «Если на новом месте, примерно в полуверсте, в 2 или даже 5 верстах от старого, лошади успокаиваются, роют снег и не рвутся далее, то, следовательно, здесь есть надлежащий корм»²¹⁸. Обычно зимой кос на каждом месте стоит 10—15 дней. Пасут на равнинах со снегом средней глубины с густой травой. Пастбище вытравливается в зависимости от плотности и глубины снежного покрова, качества естественного травостоя. Если через 2—3 дня обнаруживается, что лошади наедаются на данном пастбище плохо, то их перегоняют на другое место. Один раз в 10 дней их обязательно го-

нят на солончаки. Догнав табун до края летовки, его возвращают обратно; в хорошие годы возвращают позже, в плохие — раньше²¹⁹. В целом же продолжительность стоянки коса колеблется от 1 до 10 дней²²⁰. На плохом пастбище число перекочетов увеличивается²²¹. В случае недостаточного использования пастбища кос пасут на нем еще раз, до тех пор, пока оно не будет использовано полностью, если, конечно, позволяет погода и снег еще рыхлый²²². «Если был дождь и образовалась корка, выбирают места с более глубоким снегом и тонкой сверху ледяной коркой; где тонкий снег, там обыкновенно лед проникает весь слой снега и пасти табун невозможно»²²³. Таким образом, под выпас лошадей, как правило, были заняты все пастбища, за исключением лишь тех, которые находились в непосредственной близости от стационарно устроенных кстау.

Выпас лошадей в зимний период года существенно отличался от выпаса прочих видов скота. Отсюда и иной цикл производственной деятельности. Если овцы, крупный рогатый скот и верблюды в это время паслись вокруг стационарной зимовки, требовали устройства ночлега и не могли передвигаться на значительные расстояния по снежному покрову, то лошади в течение всего зимнего периода перегонялись с пастбища на пастбище и постоянно находились в движении. В силу большей подвижности лошадь, как это ни парадоксально звучит, не требовала активной кочевой жизни всего коллектива, поскольку процесс производства, связанный с ней, был в зимний период года менее трудоемким, нежели, скажем, труд овцевода. Лошадь, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», «дает средства к существованию при наименьшей затрате хозяйственной энергии»²²⁴. Для нормального выпаса лошадей зимой было достаточно активной кочевой жизни лишь небольшого числа трудящихся индивидов, ибо в целом их выпас носил характер скорее отгона, нежели систематического кочевания. В этой связи представляется необходимым уточнение и той роли, которую лошадь играла в процессе становления и развития кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности. Поскольку оптимизация состава стада за счет увеличения числа лошадей не могла иметь места в кочевых социумах Евразии в силу ряда

объективных факторов, постольку, видимо, и лошадь сама по себе не играла решающей роли в генезисе номадизма. Представляется, что только совокупность различных видов скота, их неразрывное единство и взаимодополнение оказали непосредственное влияние на становление кочевничества. Весьма интересное замечание принадлежит Н. И. Зиберу: «Совместная пастьба скота позволяет уже сожителство большего числа лиц на данной территории и более тесной кооперации между ними»²²⁵. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают лошадь как главное условие кочевого образа жизни. В этой связи следует отметить, что сочетание коневодства с охотой у североамериканских индейцев²²⁶ было лишь одним из этапов в генезисе номадизма, во всяком случае его центральноазиатского варианта, либо отражало специфику видового состава стада. В этом смысле чрезвычайный интерес представляет интерпретация материалов поселения Ботай в Северном Казахстане, где кости лошади составили 90% всех находок²²⁷.

Несколько иной характер носила система выпаса скота зимой в экстремальные периоды, особенно во время гололедов, сильных снегопадов, буранов и метелей. В это время кочевники, чтобы избежать тяжелых последствий аномальных явлений природы, резко интенсифицировали систему производства за счет кочевания — стремились отогнать скот за пределы охваченных джухом территорий, резко увеличивая площадь зимних пастбищ²²⁸, или загоняли скот в лес, ставили искусственные заграждения²²⁹. «Во время гололедицы, — свидетельствует М. Чорманов, — киргизы отгоняют свой скот в другие округа, где гололедицы не было»²³⁰. Однако при охвате джухом огромной территории эта мера становилась бесполезной²³¹. «Если, — пишет Я. Гавердовский, — только в начале осени вместо пухлого снегу покроеет землю твердая [кора], так называемая гололед, тогда погибель великих табунов бывает неизбежна. Тогда некоторые аулы, презирая все препятствия, стараются... убежать из таких мест в другие отдаленнейшие, хотя бы на оных и менее находилось выгодных пастьб»²³². «Иногда снег покрывается такую толстою ледяною корою, что она не проламывается под ударами копыта лошади и скот

скользит по ней, как по льду. В таких случаях скот гибнет массаами... позади табунов остаются кровавые следы ног, стертых острыми краями проламывающейся ледяной коры»²³³. Гололед, образующийся зимой «при выпадении совместно снега и дождя», представляет собой ледяную кору на поверхности снега, «которую даже лошади не в состоянии пробить копытами, почему зимние пастбища не могут быть использованными и когда открывается т. н. джут — массовая гибель скота от голодовки»²³⁴. Как правило, джуты охватывали огромные регионы и нередко носили повсеместный характер. Имели место и локальные джуты. В целом этому грозному природному явлению присуща цикличность. Народный опыт гласит, что большие джуты повторяются через каждые 6-8 — 10-12 лет, а малые каждые 3—4 года²³⁵. В результате джутов погибали тысячи голов скота, что пагубно сказывалось на экономическом положении массы трудящихся индивидов²³⁶.

В экстремальные периоды казахи широко практиковали совместный выпас скота, который был неэффективен и нерационален в обычные годы. Совместный выпас представлял собой выпас скота в определенной последовательности с учетом анатомических и физиологических особенностей вида в половозрастном отношении, степени поедаемости и усвояемости кормов и давал сиюминутный эффект²³⁷. Практика совместно-последовательного выпаса скота была широко распространена на всей территории расселения кочевников Евразии умеренного пояса²³⁸. «Сей род прокормления, — подчеркивал еще Я. Гавердовский, — обыкновенен не у одних киргизцев, но у всех кочевых народов, и у других народов и для скота довольно сносен»²³⁹. Порядок совместно-последовательного выпаса скота был следующий: «Пускают сначала лошадей, — сообщает А. И. Левшин, — которые копытами разрывают снег и едят верхушки травы. За ними на то же место выгоняют рогатый скот и верблюдов, продолжающих есть начатую лошадьми траву и съедающих средину стеблей. Но низшей части оных, близ корня находящейся, верблюды глотать не могут по природному устройению органов питания; а потому и овцы, выпускаемые на пастбу после всего прочего скота, на одном и том же месте находят себе пищу»²⁴⁰. «В жес-

токое зимнее время, — свидетельствует Я. Гавердовский, — скот остается также в поле, снискивая сам себе пропитание, обыкновенно в сие время на известный привольный выгон сначала пускают лошадей, как сильнейших... Они, разгребая сугробу копытами, поедают верхушки позябшей травы. За лошадьми следуют верблюды и рогатый скот, а за ними табуны овец и коз, которые, врываясь в снег головой и ногами, достают из-под одного оставшиеся корни и поглощают самый снег»²⁴¹. Аналогичные данные приводит и А. И. Добросмыслов: «Но когда снег глубок, тебеневать способны одни только лошади, остальные животные идут по их следам и подбирают остатки корма. Лошади обыкновенно съедают верхушки травы, крупный рогатый скот и верблюды средину стеблей, а нижняя часть достается овцам и козам, которых пускают после рогатого скота и верблюдов»²⁴². Лошади, отмечал еще П. Паллас, «промышляют себе корм, разгребая снег копытом, и чрез то облегчается протчому скоту паства»²⁴³.

Таким образом, совместно-последовательный выпас скота практиковался лишь в исключительных случаях, в периоды джутов и глубоких снегов. Он являлся важным средством обеспечения нормального воспроизводства стада в зимнее время года и базировался на высокоразвитом рефлексе лошадей — умении тебеневаться при снежном покрове до 40 см глубины. Лошади в данном случае являлись своеобразным средством труда, его условием и одновременно средством производства. При гололеде лошадей гоняли по льду до тех пор, пока лед не искрошится, или дробили наст с помощью большого бревна, привязанного арканом к лошадям²⁴⁴. К сожалению, в имеющихся источниках не прослеживается удельный вес совместно-последовательного выпаса в общей системе выпаса, но, видимо, он был немалым, если учитывать, что число невыпасных дней для одних лишь овец на территории Казахстана колеблется от 10—30 на юге до 120 на севере²⁴⁵. Причем при проведении расчетов применительно к зимней тебеневке лошадей число невыпасных дней для овец уменьшается на 20—25% на равнинных пастбищах²⁴⁶. Иначе говоря, можно предположить, что удельный вес совместно-последовательного выпаса по отношению к отдельному выпасу

мог выражаться соотношением 1 : 4. Но следует учитывать и то, что лошадь не всегда могла обеспечить выпас прочего скота. В таких случаях, согласно источникам, кочевники разгребали снег и очищали пастбища для скота. В частности, Ю. Гагемейстер сообщает: «...траву же выгребают под снегом своими руками или предоставляют это лошадям»²⁴⁷. П. С. Паллас свидетельствует: «...если же выпал большой снег, то киргизцы оной разгребают лопатами для мелкого скота»²⁴⁸. А С. Броневский указывает, что обледеневший снег разбивали топорами²⁴⁹. Аналогичные данные сообщают и другие авторы²⁵⁰. Причем для разных видов скота был необходим при расчистке снега различный объем работ в соответствии с анатомическими и физиологическими особенностями вида²⁵¹. Правомерно будет поэтому заключить, что при среднегодовом течении природных процессов в целом преобладал раздельный выпас скота, но в те дни, когда выпас овец и крупного рогатого скота из-за гололедов, снегопадов, буранов и метелей был невозможен, на первый план выступала система совместно-последовательного выпаса, базирующаяся на развитом рефлексе тебеневки у лошадей. А если и она не обеспечивала нормального воспроизводства стада, скот либо отгоняли от пастбищных угодий, охваченных аномальными явлениями природы, либо очищали травостой от снега и льда. Отношение различных систем выпаса можно примерно определить как 4 : 1 : 0,5 : 0,5, но оно могло и изменяться.

В зимний период года взаимодействие тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния определялось не только естественными ресурсами данной экосистемы, но и потребностями трудящихся индивидов в коллективных усилиях для организации нормального процесса производства. В частности, тенденция концентрированного состояния, которая получала весьма своеобразное выражение в объединении лошадей в косы, в этом отношении лишь незначительно ограничивалась тенденцией дисперсного состояния, хотя и была ее диалектическим выражением. Иначе говоря, налично максимально возможное в этот период года развитие первой тенденции. В то же время при господстве системы раздельного выпаса тенденция дисперсного состояния

получала, по сути дела, при выпасе мелкого и крупного скота свое максимально возможное развитие. Таким образом, система зимнего выпаса представляла собой сложное взаимодействие и диалектическое единство двух основных принципов кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности.

5. Система выпаса скота в теплое время года

Логическим продолжением зимнего цикла выпаса скота являлся весенний цикл, в особенности выпас скота в ранневесенний период. Он охватывал время с момента, когда температура воздуха поднималась до 0—5° и начиналось таяние снегов, и до начала весенней вегетации растительного покрова. В это время на первый план выступали, с одной стороны, необходимость скорейшего отвода скота за пределы зимних пастбищ, чтобы сохранить будущий естественный травостой вокруг кстау, а с другой — необходимость сохранения скота, ослабевшего после изнурительного зимнего периода, что препятствовало его быстрому движению и требовало бережного к нему отношения. Движение в ранневесенний период существенно ограничивалось также тем, что в это время начинался массовый расплод молодняка, который, естественно, не мог двигаться со скоростью взрослого животного. Иначе говоря, диалектически неразрывное единство двух факторов, первый из которых требовал интенсивности движения, а другой препятствовал ему и обуславливал продолжительные стоянки на маршруте кочевания, определяли особенности системы материального производства в ранневесенний период, как, впрочем, и в последующие.

Необходимо, однако, иметь в виду, что небольшая, как правило, площадь зимнего выпаса скота вокруг кстау не требовала много времени и, следовательно, быстрого кочевания за пределы зимних пастбищ. Вместе с тем низкая продуктивность естественного травостоя в ранневесенний период и то, что он был уже в значительной степени потреблен зимой, также обуславливали необходимость кочевания весной, и даже более того: детерминировали скорость и направленность коче-

вания, определяя таким образом характер и особенности производственного процесса. Чтобы как-то интенсифицировать отход от зимних пастбищ в условиях минимальной по отношению ко всем другим периодам года продуктивности растительного покрова, номады зачастую дробили свои хозяйственные организмы на более мелкие группы.

Ранней весной, свидетельствуют источники, стоят не аулами, а по одной-две юрты, поскольку новой травы еще нет и нужно дорожить каждым клочком прошлогодней травы²⁵². В результате тенденция дисперсного состояния в ранневесенний период года получала свое максимально возможное развитие и практически не уравнивалась тенденцией относительно концентрированного состояния, поскольку все остальные элементы производственного процесса отступали в это время на второй план. В этот период абсолютно преобладала система отдельного выпаса скота, тем более что и морфологические особенности видов существенно затрудняли совместный выпас. Появляющийся молодняк различных видов неодинаково адаптировался в процессе кочевания. Если, например, жеребята довольно быстро переходили к самостоятельному движению за табуном, а ягнята — по прошествии двух-трех дней, то телята и верблюжата относительно долгое время не были способны к сколько-нибудь самостоятельному и тем более интенсивному движению за взрослыми особями²⁵³. Видимо, поэтому у номадов имелись специальные ранневесенние пастбища, так называемые вторые зимовки, на которых они ожидали появления нового растительного покрова²⁵⁴. Ранней весной, свидетельствуют источники, казахи идут из зимовок куда-нибудь неподалеку в такие места, где сохранилась прошлогодняя трава. В это время каждый вид скота пасся отдельно²⁵⁵. Это было обусловлено тем, что начало весны — самое голодное время года, когда старые запасы истощены, а новых еще нет. Правда, если не вся трава вокруг кстау была вытравлена, номады нередко вторично пасли здесь свой скот²⁵⁶.

Начало движения с зимних пастбищ определялось наличием и качеством травостоя, а также снежного покрова. «Время кочевки и порядок ее, — пишет Б. А. Куф-

тин, — зависят от местности, климатических и бытовых условий. Обыкновенно весной, чуть только начинается оттепель, киргизы уже приготавливаются к выходу из зимних жилищ»²⁵⁷. После схода снегов, которые препятствовали кочеванию в зимний период, номады, как правило, начинали движение с кстау на север в направлении джайляу. При отсутствии травостоя кочевники иногда, не ожидая схода снегов, устремлялись со своих зимовок на более обеспеченные растительностью пастбища, но это движение носило, скорее, характер перекочевки в пределах зимних пастбищ при сохранении зимнего цикла производства, зимней системы выпаса скота и соответствующей организации процесса труда. Массовое и объективно обусловленное движение на весенние пастбища начиналось, как правило, с момента таяния снегов²⁵⁸. В этот период номады старались держаться подальше от разливающихся рек²⁵⁹ и следили, чтобы скот, в особенности молодняк, не погиб в тающем снегу, если он глубокий и рыхлый²⁶⁰. Поэтому они уходили с кстау за несколько дней до начала ледохода либо держались на возвышенных местах, где снег таял быстрее и земля высыхала раньше²⁶¹. «Киргиз-казаки северных уездов, — пишет Б. Куфтин, — выкочевывают с зимних стоянок во второй половине марта, а южных уездов — в конце февраля и начале марта... До спада вешних вод они не отходят далеко от зимовок. Более ранняя выкочевка южных киргизов объясняется необходимостью пройти пустынные песчаные пространства до наступления жаров, пока они покрыты сочной растительностью и пока в них отсутствуют жалящие скот пауки и насекомые»²⁶². Перекочевка в весенний период в известной мере диктовалась и инстинктом животных, которым также было свойственно меридиональное движение. Передвигаются в меридиональном направлении, например, сайгаки. Источники сообщают, что лошади в известной мере также присущ подобный инстинкт при пастбищном содержании. «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что ранней весной лошади самостоятельно устремляются на север²⁶³.

В последующий период в температурном режиме от 5 до 15° номады, как правило, интенсифицировали процесс кочевания. Именно в это время начиналась вегета-

ция растительного покрова. Поэтому казахи стремились поскорее уйти от зимовки, пока еще не появилась свежая зелень, чтобы не вытравить ее и сохранить до следующей зимы²⁶⁴. Весною, свидетельствует П. Медведский, кочуют следующим образом: «...подымаются рано утром и идут до полудня, а с полудня до следующего раннего утра делают привал; или же идут целый день до вечера, а отдыхают и кормят скот ночью»²⁶⁵. «Скот, — сообщает Б. Куфтин, — отправляется обычно несколько раньше аула, особенно овцы, так как эти животные идут очень медленно и гнать их очень хлопотливо. Крупный скот кочует вместе с аулом»²⁶⁶. Но если был джуг и много скота погибло, «то киргизам часто приходится на себе вывозить едва держащийся на ногах скот на ближайшие пастбища»²⁶⁷.

Процесс кочевания в этот период задерживался массовым расплодом молодняка. «В начале весны, — указывает С. Броневский, — они передвижения свои замедляют по причине рождения молодого скота»²⁶⁸. «Вообще, при весенних перекочевках, — сообщает П. Медведский, — быстрые переходы невозможны, потому что весною за стадами следует и приплод от них, который иногда бывает до того слаб, что его приходится везти, навьючив на верблюдов»²⁶⁹.

Наиболее благоприятным периодом для рождения молодняка считался, согласно народному опыту, апрель, который совпадает с начальным периодом вегетации растительного покрова. Скот успевал в это время более или менее восстановиться физически после тяжелого зимнего периода. Срок нагула скота совпадал с началом весенне-летнего сезона, когда устанавливалась устойчивая теплая погода и начиналась активная вегетация пастбищной растительности, особенно весенних эфемеров. Большое значение имело качество весенних пастбищ. При низком качестве оно не обеспечивало необходимого нагула скота, в результате чего летом и осенью животные не достигали состояния высшей упитанности²⁷⁰, а вследствие этого не могли перенести суровую зиму. Весной по указанным причинам процесс кочевания задерживался, поэтому на стоянках, которые периодически устраивались на маршруте движения, стояли 2—3 дня²⁷¹.

Номады сознательно подгадывали сроки рождения молодняка к апрелю целенаправленной случкой овец в ноябре, а прочего скота — в весенние месяцы. Здесь прослеживается определенное влияние социальных факторов. Так, богатые стремились к несколько более позднему расплоду, подгадывая время рождения молодняка к периоду установления теплой погоды и началу вегетации растительного покрова, в то время как менее состоятельные были вынуждены раньше случать своих животных, чтобы уже в ранневесенний период обеспечить себя молочной пищей²⁷². В первое время только что родившихся ягнят везли на верблюдах, давая им возможность окрепнуть²⁷³, а жеребята довольно быстро начинали самостоятельно идти за кобылами²⁷⁴. Совершенно очевидно, что хозяйства с более подвижной структурой стада, а это, как правило, более состоятельные хозяйства, получали весьма ощутимое преимущество перед остальными хозяйствами в потреблении свежей пастбищной растительности. Идущие во время перекочевки первыми, сообщают источники, снимают сливки с пастбищной растительности²⁷⁵.

По мере того как молодняк становился на ноги, номады резко интенсифицировали процесс кочевания. В это время они передвигались ежедневно на 15—30 верст²⁷⁶. Это было связано с тем, что долго находиться на весенних пастбищах было невыгодно, поскольку пути движения зачастую были общими и для отстающих почти не оставалось корма. Мимо проходит много народу, сообщают источники, отсюда много пыли, не хватает воды, мало корма²⁷⁷.

Выпас скота весной по-прежнему был отдельным. Ночью во время остановок лошадей отгоняли от аулов и пасли в 3—4 верстах от них²⁷⁸. Обычно вечером с наступлением темноты отгоняли табун, а утром снова пригоняли его к месту стоянки²⁷⁹. Кобыл, родивших молодняк, обычно держали на привязи вблизи жилища²⁸⁰. Овец также пасли в 3—4 верстах от аула²⁸¹. Источники сообщают, что при остановках на 2—3 дня ставили юрты, но если остановки были более кратковременными, то ставили «нечто вроде палаток из кереге, составленных в виде крыши и покрытых кошмой»²⁸². «Ставить юрту, — уточняет Б. Куфтин, — каждый день хлопотливо, поэто-

му во время быстрых передвижений они ограничиваются тем, что из решетчатых стен юрт устраивают род домиков, покрывают их войлоком и спят по несколько человек. В жаркое время кочуют ночью»²⁸³. Пока скот был слаб, кочевали медленно, часто делая остановки для сбережения молодняка²⁸⁴, но в дальнейшем постепенно интенсифицировали процесс кочевания. Если водных источников было мало, остановки делали на своих особых водопоях как естественного, так и искусственного происхождения²⁸⁵, но если же «стеснения в воде нет, то пользовались талой водой»²⁸⁶. В период активной вегетации растительного покрова в температурном режиме выше 10° номады резко интенсифицировали свое движение на джайляу.

В целом же следует отметить, что фактор аридности отступал на второй план в весенний период года, как, впрочем, и качество пастбищной растительности. Если в ранневесенний период фактор наличия кормовых ресурсов играл определяющую роль в максимально возможном развитии и проявлении тенденции дисперсного состояния, то в период вегетации растительного покрова на первый план выступал фактор обеспечения потребностей процесса производства, что обуславливало господство тенденции относительно концентрированного состояния. И если в ранневесенний период казахи распадались на мелкие группы, то с появлением нового растительного покрова они снова сходились в аулы, а в период активной вегетации естественного травостоя «начинали кочевать группой аулов (в 2—4 аула)»²⁸⁷. «В сие время, — сообщают источники, — начинают они опять скочевываться в средину степи и к привольным паствам»²⁸⁸. «По образу своей кочевой жизни, — свидетельствуют Пospelов и Бурнашев, — киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами, останавливаясь чрез неделю, или покуда удобность есть для корму скоту около речек, озер и колодец всей волостью вообще, дабы быть безопасными от других волостей; разделяются иногда по стеснению только мест...»²⁸⁹. В среднем при больших переходах на сотни верст делают около 20 верст в день, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», с короткими остановками в 2—3

дня, через 3—4 кочевки. Кочуют большими группами, но с тем расчетом, чтобы на стоянках хватало воды ²⁹⁰.

Весенний период охватывал огромный объем производственных работ, связанных главным образом с массовым рождением молодняка ²⁹¹. Очень трудоемким был процесс стрижки овец, верблюдов и лошадей ²⁹², случки скота ²⁹³, кастрации ²⁹⁴, клеймения ²⁹⁵ и в особенности дойки ²⁹⁶. Большого труда требовало и производство предметов материальной культуры ²⁹⁷. Процесс производства в значительной степени осложнялся еще и тем, что для многих кочевников необходимо было пройти в короткий весенний период расстояние до 300—1000 и более верст ²⁹⁸. Именно весной кочевники, используя наибольшую продуктивность пастбищной растительности и большую обеспеченность атмосферными осадками, быстрым темпом проходили наиболее сложные и труднодоступные пустынные и полупустынные районы. Вследствие этого интенсивность кочевания весной по отношению к другим временам года была, пожалуй, наивысшей ²⁹⁹, что обуславливало почти полное, за исключением лишь ранневесеннего периода, преобладание тенденции относительно концентрированного состояния. Фактор аридности и качества пастбищных угодий в весенний период в целом играл второстепенную роль, а на первый план выступала необходимость эффективной организации процесса труда и кочевания, требовавшая значительных коллективных трудовых усилий массы непосредственных производителей. Вследствие этого система выпаса скота, игравшая главенствующую роль в зимний период, весной отступала на второй план, уступая первенство рациональной организации производственных работ, необходимых для обеспечения всего последующего цикла воспроизводства средств производства. Отсюда и совершенно иной по сравнению с другими периодами года характер взаимоотношений между индивидами в процессе производства, отсюда и иные формы зависимости, связанные в гораздо большей степени со скотом, нежели в зимний период, когда они в основном опосредовались фактором кормовых ресурсов. И в том, и в другом случае налицо всеобщность экономических интересов, но различна роль фактора внеэкономического принуждения, который, видимо, играл гораздо большую роль зимой.

Если весенний период носил в целом характер интенсивной перекочевки с кратковременными остановками и базировался на сезонной продуктивности растительного покрова, то летний период прежде всего основывался на зональности естественного травостоя и характеризовался продолжительными остановками и кратковременным периодом собственно кочевания. Это обстоятельство по характеру использования природных ресурсов среды обитания, а следовательно, и организации процесса производства в известной мере сближает летний период с зимним. Зимой наиважнейшее значение приобретала адаптация к резко континентальным условиям среды обитания посредством организации стационарно устроенных зимовок, соответствующей системы выпаса, базирующейся на использовании рефлекса тебеневки, и вообще всего процесса производства. В летний сезон на первый план выступал фактор аридности, который в это время года опосредствовал в решающей мере практически все элементы производственного цикла. Известный интерес в этой связи представляет данная еще А. И. Левшиным характеристика летнего периода года: «Дожди весьма редки в степях киргизских»³⁰⁰. «Самая же большая часть степей высыхает неимоверно, земля сжимается и образует значительные трещины». «Они (степи. — Н. М.) отличаются, во-первых, безводием и происходящею от того чрезвычайною сухостию почвы»³⁰¹. «В мае, — сообщает А. Евреинов, — жары становятся ощутительны, а в июне, июле и августе — нестерпимы»³⁰². Он же уточняет: «С восходом солнца начинающийся жар и доходящий в полдень до 40° в тени убивает всякую деятельность... Нет ни реки, ни дерева, во влаге или тени которых можно бы оживить себя. Наружу нельзя показаться: палит как огнем; а кошмы кибитки или стены дома нагреты так, что от них пышет какая-то особая духота»³⁰³.

Летом наиважнейшее значение приобретала необходимость обеспечения скота водой, поэтому кочевники могли передвигаться лишь в районах пастбищ, обеспеченных водными источниками. Это движение носило, как правило, характер перекочевки от одного водного источника к другому или продолжительного по времени стояния около крупного водоема естественного происхожде-

ния. Интенсивность кочевания в летний период в целом по отношению к весеннему и осеннему сезонам года являлась наименьшей³⁰⁴. Думается, это было связано и с тем, что сам процесс кочевания в условиях сильного перегрева подстилающей поверхности был весьма затруднен и не обеспечивал необходимого нагула скота. «Киргиз, — сообщают источники, — в деле скотоводства строго держится следующего правила: должно всеми средствами стремиться к тому, чтобы скот во время лета возможно более разжирел, сделался тучнее»³⁰⁵. Другим фактором, ограничивающим интенсивное движение летом, была, несомненно, наибольшая продуктивность пастбищной растительности по отношению к зимне-весеннему периоду. Большая кормовая емкость летних пастбищных угодий не требовала частой смены их и, следовательно, быстрого движения в это время года.

Вместе с тем прослеживается исключительная подвижность и гибкость кочевой формы организации процесса производства. «...Не нужно думать, чтобы кочевник-киргиз вполне и слепо подчинялся окружающей его природе. Напротив, он пользуется ею по известному, обдуманному плану, с глубоким и верным расчетом, по выработанной многими поколениями системе»³⁰⁶. В случае, например, недостаточной обеспеченности пастбищных угодий водными источниками номады, группируясь по водопоям, стремились разбиться на максимально возможные мелкие трудовые коллективы³⁰⁷. Летом, сообщают Поспелов и Бурнашев, «кочевники объединялись и разъединялись лишь по стеснению мест»³⁰⁸. «...В хорошее обыкновенное лето киргизы бывают разбросаны небольшими аулами на значительном расстоянии друг от друга»³⁰⁹. Летом, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию», аулы группируются совсем иначе, чем зимой. Стоят на джайляу тесно или редко в зависимости от качества пастбища и водопоя³¹⁰. Иначе говоря, объединение номадов в более крупные, нежели зимой, группировки было ограничено на мало и недостаточно обводненных пастбищах. «Хозяйство номада, — как отмечал еще Р. Карутц, — регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев»³¹¹. Вследствие этого в летний период года получает известное развитие тенденция дисперсного состояния. И, види-

мо, не случайно саунные отношения по большей части охватывают именно летний сезон.

Однако было бы неверным предполагать преобладание тенденции рассеянного состояния в этот период года. В целом прослеживается преобладание тенденции относительно концентрированного состояния, которая в это время в гораздо меньшей степени ограничивалась кормовыми ресурсами пастбищных угодий из-за их большей продуктивности и стимулировалась потребностью в коллективных усилиях прежде всего по поддержанию и созданию искусственных водных источников, а также необходимостью организации отдельных элементов процесса производства и поддержания безопасности трудящихся индивидов. В частности, С. Броневский сообщает, что казахи все лето кочуют «целой волостью»³¹², а И. Ф. Бларамберг отмечает, что «при большом неурожае трав они теснятся в каком-нибудь одном участке, где более удобств для прокормления скота»³¹³. «Прохладное лето, — пишет Г. Потанин, — привлекает на Сары-Арка киргизские аулы из горячих степей с юга и севера. Собравшиеся сюда на лето киргизы опять на зиму расходятся, часть идет на север, а часть на юг; так что тело киргизского народа в холодную пору года расширяется, а в жаркую сжимается...»³¹⁴. Летом аулы группируются иначе, чем зимой: несколько аулов объединялись в группу, и каждый «летний аул» располагался вокруг своего особого колодца³¹⁵. На джайляу, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию», аулы располагаются группами³¹⁶. Обычно кочевники группировались вокруг водных источников³¹⁷. В засушливые годы, когда в результате усыхания число водоемов сокращается, происходит концентрация аулов вокруг естественных водоемов³¹⁸. Нередко номады объединялись на летовках в очень большие группы, иногда до нескольких сотен хозяйств³¹⁹. В частности, И. П. Шангин свидетельствует, что в районе реки Нуры на джайляу располагалось до 1000 юрт³²⁰. Небезынтересно и сообщение доктора Базинера о встрече им «громадной киргизской орды, состоящей из 30 аулов»³²¹. На джайляу вблизи Бурул-Тохоя, пишет В. В. Сапожников, казахи приходят в количестве свыше 400 аулов³²². В летний период концентрация могла происходить и в силу социальных факторов, в

частности, пауперы и малообеспеченные индивиды зачастую сосредоточивались вокруг более обеспеченных скотом, а также власть имущих. «Часто аулы киргизские, — свидетельствуют источники, — бывают очень обширны; где кочуют ханы или султаны, там иногда находится от 500 до 1000 юрт»³²³.

Между тем следует указать и на такую закономерность: чем выше степень концентрации скота, тем большей была степень интенсивности кочевания, так как при большей концентрации скота быстрее потреблялся естественный травостой. В известной мере это положение может быть подтверждено тем, что продолжительность периода кочевания находилась в прямой зависимости от имущественного состояния скотовладельца. Радиус и время кочевания у более состоятельных обычно были большими, чем у менее состоятельных³²⁴. «Богатому киргизу безусловно необходимо кочевать и кочевать подальше и подальше...»³²⁵. «Но обычай наблюдается, что киргиз, имеющий большее количество скота, пользуется и большим участком пастбищ»³²⁶. Многоскотные, свидетельствуют источники, остаются на летних пастбищах дольше, вплоть до осени³²⁷. Они же кочуют дальше, чаще меняют свои остановки, стараясь дать своему скоту больше свежей травы. Во время кочевки в богатых аулах преобладает отдельный выпас скота. Беднейшие аулы не кочуют на дальние джайляу и весь скот пасут вблизи аулов. Кочевки в летний период в среднем не превышали 12—15 верст в день. Если же на летовке остаются только на ночь, то юрт не ставят, а устраивают коши с прямыми ууками³²⁸.

Обычно процесс кочевания в летнее время представлял собой движение от одного водного источника к другому. На джайляу каждый аул становился около своих строго определенных колодцев, и мужчины первым делом принимались за их чистку³²⁹. Создание колодца или искусственной запруды давало преимущественное право на их использование³³⁰. В отношении естественных водоемов существовало право первозахвата³³¹, однако их роль в целом была незначительна и уменьшалась с севера на юг. Закрепляя за собой водопой, кочевники закрепляли за собой и определенную территорию вокруг данного водного источника³³², поскольку кочевание на

пастбище, лишенном водопоя, не имело смысла³³³. На джайляу номады располагались вблизи водных источников и ставили юрты полукругом к водопою³³⁴. Каждое лето они были вынуждены восстанавливать искусственные источники³³⁵, что обуславливало дальнейшее закрепление прав собственности на них.

В летний период скот пасли не радиальными равномерными полосами по направлению от кстау, как зимой, а концентрическими кругами от места стоянки вблизи водоема в глубь степи³³⁶. Площадь пастбища в это время года не превышала того расстояния, которое мог пройти скот в том и обратном направлении от аула в течение одного летнего дня. После того как было использовано пастбище вокруг места стоянки, номады снимались с места и кочевали дальше на 12—15 км. Отсюда и иной цикл производственной деятельности, иные формы организации процесса труда. Следует также отметить, что летом пастбищная растительность потреблялась в гораздо меньшей степени, нежели зимой, поскольку скот в основном вытравливал нежные и мягкие травы³³⁷.

Летом широко практиковался отдельный выпас скота³³⁸, что было обусловлено особенностями биологии разных видов скота, различиями в скорости движения и т. п. Если, например, лошадей из-за большей подвижности пасли в радиусе от 8—10 до 12—15 км от водного источника, то овец — в 3—5 км³³⁹. Молодняк, как правило, пасли отдельно от взрослых особей, во-первых, потому, что он двигался намного медленнее и, во-вторых, чтобы он не высасывал дойных маток, которых также пасли отдельно³⁴⁰. Летом рогатый скот пасся самостоятельно, без присмотра³⁴¹. В полдень и на ночь крупный рогатый скот пригоняли на водопой к аулу, коров в это время доили³⁴². Молодняк же держали вблизи аула, а в момент прихода стада его привязывали и снова отпускали на выпас лишь после дойки коров и ухода взрослых особей в степь³⁴³.

Примерно так же пасли овец. Утром после восхода солнца их гнали на выпас в степь, к полудню пригоняли в аул на водопой. Здесь их доили и после этого некоторое время, пока не спадет жара, держали вблизи аула, снова доили и затем отправляли в степь на выпас. К ночи их снова пригоняли в аул на водопой и укладывали на ноч-

Г
лег сплошной грудой возле юрт³⁴⁴. Ягнят обычно пасли вблизи аула, а во время прихода отары на водопой их привязывали и отпускали лишь после того, как овец снова угоняли на выпас³⁴⁵. Если овец в ауле было много, то их пасли отдельно в двух-трех и более отарах численностью не более 600—800 голов в каждой³⁴⁶. «Дело в том, — сообщают „Материалы по киргизскому землепользованию“, — что овцы идут по пастбищу сплошную массой, и если их очень много в стаде, то на долю овец, идущих сзади, не хватает корма»³⁴⁷.

Аналогичным был выпас лошадей, но он имел и специфику, поскольку их пасли и днем, и ночью. Причем наедалась лошадь в основном ночью, днем же этому препятствовали жара, оводы и другие жалящие насекомые. Дойных кобыл обычно целый день держали вблизи места стоянки отдельным табуном, жеребят же к ним в дневное время не подпускали, держа на привязи или привязывая их к шее матери так, чтобы они ее не высасывали³⁴⁸. На ночь кобыл пускали вместе с жеребятами на выпас в общий табун, который обычно находился вдали от аула, и лишь дважды в день пригоняли к аулу на водопой³⁴⁹. Так продолжается до сентября, «когда начинают уже отучать их от маток, не отделяя, однако же, от оных, а привязывают им на рыло деревянные рогульки, кои препятствуют касаться вымя, есть же траву и пить удобства не отнимают»³⁵⁰.

Самым трудоемким процессом в летний период года было поение скота, обычно 2—3 раза в день. Кочевники, в особенности многоскотные хозяйства, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», затрачивали массу труда для того, чтобы напоить свои стада. В больших табунах, когда у корыта (астау) с водой скот массой ждет очереди, случается давка, а если мало воды, то более слабые и тем более одиночные лошади, как правило, остаются без воды, ибо косячные жеребцы не подпускают их к воде. Из-за недостатка воды или ее загрязненности лошади очень плохо нагуливаются³⁵¹.

Кочевники за многие века накопили огромный опыт использования пастбищной растительности. Как уже говорилось выше, летом пастбища выбирали в зависимости от их обеспеченности водными источниками и наличия и качества естественного травостоя³⁵². Важным условием

летнего выпаса скота было требование разнообразия растительных форм. Поэтому номады через каждые 7—10 дней пасли скот на солонцах³⁵³, которые, однако, были лишь приправой к основному питанию, но без них не обеспечивалось качественного нагула животных³⁵⁴. В начале лета обычно пасли скот на том пастбище, растительный покров которого к концу лета выгорал³⁵⁵. В основном же пасли на злаковом разнотравье, чередуя различные виды трав и солонцы, а к концу лета — нередко на эфемерах³⁵⁶. «В половине же лета, — сообщают источники, — когда трава достигает полных размеров своего роста и время становится жаркое, киргизы стоят на одном месте даже по месяцу»³⁵⁷.

Видимо, с этим был связан и сам порядок перекочевки на другие пастбища. Обычное право казахов указывает на то, что «весь порядок следования аула при перекочевке заключается в нижеследующем: впереди гонят лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество, навьюченное на верблюдах»³⁵⁸. Это положение подтверждается и сообщениями источников, которые свидетельствуют, что лошади и верблюды паслись на расстоянии от кочевки, а овцы и рогатый скот вблизи³⁵⁹. Дальность маршрутов кочевания зависела не только от условий местности, но и от величины стада, его качественного состава. Чем больше стадо и чем больше в нем лошадей, тем, естественно, чаще и интенсивнее совершались перекочевки³⁶⁰. Бедные поэтому в летний период кочевали 2—3 раза, а богатые гораздо больше³⁶¹.

При наличии хорошего травостоя номады кочевали медленнее, стараясь максимально использовать пастбищную растительность, при худшем травостое движение резко интенсифицировалось. В этом случае в более выгодном положении оказывались те кочевые группы, в составе стада которых преобладали более подвижные виды скота, в особенности лошади, поскольку они позволяли по праву первозахвата (фактически номинального, а по существу феодального права) использовать первыми более продуктивные пастбищные угодья. Беднейшие, как правило, шли следом за более состоятельными и пользовались менее продуктивными пастбищами³⁶². Иначе говоря, качественный и количественный состав стада оказывал вполне очевидное влияние на систему

выпаса, характер использования и потребления пастбищных угодий.

Несмотря на то что джайляу формально находились в общем пользовании, каждая кочевая группа пасла скот на строго регламентированных пастбищах вокруг традиционных водоемов³⁶³. Вследствие этого, как свидетельствуют источники, летние кочевья отчасти распределены между отделениями, которые «владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может»³⁶⁴. «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок; на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель»³⁶⁵. «Обычным же правом, — пишет Б. А. Куфтин, — регулируется и пользование летовками, «джайляу», т. е. местами, которые кроме пастбы скота ничем не могут быть заняты — ни пашнями, ни зимовками. Каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления, — но не каждый киргиз, который захотел бы воспользоваться тем или другим участком степи»³⁶⁶. «Каждый аул, — сообщают источники, — должен иметь особое зимовое место... особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ»³⁶⁷.

На малообводненных пастбищах, как уже отмечалось, это положение проявлялось с наибольшей силой, поскольку колодцы находились в общинном пользовании. «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют: «Джайляу (летовка) представляют в настоящее время наиболее свободное угодье... право пользования ими почти безгранично. По крайней мере, на одной и той же площади встречаются киргизы разных волостей, разных родов. Но тем не менее, если присмотреться к порядку кочевания различных родов, то можно заметить, что они имеют свои пути кочевания и свои стоянки на летовках, так что если скот их при пастбе и смешивается, то все-таки у каждой группы или у многих групп имеются свои стоянки»³⁶⁸. «...Ввиду строгого распределения летовок, — отмечает Б. А. Куфтин, — ни один

киргиз не решится остановиться на чужом месте более одного дня»³⁶⁹. Имеется весьма интересная запись, что казахи одной из общин «на джайляу своих стоянок не имеют; кочуют вслед за другими и пользуются тем, что остается»³⁷⁰. Таким образом, мы вправе заключить, что джайляу, формально находившиеся в общем пользовании, в действительности были распределены между различными общинами, а право первозахвата фактически являлось фикцией и представляло собой завуалированную форму права собственности на землю.

Летний цикл охватывал чрезвычайно обширный круг и объем производственных работ. В это время номады заготавливали на зиму молочные продукты — курт, иримшик, производили масло, катык, готовили айран и др.³⁷¹ Особенно трудоемким был процесс приготовления различных предметов материальной культуры: валяния кошм, прядения шерсти, ткачества, витья веревок, выделывания шкур и т. д.³⁷²

В целом для летнего периода характерна преобладающая роль экономических факторов. Действие тенденции относительно концентрированного состояния ограничивалось природными явлениями — засушливостью, периодическим усыханием естественных водоемов, их минерализацией, высыханием естественного травостоя и т. п. Однако фактор аридности в известной мере уравнивался необходимостью обеспечения трудоемких работ, требующих значительных коллективных усилий, большей интенсивностью движения по сравнению со стационарным зимним периодом, раздельным выпасом скота, быстрыми, но непродолжительными кочевками на небольшие расстояния. Качество летних пастбищ было чрезвычайно важным, и если оно не обеспечивало необходимого нагула животных, то в зимний период скот не выдерживал интенсивной и каждодневной тебеневки. Все это говорит о том, что у номадов отсутствовал так называемый незамкнутый цикл кочевания, неурегулированное землепользование было невозможным в кочевой среде, ибо оно не обеспечивало, да и не могло обеспечить необходимого продукта трудящимся индивидам и нормального воспроизводства стада.

К концу летнего сезона номады начинали движение в обратном направлении — в сторону зимних пастбищ.

Маршруты этого движения из-за посезонной продуктивности растительного покрова не в полной мере совпадали с кочевыми маршрутами весеннего периода. «В начале августа месяца, — свидетельствуют источники, — киргизы начинают обратную кочевку точно таким же порядком, как и весной, но только не тем уже путем, а другим, где трава еще не вытравлена»³⁷³. Система осеннего выпаса скота в отличие от летнего в основном базировалась на посезонной продуктивности пастбищной растительности и представляла собой относительно быстрое движение в сторону зимних пастбищ. Это было обусловлено тем, что в относительно короткий осенний период, который искусственно удлинялся при меридиональном кочевании, необходимо было пройти весьма значительное расстояние до кстау, нередко превышавшее 300—400 км. Однако по сравнению с весенним движением осеннее представляло собой относительно большую величину, поскольку переход на зимние пастбища мог быть осуществлен лишь после установления там устойчивого снежного покрова. Границы осеннего периода были относительно неустойчивы, и его продолжительность в гораздо большей степени зависела от природно-климатических условий среды обитания, их сезонных и ежегодных колебаний, поэтому осенний выпас скота по мере приближения к зимовкам замедлялся, а интенсивность кочевания падала. Осенью в период непосредственного подхода к кстау система выпаса начинала напоминать ранневесенний выпас скота, но если в основе последнего находились факторы низкой продуктивности естественного травостоя и слабости скота, то растянутый позднеосенний период обуславливался необходимостью сохранения пастбищной растительности на зимних пастбищах. Вследствие этого движение номадов по мере интенсификации его сопровождалось развитием тенденции относительно концентрированного состояния и, наоборот, по мере его замедления все большее развитие получает тенденция дисперсного состояния. Отсюда и отношение к пастбищным угодьям. В первом случае кочуют на общих пастбищах, а во втором уже на обособленных. Иначе говоря, развитие тенденции дисперсного состояния было обусловлено в известной мере частным землепользованием.

Порядок кочевания и выпаса скота в осенний период

находился в прямой зависимости от степени удаленности джайлау от кстау. При удаленности зимних пастбищ от джайлау номады в августе в момент начала понижения суточной температуры воздуха начинали движение в сторону кстау и в это время пасли свой скот по периферии летних пастбищ на территориях общего пользования³⁷⁴. На пастбищах общего пользования казахи группировались вокруг строго определенных водных источников искусственного происхождения³⁷⁵. Вследствие этого происходило обособление и соответствующей территории вокруг искусственных водоемов, поскольку выпас скота на пастбищах, не гарантированных водными источниками, был фактически невозможен. Однако на пастбищах общего пользования долго находиться было нельзя, так как там концентрировались огромные массы кочевых групп, что обуславливало быструю утилизацию кормовых ресурсов среды обитания.

В сентябре, когда среднесуточная температура воздуха понижалась до 10°C, номады начинали массовое движение в сторону зимних пастбищ. Кочевые группы, зимние пастбища которых располагались невдалеке от джайлау, оставались на пастбищах общего пользования и пасли скот по периферии своих кстау³⁷⁶. Номады, зимние пастбища которых были удалены от летних, интенсивно двигались на свои зимовки и по мере приближения к ним замедляли темп кочевания, выжидая установления устойчивого снежного покрова. Источники свидетельствуют, что на маршрутах кочевания казахи нередко объединялись в весьма значительные группы, иногда до нескольких сотен хозяйств³⁷⁷. «Осенью, — сообщают источники, — как лошади разжиреют, все съезжаются...»³⁷⁸. «По мере приближения зимы, — пишет И. Ф. Бларамберг, — киргизы начинают совокупляться в большие аулы и кочуют к зимовкам своим»³⁷⁹. Факт концентрации в этот период года подтверждают и русские источники начала XIX века³⁸⁰. Чем выше была степень концентрации скота, тем большей скоростью кочевания. Закономерно поэтому, что номады в это время года форсированным маршем проходили безводные пастбища³⁸¹, а количество перекочевков по сравнению с летним периодом резко возрастало³⁸².

При подходе к зимним пастбищам номады резко за-

медлят темп движения и располагаются по периферии кстау, которые нередко являются естественным продолжением кузеу³⁸³. В этот период, несомненно, преобладает тенденция дисперсного состояния, ибо кочевники, располагаясь вблизи своих зимовок, находились в рассеянном состоянии³⁸⁴. Как правило, осенние пастбища, расположенные вблизи кстау, были строго обособлены и находились в частном землепользовании³⁸⁵. «...Здесь,—сообщают источники,—кочевые места уже разделены... Каждый из киргизов хорошо знает свои места и свято соблюдает это разделение»³⁸⁶. Особенно последовательно это прослеживается на мало и недостаточно обводненных пастбищах, где преобладали искусственные водные источники, которые, как правило, находились в частном землепользовании³⁸⁷. Вследствие этого происходит присвоение соответствующей территории пастбища, расположенного вокруг данного водного источника. И поскольку на кузеу была большей емкостью кормовых ресурсов, лучше обеспеченность водными источниками, чем на кстау, номады находились на них вплоть до установления снежного покрова и в основном пасли скот на тех местах, которые зимой заносились толстым слоем снега и были недоступны скоту³⁸⁸. Во время стоянки на кузеу скот не пускали ближе определенного предела к кстау³⁸⁹. Правда, расположение осенних пастбищ относительно зимних бывало разным. Не всегда кузеу непосредственно примыкало к кстау, нередко оно было отделено от него чужими землями³⁹⁰. В этом случае переход на кстау носил интенсивный характер, поскольку на обособленных кузеу останавливаться не позволяли³⁹¹. Интересно в этой связи сообщение Рузбихана: «Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища. Так как на всем пути следования к зимовкам иногда не бывает достаточно воды, чтобы напоить скот, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда переправы и дороги покрываются снегом»³⁹². Иначе говоря, на мало и недостаточно обводненных пастбищах переход на кстау был возможен лишь после выпадения снега.

Осенние пастбища приберегали для зимнего выпаса табунов лошадей³⁹³, которых уже в это время начинали

объединять в косы³⁹⁴. «После стоянки на осенней кочевке, — сообщают источники, — киргизы входят уже на собственные свои зимовки, куда приводят с собой верблюдов, коров и баранов, а лошадей оставляют на осенних стойбищах, которые всегда бывают весьма недалеко от зимовок, верстах, напр. в 15, 20 и 25-ти»³⁹⁵. Выпас лошадей построен таким образом, чтобы «дать время траве на джайляу вырасти еще раз под влиянием осенних дождей», только после этого составляли кос³⁹⁶. Поэтому в осенний период преобладал раздельный выпас скота вокруг искусственных источников воды. Это было связано с тем, что лошадь может пастись в 15—20 км от водопоя, а овцы лишь в 3—5 км³⁹⁷. Осенью число доений постепенно сокращается, а к концу осени совсем прекращается³⁹⁸. С этого времени молодняк вливается в общие табуны и стада³⁹⁹ и раздельный выпас скота практикуется лишь в видовом отношении.

В осенний период начинается забой скота на мясо⁴⁰⁰, производится случка овец⁴⁰¹, их стрижка⁴⁰², заготавливается топливо на зиму⁴⁰³ и т. п. Обширный комплекс работ в это время обуславливает целый ряд особенностей и во взаимоотношениях трудящихся индивидов. Отсюда и специфичные формы личностных отношений, значительная роль экономических и неэкономических факторов, их различия во времени и в пространстве. Если в момент преобладания тенденции дисперсного состояния господствуют различные формы экономической зависимости при значительном опосредующем влиянии неэкономических, то в период преобладания тенденции относительно концентрированного состояния роль внеэкономических факторов несколько понижается. Взаимодействие указанных тенденций детерминировалось не только условиями среды обитания и качественно-количественным составом стада, но и различными элементами процесса производства, которые нередко требовали значительных коллективных усилий трудящихся индивидов, в частности привлечения дополнительных рабочих рук. Большое влияние на процесс производства в это время оказывал фактор аридности, который был естественным ограничителем развития тенденции концентрированного состояния и опосредствовал частное землепользование в отношении пастбищных угодий.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

1. Социальная организация. Община

Система материального производства во многом определила формы социальной организации кочевников Казахстана. В условиях аридной зоны степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса Евразии главным требованием и принципом организации кочевого общества являлось требование дисперсного в территориальном отношении состояния носителей данного хозяйственно-культурного типа, их пространственная рассеянность. Однако развитие этой тенденции ограничивалось необходимостью приложения значительных коллективных усилий трудящихся индивидов в процессе производства для обеспечения как минимум необходимого продукта и нормального воспроизводства стада. Комплекс природно-климатических условий среды обитания и система материального производства определили коллективные формы организации процесса производства во все сезонные циклы, их специфику и особенности на всех уровнях кочевого социума. Иначе говоря, антагонизм тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния, как бы пронизывающий всю историю кочевого общества, определил динамику взаимодействия различных форм организации процесса производства, их специфику и особенности во времени и в пространстве.

В основе социальной организации кочевого общества лежала сложная система взаимодействия нескольких структурных образований, взаимосвязанных и порою причудливо переплетающихся на всех уровнях общест-

венной иерархии кочевого социума. Формально кочевое общество представляется в виде сложного иерархического ряда, основанного на кровнородственных связях патрилинейного порядка, для обозначения которого предварительно может быть использовано понятие «биосоциальная структура», а для обозначения каждой конкретной структуры — понятие «биосоциоструктура» или «биосоциогруппа». Данная структура, носившая корпоративный характер, охватывала сферу взаимоотношений между конкретными индивидами, корпорациями и группами на уровне социально-бытовых, в основном семейно-брачных, отношений и оказывала немаловажное влияние на взаимоотношения в сфере производства, обмена, распределения, военно-политической организации¹. Биологическое начало данной структуры опосредствовало социальными факторами и не существовало в чистом виде. Характерной чертой данного иерархического ряда являются: своеобразные нормы поведения, взаимоотношений, экзогамия на уровне низших биосоциогрупп и специфичные ценностные ориентации, а порою и эндогамия на уровне высших биосоциоструктур. Но поскольку данная проблема — предмет особого изучения, мы считаем возможным ограничиться вышесказанным².

Ведущая роль в социальной организации общества принадлежала качественно иному структурному образованию, которое базировалось на функционально-системной организации, охватывающей прежде всего сферу общественных связей и взаимоотношений в процессе производства. Общность экономических и неэкономических интересов в данном случае порождала сложную иерархическую структуру кочевых обществ, которые предстают как многочленный и функционально интегрированный организм. «Производство формирует отдельные ячейки, которые постоянно связаны между собой, образуя единый производственный организм»³. Эта структура носила по преимуществу социально-экономический характер и поэтому может быть обозначена как социальная структура. Отсюда несколько различных систем общественных связей⁴. Имела место и тенденция развития качественно других структурных образований, в частности в периоды централизации кочевых социумов важное и самостоятельное значение приобретала государственно-администра-

тивная структура общественных связей. Пересечение указанных структурных рядов могло происходить формально на всех уровнях кочевого социума, но по большей части происходило на уровне общины, которая, будучи низшим производственным организмом общества⁵, носила в основном семейно-родственный характер⁶ и одновременно являлась важным звеном в других структурных образованиях. Следствием этого было то, что социальная структура в кочевых обществах, несомненно, определяющая в масштабах социума, была, как правило, облечена в генеалогическую форму, реальную на низшем и идеальную на высшем уровнях⁷.

Низшей ячейкой социальной структуры являлась в кочевом обществе индивидуальная моногамная семья, которая, несомненно, была основной самостоятельной хозяйственной единицей данного социума⁸. Она характеризуется рядом качественных признаков социального происхождения, главным образом собственностью на одно из основных средств производства — скот⁹. Думается, правы те исследователи, которые связывают формирование и развитие малой индивидуальной семьи с процессом развития и эволюции собственно кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности¹⁰. Однако в сложных природно-климатических условиях аридной зоны данная ячейка общества не могла обеспечить в достаточной мере необходимого продукта трудящимся индивидам и воспроизводства средств производства. Поэтому главной экономической ячейкой общества, низшим производственным организмом являлась община, объединение трудящихся индивидов на производственной основе¹¹. Иначе говоря, малые индивидуальные семьи не могли самостоятельно обеспечить процесс производства в полном объеме вне пределов общины.

Основной экономической структурой кочевого общества являлась территориально-общинная структура, которая отличается многочисленностью и рядом специфических особенностей. Как отмечал еще М. М. Ковалевский, община была основным кирпичиком, первичной «клеточкой» докапиталистического общества¹². К. Маркс указывал, что производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому, он связан с общиной в различных ее формах¹³. По-

пытаемся дать анализ общинной структуры данного социума в синхронном срезе на XVIII—XIX вв.

Кочевая община — это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой кооперации. В основе жизнедеятельности и нормального существования общины находился главным образом фактор обеспечения совместными усилиями трудящихся индивидов процесса производства¹⁴. Община преимущественно характеризуется общностью трудовых усилий непосредственных производителей, коллективной организацией процесса производства¹⁵. Это положение достаточно определенно доказывается тем, что именно в масштабе общины осуществлялось воспроизводство средств производства, в частности практически все элементы процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства: выпас скота, использование кормовых и водных ресурсов среды обитания, организация не только скотоводческого хозяйства, но и поземельных отношений, изготовление предметов материальной культуры и т. п.¹⁶

Однако было бы неверным постулировать универсальность кочевой общинной структуры, поскольку организация ее была в значительной мере опосредствована сезонным циклом процесса производства, его особенностями в различные периоды года. Поэтому в плане синхронной типологии следует, нам кажется, выделить по меньшей мере два типа общинной структуры, или подтипа общины, существование которых было обусловлено взаимодействием и попеременным преобладанием в различные периоды года тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояний. В данном случае община выступает как сбалансированный в социально-экономических и естественно-природных процессах организм, гибко взаимодействующий и при необходимости быстро трансформирующийся. В случае преобладания первой из указанных тенденций, в основном в зимний и ранневесенний периоды, получает свое развитие первый тип общины, который в соответствии с принципом рассеяния можно обозначить как минимальную общину. В случае преобладания последней из них имеет место второй тип общины, для обозначения которого может быть использовано понятие концентрированной, или рас-

ширенной, общины. Рассмотрим более подробно каждый из этих типов ¹⁷.

Минимальная община характеризуется прежде всего объединением трудовых усилий по организации выпаса скота в целях его наиболее рационального обеспечения *кормовыми ресурсами*. Она получает свое максимальное развитие в зимний и ранневесенний периоды года, когда скудные природные ресурсы среды обитания препятствовали интенсивному кочеванию, концентрации культивируемых животных, а следовательно, и трудящихся индивидов в более крупные трудовые коллективы и обуславливали в целом стационарное состояние номадов ¹⁸. Размер общины в этот период года в наибольшей степени зависел от емкости кормовых ресурсов пастбищных угодий вокруг зимнего стойбища кстау, от возможности нормального воспроизводства средств производства и прежде всего определялся количеством скота, способным прокормиться на данной территории. Община в данном случае функционирует как общественно-экономический институт, регулирующий использование кормовых ресурсов среды обитания и являющийся одновременно гарантом обеспечения их восстановительных способностей для последующего употребления. Минимальная община фактически осуществляет функции собственника земли и является единицей землевладения и землепользования одновременно. Совершенно очевидно, что при этом земля является не просто условием производства, но и главным средством производства.

Вместе с тем данный тип общинной структуры характеризуется обеспечением и организацией целого ряда других элементов процесса производства, в частности сбора топлива ¹⁹, очистки поверхности пастбища от снежного покрова ²⁰, устройства ночлега для скота ²¹, сбережения слабого и больного скота, неспособного к самостоятельной тебеневке ²², обеспечения функции рекреации и т. п.

Минимальная община получала свое развитие и в позднеосенний период, когда номады, ожидая установления устойчивого снежного покрова, находились в дисперсном состоянии и нередко стационарно располагались на своих кузеу ²³. В этом случае главным условием органи-

зации процесса производства выступала необходимость обеспечения скота кормами.

Вследствие этого минимальные общины характеризуются рядом особенностей в плане социальных отношений, главным образом так называемой общинной собственностью на землю, в частности на территорию вокруг кстау²⁴, позднеосеннего кузеу²⁵ и ранневесеннего пастбища²⁶. Фактически общинная собственность распространяется на кормовые и топливные ресурсы среды обитания. Средневековые источники свидетельствуют: «Так как была зима, каждый человек находился на своих зимовках, где имелся корм для скота»²⁷. «Всякое отделение, — сообщают источники начала XIX в., — для зимних кочевьев имеют определенные места... и владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может»²⁸. Бурнашев и Поспелов пишут, что казахи зимой «возвращаются на непременные свои места»²⁹. «На зимовки киргизы приходят ежегодно, — сообщает М. Чорманов, — в самую глубокую осень, и весьма дорожат ими [как] наследственной собственностью»³⁰. О наличии общинной собственности на пастбищные угодья вокруг кстау свидетельствует и обычное право казахов³¹, а также археологические исследования³².

Размер минимальных общин, определяемый прежде всего кормовыми ресурсами среды обитания, находился в определенной связи с природно-климатическими условиями среды обитания и в прямой зависимости от степени имущественной обеспеченности трудящихся индивидов. Величина общины данного типа определялась главным образом условиями выпаса овец в течение всей зимы вокруг стационарно устроенного кстау, поскольку овец пасли равномерно-радиальными полосами на расстоянии 2—3 верст, которые они могли пройти в короткий зимний день в оба конца³³. Следовательно, аул большой величины с большим стадом овец не мог иметь места. Оптимальная величина отары овец зимой не должна была превышать 400—600 голов³⁴. «Предел, до которого киргиз-скотовод может увеличивать свое овечье стадо, — сообщают источники, — ограничен сравнительно незначительную площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки»³⁵. Отсюда и соответствующие размеры

общины, величина которой могла колебаться от 1 до 15 и более хозяйств³⁶. Интересны данные, свидетельствующие, что общины, имеющие зимовки в лесистой местности, состояли из 5—10 хозяйств, а общины, располагавшиеся в районах с отсутствием отрицательных форм рельефа, — из 11—24 хозяйств³⁷. Но, пожалуй, наибольшее влияние на размер общины оказывал фактор обеспеченности скотом. В Петропавловском уезде, например, самые мелкие аулы, состоявшие из одного хозяйства, были наиболее обеспеченными скотом (55,6 единицы скота в переводе на крупный рогатый скот), в то время как в самых крупных аулах на одно хозяйство приходилось 13,8 единицы скота. Иначе говоря, возрастание величины аула связано с увеличением числа малоимущих хозяйств и, наоборот, уменьшение величины аула обусловливается процессом обогащения³⁸. На этой основе, собственно говоря, происходила и сегментация общины, которая по своей социально-экономической природе была объективно подвержена процессу стабильного распада по мере естественного прироста членов общины и увеличения количества скота. Внутри общины достаточно определенно фиксируется источник сегментации — частная собственность на скот. Известно, например, что в случае женитьбы одного из сыновей ему немедленно выделяется причитающаяся часть имущества (енші) либо в случае смерти индивида, владеющего скотом, происходит немедленный раздел имущества между его наследниками³⁹. Наряду с этим минимальные общины характеризуются разделением труда в выпасе скота. Это имело место тогда, когда общины передавали друг другу на выпас различные в морфологическом отношении виды скота⁴⁰.

Частная собственность на скот детерминировала неравенство в сфере социальных отношений между различными индивидами, группами, корпорациями и классами во внутриобщинной структуре. Достаточно определенно прослеживаются различные формы зависимости непосредственных производителей, в основном связанные с системой последовательно-совместного выпаса скота, зимнего содержания лошадей и т. п. Отсюда господство корпорации лиц, более других обеспеченных скотом, над массой трудящихся индивидов, а следовательно, и над общиной.

Общинная собственность на землю представляла собой совокупность собственности всех трудящихся индивидов данной общины, поэтому члены минимальной общины имели постоянные права на выпас скота на пастбищах, принадлежавших каждой конкретной общине. Община могла отчуждать данное право собственности, но, как правило, лишь за некоторое материальное вознаграждение⁴¹. Вместе с тем каждый конкретный индивид не мог самостоятельно распорядиться своей собственностью на общинные земли, в частности, никто из членов общины не мог взять в саун на выпас скот без разрешения данной общины, как, впрочем, не мог взять к себе зятя, имеющего скот. Члены общины не могли и продать без согласия общины свое право на пастбищные угодья⁴².

Таким образом, минимальная община характеризуется общинной собственностью на землю как совокупностью собственности всех членов общины, ограниченных в распоряжении данной собственностью. Очевидно, в условиях кочевой экономики невозможно было распространить частную собственность на землю отдельных индивидов, так как при дроблении земельных участков нарушался бы весь кочевой круглогодичный цикл, основанный на использовании посезонной продуктивности и зональности пастбищных угодий на огромных пространствах аридной зоны умеренного пояса, которые объективно требовали их использования в масштабах, пропорциональных этой огромной территории⁴³. Помимо этого общинное землевладение и землепользование обуславливалось необходимостью трудовой кооперации трудящихся индивидов, членов общины. В этих условиях замена общинной собственности частной могла иметь место лишь в очень крупных индивидуальных хозяйствах, что, впрочем, и было⁴⁴, но их существование и нормальное функционирование в кочевой среде было ограничено необходимостью привлечения извне тяглого населения, что ставит под сомнение возможность относительно стабильного формирования слоя крупных индивидуальных собственников в сложных природно-климатических условиях среды обитания при специфичной системе материального производства и господстве тенденции дисперсного состояния. Существование крупного индивидуального

хозяйства не было также в достаточной мере гарантировано внеэкономическими факторами. Видимо, в кочевой среде подобные вспышки становления частной собственности на землю могли носить спонтанный характер, но в силу особенностей кочевой экономики и специфики производственных отношений они были спорадическими пустоцветами и не получали всеобщего развития, поскольку процессы накопления объективно были подвержены срыву где-то на высшем пределе.

Таким образом, община в кочевой среде — это функция специфических материальных условий труда и жизни основной массы непосредственных производителей. Она характеризуется частной собственностью трудящихся индивидов на скот и общинной собственностью на землю. Другими словами, минимальная община являлась не только функционально интегрированным организмом, но и единицей землевладения и землепользования, общественно-экономическим институтом по рациональному обеспечению основы кочевого хозяйства — скота — кормовыми ресурсами. Она являлась следствием наибольшего развития тенденции дисперсного состояния кочевников в отдельные периоды посезонного цикла, когда емкость и продуктивность пастбищной растительности были наименьшими, как, впрочем, и степень интенсивности движения кочевых общинных структур.

Второй тип нашей классификации — так называемая расширенная, или концентрированная, община, получает свое развитие в период наибольшего преобладания тенденции относительно концентрированного состояния, т. е. в периоды наивысшей продуктивности растительного покрова и наибольшей емкости пастбищных ресурсов, в основном в теплое время года с момента начала вегетации естественного травостоя и вплоть до его усыхания и увядания осенью. В это время кочевники концентрировались в значительно более крупные объединения, что, правда, компенсировалось интенсификацией системы кочевания, в частности кратковременными остановками и частыми перекочевками на весьма значительные расстояния⁴⁵. В этом случае качество и количество кормовых ресурсов, степень обеспеченности ими скота в целом отступали на второй план, тем более что недостаточная емкость пастбищных угодий восполнялась частотой перекочевков,

интенсификацией системы кочевания. Отпадала и необходимость в монополизации поземельных угодий в пределах территории, занимаемой общиной во время стоянки и в течение всего теплого периода года на всей площади летнего выпаса скота⁴⁶, тем более что в процессе кочевания, учитывая зональность и посезонную продуктивность естественного травостоя, невозможно было монополизировать в масштабах данного производственного организма огромные пространства пастбищных угодий, которые были необходимы каждой общине для нормального воспроизводства стада.

Продуктивность пастбищных угодий и возможность их использования в теплое время в аридной зоне умеренного пояса Евразии определялись не столько их кормовой емкостью, сколько обеспеченностью водными источниками. Совершенно очевидно, что использование безводных пастбищ не могло иметь места в кочевой среде при существующем уровне развития производительных сил. Степень обеспеченности пастбищных угодий естественными источниками воды была крайне незначительной, поэтому в течение всего теплого периода года, особенно в засушливое время, кочевники создавали искусственные водоемы — колодцы, копани, запруды и т. п.⁴⁷ В целом прослеживается преобладание искусственных водоемов в водном балансе кочевого скотоводческого хозяйства⁴⁸. А поскольку создание искусственных источников воды и их ежегодное восстановление требовали значительных трудовых усилий, то на этой основе происходило объединение трудящихся индивидов в расширенные общины. Иначе говоря, данный тип общины характеризуется общностью трудовых усилий и совместной производственной деятельностью по наиболее рациональному обеспечению основы кочевого хозяйства — скота — *водными источниками*, а также таких элементов процесса производства, как стрижка, доение, случка, кастрация, клеймение скота, создание предметов материальной культуры и т. д. Особенно важным и чрезвычайно трудоемким был процесс обеспечения сохранности молодняка, который требовал приложения большого числа рабочих рук, а следовательно, концентрации трудящихся индивидов. В целом комплекс общих трудовых усилий в общине охватывал такие виды деятельности,

которые были абсолютно необходимы для функционирования скотоводческого хозяйства номадов и имели целью обеспечение процесса производства в полном объеме.

Вследствие того что главной функцией расширенной общины было обеспечение скота водой, данный тип общины распространял функции собственника на искусственные источники воды⁴⁹. Общинная собственность на искусственные водоемы закреплялась необходимостью ежегодных и сезонных работ по обеспечению их функционирования и поддержания в нормальном состоянии. На использование естественных источников воды распространялось право первозахвата. Однако периодическое усыхание и сильная минерализация естественных водоемов обуславливали преобладание регулированных отношений в смысле использования водных источников и в целом незначительную роль института «первозахвата», который являлся, на наш взгляд, всего лишь юридической фикцией. В плане сказанного интересно замеченное Б.-Р. Логашовой обстоятельство. Расположение колодцев, отмечает она, не всегда было известно всем членам рода⁵⁰. В засушливое время года номады, как правило, группировались вокруг строго регламентированных водоемов искусственного происхождения, и процесс кочевания строился таким образом, что представлял собой последовательное движение от одного колодца к другому⁵¹. В данном случае фактор аридности определял особенности процесса кочевания, а община выступала опосредующим звеном между средой обитания и системой материального производства.

Однако главная особенность данной общинной структуры состоит в том, что, присваивая искусственные источники воды, община одновременно присваивала функцию собственника на пастбищные угодья, расположенные вокруг данного водного источника. Именно на этой основе происходило присвоение в общинную собственность кормовых ресурсов на территории, расположенной вблизи каждого водоема⁵². Это было связано с тем, что использование пастбищ, не гарантированных соответствующими водными источниками в основном искусственного происхождения в аридной зоне степей, полупустынь и пустынь, не могло иметь места в силу

биологической природы как самого человека, так и его скота. Следовательно, концентрированная община в отличие от минимальной осуществляла функции собственника пастбищных угодий опосредствованно — через собственность на искусственные источники воды. В данном случае община выступает не только как общественно-экономический институт, регулирующий систему водопользования и обуславливающий процесс производства в сфере скотоводческого хозяйства, но и как единица землевладения и землепользования. Интересно отметить, что к аулу, стоящему на своем водопое, несмотря на отсутствие ясно выраженных границ, нельзя было подгонять свой скот ближе чем на 2 версты, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию»⁵³. Поэтому представляются вполне закономерными сообщения источников о наличии «своих земель» на джайляу. «Всякое отделение... имеет определенные места... частью и для летних [кочевьев], и владеет оными, как собственностью каждого, никто из посторонних, кроме собственного хозяина, уже пользоваться ими не может»⁵⁴. «По образу своей кочевой жизни киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами, останавливаясь чрез неделю, или покуда удобность есть для корму скота около речек, озер и колодец всей волостью вообще»⁵⁵. «Каждый аул должен иметь... особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ»⁵⁶. Сказанное в достаточной мере подтверждается и «Материалами по киргизскому землепользованию»⁵⁷.

В социальном плане расширенная община в своих основных параметрах сближалась с минимальной общиной, поскольку характер и смысл внутриобщинных отношений опосредовались частной собственностью на скот, что создавало неравнозначное положение членов общины внутри данной общины. Степень обеспеченности скотом определяла отношение к поземельным угодьям, формы различной зависимости трудящихся индивидов от субъектов собственности и т. п. Расширенная община, таким образом, характеризуется сосуществованием частной собственности на скот конкретных индивидов — членов общины, общей собственности на искусственные источники воды и опосредствованной общинной собственности

на кормовые ресурсы пастбищных угодий, расположенных вокруг данного водоема.

Расширенная община, будучи следствием наибольшего развития тенденции относительно концентрированного состояния, в своих размерах не была столь жестко ограничена, как минимальная община, размеры которой обуславливались емкостью кормовых ресурсов пастбищных угодий, способных обеспечить строго нормированное число скота. Поэтому расширенная община могла достигать значительных размеров, иногда даже до нескольких сотен хозяйств, но в основном ее величина, определяемая водными ресурсами среды обитания, составляла объединение 2—3, иногда и больше, минимальных общин. Летом, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», аулы группируются совсем иначе, чем зимой. Обычно несколько аулов объединяются в группу, и каждый «летний аул» имеет особый колодец⁵⁸.

В заключение уточним наше понимание общинной собственности в масштабах расширенной общины. Данная общинная структура присваивала поземельные угодья вокруг искусственного источника воды не только из-за их обеспеченности водой, но и в силу зональности растительного покрова. Иначе говоря, не все пастбища, используемые для выпаса скота, автоматически присваивались расширенной общиной, как, например, пастбища на солонцах, где растительность была лишь приправой к основному корму⁵⁹. Таким образом, даже развитие общинной собственности на землю в кочевой среде существенно ограничивалось скудными ресурсами среды обитания и могло иметь место лишь в случае обеспеченности пастбищ водой в теплое время года и обеспеченности кормами в холодное время. Общинная собственность на землю могла не распространяться на те пастбища, которые использовались лишь в отдельные периоды для выпаса скота, что было обусловлено особенностями биологии культивируемых животных.

Преобладание в целом тенденции дисперсного состояния обуславливало неразвитость территориального разделения труда, форм обмена и контактов. В значительной степени этому способствовали сходные природно-климатические условия среды обитания, однотипная экономика и, пожалуй, самое главное — то, что община,

будучи объединением на основе общности экономических интересов и трудовой кооперации, была замкнутой, самостоятельно воспроизводящей себя ячейкой общества, обеспечивающей воспроизводство средств производства. Вследствие этого община носила натурально-потребительский характер и была полностью самообеспечивающейся единицей. Господство натурального хозяйства в пределах общины определяло отсутствие сколько-нибудь значительного разделения труда на межобщинном уровне, ибо в условиях дисперсного состояния номадов, рассеянных на огромных пространствах аридной зоны, социально-экономическая природа общины не могла быть иной. Тем более что стационарное состояние в зимний и недостаточная обеспеченность источниками воды в теплый периоды года в весьма значительной степени препятствовали процессу разделения труда и ограничивали контакты и трудовую кооперацию на межобщинном уровне. Сказанное несколько не противоречит тому, что социальная природа общины могла быть многофункциональной⁶⁰. Мы же проследили лишь основную детерминирующую функцию общины.

Общность экономических и неэкономических интересов порождала сложную иерархическую структуру кочевых обществ, которые предстают как функционально интегрированный и многочленный организм, в котором следует выделить такую социальную структуру, как территориальная общность — общность иного, более высокого в иерархическом отношении порядка, нежели община. Данную общность в дореволюционной, а отчасти, и в советской литературе именовали «родом», а в современной историографии по отношению к ней нередко употребляются понятия «патронимия» или «клан»⁶¹. Думается, что для данной структуры более приемлемым было бы понятие «территориальная социогруппа» или «ассоциативная общность» в противоположность общинам как производственным организациям общества, нежели «патронимия», «клан», которые не в полной мере отражают процессы социальной интеграции и несут на себе печать биосоциальной структуры. И уж совсем неприемлемым представляется понятие «род», которое относится к совершенно иной в формационном плане социальной структуре общества, тогда как ассоциативная

общность, хотя и могла совпадать с собственно патронимической или клановой организацией, в целом характеризуется не общностью происхождения и кровнородственными связями, а прежде всего общностью экономических интересов в сфере скотоводческого хозяйства, организацией отношений, связанных с системой землепользования. Так, казахам-кочевникам была свойственна территориальная общность группы расширенных общин по организации и регулированию межобщинных отношений. Иначе говоря, функцией территориальной общности является регламентация экономических, а порой и неэкономических отношений целой группы расширенных общин, обусловленных общностью пастбищных угодий и совместным выпасом скота в теплое время года. В этом случае данная структура фактически опосредствовала процесс производства и кочевания в масштабе нескольких общин, а также систему землепользования и землеуладения.

В функциональном смысле территориальная общность как элемент структуры регулировала систему землепользования прежде всего в теплое время года, когда тенденция относительно концентрированного состояния в целом была преобладающей и, следовательно, последняя в решающей степени опосредствовала данную структуру. Источники свидетельствуют, что летние пастбища — джайлау и сезонные угодья — коктеу и кузеу были общей собственностью «целого рода», а по нашей терминологии — ассоциативной общности⁶². «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок... род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель»⁶³. «Родственные узы, сплачивая многолюдные роды в одно целое, дают им средства охраняться общими силами против грабежей и отгонов скота со стороны соседей. С другой стороны, необходимость не группироваться на одном месте, чтобы не вытравливать корм для скота, заставляет кочующие аулы одного и того же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стада. Таким образом, киргизский род, начавший кочевать, двигается по степи широкою линией, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилию подножного корма»⁶⁴. Иначе говоря, данная структура — не

просто форма территориальной общности низших производственных организмов общества общин, а общественно-экономический институт по совместному владению пастбищными угодьями в теплое время года. В этом случае ассоциативная общность являлась весьма своеобразной единицей землевладения и землепользования. На данном уровне преобладают территориально опосредствованные отношения, обусловленные необходимостью организации системы выпаса и кочевания на весенне-летне-осенних пастбищах. Данная структура в зимний период играла известную роль в территориальной организации процесса производства и обуславливала своеобразное разделение труда между различными минимальными общинами ⁶⁵.

По-видимому, могли существовать территориальные общности по меньшей мере двух порядков: в отдельные сезоны года — так называемые посезонные территориальные общности и в течение всего года, всего кочевого цикла — годовые или максимальные территориальные общности. Думается, что именно в масштабах данной структуры осуществлялась широко отмечаемая в источниках регламентация системы кочевания и известная как право хана, вождя, старейшины регулировать выпас скота или давать сигнал к началу процесса кочевания ⁶⁶. «Казахи, — свидетельствуют позднесредневековые источники, — по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки» ⁶⁷. В данном случае правомерно заключение, что территориальная общность обладала регулятивными функциями и являлась фактическим собственником земельных угодий, в пределах которых находились составляющие ее части. В отличие от общин, которые распространяли функции собственника на пастбища, обеспеченные кормовыми и водными ресурсами в определенные периоды года, данная социальная структура присваивала все земли независимо от их продуктивности, но присваивала опосредствованно, через функции органа, регулирующего систему землепользования. И если связь общины с землей носила непосредственный характер и была в целом избирательной, то ассоциативная общность как отдельный общественно-экономический институт не имела непосредственной связи с землей как со средством

производства и осуществляла лишь регламентирующую функцию на межобщинном уровне. По своей форме данная социальная структура могла быть патронимической и нести в той или иной мере кровнородственную нагрузку, но ее объективное существование вне биосоциальной структуры — несомненный факт. Отсюда территориальная социогруппа или ассоциативная общность как внеэкономический институт для организации и регулирования территориально опосредствованных отношений различных общин.

Наряду с этим существовали общности по преимуществу неэкономического порядка при различной степени опосредствованности экономическими и социальными факторами. В этом смысле, видимо, следует типологически выделить социальные, военные и политические общности, наличие которых достаточно хорошо фундируется данными многочисленных, в основном средневековых, источников. Известно, например, что в среде кочевников имели место попытки унификации системы общин и территориальных общностей в виде военно-ленной, обычно ступенчатой, организации⁶⁸. Этот процесс был связан не только и даже не столько с авторитарными устремлениями отдельных представителей господствующего класса, сколько со всеобщностью экономических интересов, которые по мере движения вверх по иерархической пирамиде социальной структуры трансформируются во всеобщность неэкономических интересов, что в значительной степени затушевывало истинный смысл всех процессов внутри и нередко вне кочевой среды. В целом же следует отметить, что изученность данной структуры весьма далека от удовлетворительного состояния⁶⁹.

Организация и существование подобных крупных объединений политического, военного и социального происхождения находились в известном противоречии с основными экономическими принципами ведения скотоводческого хозяйства, и в особенности с требованием рассеянного состояния трудящихся индивидов. Иначе говоря, в наличии противоречие диалектического порядка между экономическими принципами существования кочевников и динамикой общественного развития, обуславливавшей концентрацию значительного числа кочевников для защиты своих интересов посредством органи-

зации обороны или, наоборот, территориальной экспансии, либо организации эксплуатации одной социогруппы другой. Таким образом, в самой природе кочевого общества лежала объективная предпосылка к извечному антагонизму указанных тенденций. Но в целом для кочевников абсолютно преобладающей была тенденция рассеянного состояния, которая определяла аморфность, лабильность организационных структур и размытость граней на высшем уровне. Вместе с тем для данных структур, как и для структур более низкого порядка, характерна патронимическая форма, но в отличие от общин, как правило, мифического происхождения. В этой связи небезынтересно привести данные Я. Гавердовского, относящиеся к началу XIX в.: «Кровные союзы почитались доселе неразрывными. Ни дальнейшее родство, ни раздробительность поколений, ни внутреннее несогласие — ничто не ниспровергало сего священного чувствования для дел общественных и для противосовокупления неприятельским партиям. Все аулы стремились принять участие соединенно с коренным своим поколением и чрез то роды удерживались между собою как бы в равновесии. Но ныне, к сожалению, сии братские согласия не всегда бывают постоянны. Хотя редко, но случаются примеры, что даже дети, увидев на противной стороне личные свои выгоды, не дорожат родительским благосостоянием.

А от сего и произошло, что связи народные и общественные основаны у киргизцев единственно на личной безопасности. Сии причины, соединив несколько семей, составили а ул, или улус, руководствуемый старейшим или почтеннейшим середины орды их и несколько таковых улусов, сближенных родством и управляемых особым бием, составляют удел (тюбя), несколько уделов составляют отделение (аймак), которые имеют иногда взаимные вражды и многих начальников — отделения сии составляют уже род (руу), а иногда роды и отделения, соединяясь смешенно, составляют как бы особые части орды»⁷⁰. Данная Я. Гавердовским характеристика социальной организации кочевого общества казахов, несмотря на своеобразие, в известной мере подтверждает нашу классификацию и подтверждает ее в главном — что высшие структуры объединялись прежде всего на неэкономической основе.

Таким образом, номадам была присуща иерархическая система общностей, которая трансформируется от низших производственных организмов — общин, характеризующихся общностью хозяйственных интересов, до ассоциативных общностей, функцией которых было обеспечение и регламентация территориальных отношений. На высшем уровне социальной иерархии находились объединения, основанные на общности социальных, политических и военных отношений. Низшие структуры, основанные на принципах трудовой кооперации, характеризуются наибольшей прочностью общественных связей и являются всецело воспроизводящими себя социальными организмами. По мере движения вверх по иерархии данного структурного объединения происходило нарастание неэкономических факторов в его формировании и соответственно этому ослабление общественных связей. Вследствие этого высшие структуры были наименее устойчивы и нередко носили аморфный и незавершенный характер. И если все элементы социальной структуры были подвержены процессу сегментации⁷¹, то темпы его возрастали прямо пропорционально по вертикали снизу вверх. Эти особенности социальной организации обуславливали весьма специфичные отношения между индивидами, различные формы зависимости и присвоения прибавочного продукта. Вместе с тем вся данная структура была облечена в генеалогическую форму, вполне реальную на низшем и идеальную, мифическую на высшем уровне. Функциональная природа социальной организации порождалась прежде всего диалектически противоречивым процессом взаимодействия тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояний номадов. Первая из них преобладала на уровне низших структур, а вторая — на уровне высших. Следствием этого были общая размытость граней между различными уровнями структуры, многозначность их содержания.

2. Собственность на средства производства

Собственность как социально-экономический институт, содержание которого определяется взаимоотношениями различных индивидов, корпораций и классов в процессе производства через посредство их отношения к

средствам производства и обусловленное им присвоение продуктов производства⁷², обладала в кочевой среде рядом особенностей. Данная проблема имеет три важнейших аспекта: отношение к средствам производства, отношения между различными индивидами и классами в процессе производства, отношения распределения произведенного продукта, в частности присвоения прибавочного продукта посредством внеэкономического принуждения⁷³. Интересна трактовка данной проблемы Б. Ф. Поршневым, который полагает, что «в ряде... конкретных экономических условий феодальную земельную собственность или собственность на работников производства можно, так сказать, нащупать только через факт наличия ренты и ее особенности»⁷⁴.

В сфере кочевого скотоводческого хозяйства в отношении собственности вовлекалась наиболее легко отчуждаемая форма произведенного продукта — скот⁷⁵. Поэтому в основе имущественного неравенства кочевого общества прежде всего находилась собственность на скот, которая в значительной степени обуславливала и социальную структуру. «Главнейшее благосостояние сего народа, — отмечал еще Я. Гавердовский, — зависит единственно от количества скота. Оно разделяет круг их общества на богатых, посредственных и бедных»⁷⁶. Большая масса скотоводческой продукции обуславливала целый ряд особенностей в процессе производства. Так, значительное число скота вызывало развитие тенденции относительно концентрированного состояния и необходимость привлечения извне рабочей силы, что в свою очередь способствовало дальнейшему развитию указанной тенденции. Вследствие этого появляется настоятельная потребность в интенсификации системы кочевания, в увеличении ее продолжительности. В результате удлиняется кочевой путь, сокращаются остановки и возрастает число перекочевков. Бедные, свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», за лето кочуют 2—3 раза, а богатые гораздо больше⁷⁷. «Правда, богатому киргизу, безусловно, необходимо кочевать и кочевать подальше»⁷⁸. У богатых наблюдается более растянутый цикл летнего кочевания⁷⁹, большая протяженность кочевых маршрутов и частая смена пастбищных угодий⁸⁰. Видимо, следует дифференцированно

рассматривать социальные структуры и конкретных индивидов, субъектов собственности, поскольку развитие указанной тенденции свойственно как тем, так и другим. Весьма интересным в этом плане представляется следующий пример. «Едва ли где-либо в других местах киргизской степи амплитуда кочеваний достигает такого громадного размаха, как в этом уезде (Атбасарском. — Н. М.). Самые богатые и наиболее сохранившие пастушеское хозяйство номады — киргизы шести баганалинских волостей, имеющие свои зимовые стойбища на р. Чу, по ту сторону Голодной степи, ежегодно совершают перекочевки с крайнего юга на крайний север уезда, переходя около двух тысяч верст в том и другом направлении»⁸¹. В результате действия указанных факторов прослеживается различная география процесса кочевания⁸².

Вследствие развития тенденции относительно концентрированного состояния совершенно объективно происходит изменение и постепенная трансформация видовой структуры стада прежде всего за счет уменьшения удельного веса менее подвижных видов животных и увеличения доли более подвижных видов, по преимуществу конского поголовья, в хозяйствах более состоятельных субъектов собственности⁸³. Показательны данные обеспеченности лошадьми в Петропавловском уезде. В группе хозяйств, имеющих более 100 лошадей, удельный вес конского поголовья в общей структуре стада составлял свыше 55%, в хозяйствах, имеющих более 50 лошадей, их доля уменьшается до 42,2%, в группе хозяйств, имеющих более 25 лошадей, — до 36—38%, в хозяйствах, где более 10 лошадей, — до 29—32% и т. д.⁸⁴ Иначе говоря, доля лошадей в составе стада уменьшается прямо пропорционально степени уменьшения общей обеспеченности скотом. И наоборот, чем выше норма обеспеченности скотом, тем меньше доля крупного рогатого скота в структуре стада⁸⁵. Так, в безлошадных хозяйствах его доля составляет 66,5%, в группе хозяйств, имеющих: от 1 до 3 лошадей — 40—57%, от 4 до 10 — 23—31%, от 11 до 25 — 19—21%, от 26 до 50 — 17—18%, 51 и более лошадей — 12—16%⁸⁶. По степени обеспеченности мелким рогатым скотом (овцами и козами) прослеживается несколько иной характер трансформации структуры стада. В груп-

пе хозяйств, имеющих до 15 лошадей, наблюдается заметный рост доли овец в зависимости от степени общей обеспеченности скотом, но в наиболее состоятельных группах отмечается уменьшение удельного веса мелкого рогатого скота в видовой структуре стада. Если, например, в хозяйствах, имеющих более 25 лошадей, доля последнего составляет 44,6%, то в хозяйствах, имеющих более 50 лошадей, доля овец и коз уменьшается до 41,1%, а в хозяйствах, имеющих более 100 лошадей, — до 30,8%⁸⁷. Иначе говоря, существует определенный предел, за порогом которого насыщение стада мелким рогатым скотом становится невозможным. Думается, что это было обусловлено тем, что овцы не могли быстро передвигаться, а их выпас был возможен лишь на небольшой площади, не превышавшей 3—5 тыс. га вокруг водного источника⁸⁸. При господстве тенденции относительно концентрированного состояния и необходимости быстрого движения высокий удельный вес овец в стаде не обеспечивал нужной скорости кочевания, его интенсивности. Поэтому правомерно заключение, что уменьшение доли овец в структуре стада является свидетельством развития указанной тенденции и необходимости интенсификации системы выпаса и скорости кочевания.

В зависимости от степени обеспеченности скотом происходит изменение и внутривидовой структуры стада. В отношении конского поголовья прослеживается следующее. Для группы хозяйств, имеющих до 5 лошадей, характерно увеличение числа жеребцов по мере роста имущественного благосостояния, как и увеличение числа дойных кобылиц, и резкое уменьшение числа меринов во внутривидовой структуре стада⁸⁹. Для группы хозяйств, где более 5 лошадей, изменения в видовой структуре стада крайне незначительны и не зависят от степени обеспеченности скотом. Пожалуй, единственная улавливаемая зависимость касается доли жеребцов-производителей в стаде: по мере роста благосостояния их число незначительно уменьшается⁹⁰. Для стада овец указанные особенности выражены в несколько иной форме. По мере роста благосостояния происходит уменьшение удельного веса в стаде дойных овец, баранов-производителей и одновременный рост числа валухов⁹¹. В отношении крупного рогатого скота, наоборот, с ростом имущественного

состояния наблюдается увеличение числа и доли быков-производителей, удельного веса волов и наряду с этим весьма значительное уменьшение числа дойных коров⁹². В целом же для овец и крупного рогатого скота характерно уменьшение числа и доли дойного скота, что, видимо, в определенной мере было обусловлено практикой сдачи скота, в основном дойного, на выпас в бедняцкие хозяйства. Указанные особенности в трансформации видовой и внутривидовой структуры стада в зависимости от степени обеспеченности скотом также определяли характер взаимоотношений между различными индивидами, социальными группами и классами.

Другие отличительные черты системы материального производства в более обеспеченных хозяйствах по сравнению с менее состоятельными сводились в конце концов к получению большей массы прибавочного продукта в первой группировке хозяйств по сравнению с последней. Это дает основание дифференцировать хозяйства nomads по степени обеспеченности скотом⁹³. Интересные в этом смысле данные содержатся в «Материалах по киргизскому землепользованию». В частности, можно указать на достаточно репрезентативную группировку хозяйств по обеспеченности конским поголовьем в Петропавловском уезде⁹⁴.

I. Группа хозяйств, имеющих до 3 лошадей, составляет 45,1% всех хозяйств уезда. Владеет 15,8% всего скота в переводе на конскую единицу. Имеет 3,86 головы скота на 1 хозяйство. Выделяют батраков 72,66% хозяйств. Джатаков, т. е. выпавших из процесса кочевания, — 12%.

II. Группа хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей, составляет 37,4% всех хозяйств уезда. Владеет 31,4% всего скота в уезде. Имеет 12,7 головы скота на 1 хозяйство. Выделяют батраков 37,1% хозяйств. Джатаков — 1,4%.

III. Группа хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, составляет 12,7% всех хозяйств. Владеет 35,8% всего скота в уезде. Имеет 28,2 головы скота на 1 хозяйство. Выделяют батраков 12,2% хозяйств. Джатаков — 0,85%.

IV. Группа хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, составляет 3,1% всех хозяйств. Владеет 11,8% всего скота в уезде. Имеет 55,8 головы скота на 1 хозяйство. Выделяют батраков 2,1% хозяйств. Джатаков нет.

V. Группа хозяйств, имеющих более 50 лошадей, составляет 1,7% всех хозяйств. Владеет 16,7% всего скота в уезде. Имеет 162,5 головы скота на 1 хозяйство. Батраков и джатаков нет.

Аналогичные данные можно привести по Актюбинскому уезду, но с добавлением хозяйств, берущих скот на выпас⁹⁵.

I. Группа хозяйств, имеющих до 3 лошадей, составляет 68,6% всех хозяйств уезда. Владеет 34,8% всего скота в пересчете на лошадь. Имеет 9,2 головы скота на 1 хозяйство. На выпас в саун скот берут 3,2% хозяйств. Выделяют батраков 26,9% хозяйств. Пользуются наемным трудом 30,6% хозяйств. Занимаются промыслами 39% хозяйств.

II. Группа хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей, составляет 17,4% всех хозяйств уезда. Владеет 20,2% всего поголовья скота. Имеет 21,1 головы скота на 1 хозяйство. В саун берут скот 0,5% хозяйств. Выделяют батраков 4,2% хозяйств. Пользуются наемным трудом 55% хозяйств. Занимаются промыслами 20,6% хозяйств.

III. Группа хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, составляет 9,8% всех хозяйств уезда. Владеет 21,8% всего поголовья скота. Имеет 40,2 головы скота на 1 хозяйство. В саун берут скот 0,1% хозяйств. Выделяют батраков 0,7% хозяйств. Пользуются наемным трудом 78,5% хозяйств. Занимаются промыслами 16,4% хозяйств.

IV. Группа хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, составляет 2,8% всех хозяйств. Владеет 11,3% всего поголовья скота. Имеет 72,2 головы скота на 1 хозяйство. В саун скот не берет. Пользуются наемным трудом 94,6% хозяйств. Занимаются промыслами 21,5% хозяйств.

V. Группа хозяйств, имеющих более 50 лошадей, составляет 1,2% всех хозяйств. Владеет 11,7% всего поголовья скота. Имеет 173,5 головы скота на 1 хозяйство. В саун не берет, батраков, как и предыдущая группа, не выделяет. Пользуются наемным трудом 100% хозяйств. Занимаются промыслами 27% хозяйств.

Приведем данные по Зайсанскому уезду⁹⁶.

I. Группа хозяйств, имеющих до 3 лошадей, составляет 71% всех хозяйств. Владеет 32,2% всего скота в пересчете на крупный рогатый скот. Имеет 6,1 головы

скота на 1 хозяйство. На выпас в саун скот берут 12,4% хозяйств. Выделяют батраков 26,9% хозяйств. Пользуются наемным трудом 4,3% хозяйств. Занимаются промыслами 19,8% хозяйств.

II. Группа хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей, составляет 20,6% всех хозяйств. Владеет 27,7% всего скота. Имеет 18,1 головы скота на 1 хозяйство. На выпас в саун скот берут 2,3% хозяйств. Выделяют батраков 8,7% хозяйств. Пользуются наемным трудом 20,7% хозяйств. Занимаются промыслами 6,7% хозяйств.

III. Группа хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, составляет 5,5% хозяйств. Владеет 16,5% всего поголовья скота. Имеет 39,9 головы скота на 1 хозяйство. На выпас в саун скот берут 0,2% хозяйств. Выделяют батраков 3,7% хозяйств. Пользуются наемным трудом 53,2% хозяйств. Занимаются промыслами 3,5% хозяйств.

IV. Группа хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, составляет 1,7% хозяйств. Владеет 10% всего поголовья скота. Имеет 77,4 головы скота на 1 хозяйство. На выпас в саун, как и последующая группировка, скот не берет. Выделяют батраков 3,5% хозяйств. Пользуются наемным трудом 82,9% хозяйств. Занимаются промыслами 3,2% хозяйства.

V. Группа хозяйств, имеющих более 50 лошадей, составляет 0,9% хозяйств. Владеет 13,4% всего поголовья скота. Имеет 200,3 головы скота на 1 хозяйство. Выделяют батраков 4,9% хозяйств. Пользуются наемным трудом 96,8% хозяйств. Занимаются промыслами 4,3% хозяйств.

К сожалению, сведения, содержащиеся в различных томах «Материалов по киргизскому землепользованию», не унифицированы в достаточной мере, что несколько затрудняет типологизацию указанных процессов. Однако есть смысл привести аналогичные данные по другим уездам. Рассмотрим Кокчетавский уезд⁹⁷.

I. Группа хозяйств, имеющих до 5 лошадей, составляет 50,4% всех хозяйств уезда. Имеет 3,2 лошади, 5,2 головы крупного рогатого скота и 4,4 овцы на одно хозяйство. В саун сдают скот 0,09% хозяйств. Нанимают пастухов 0,7% хозяйств. Занимаются промыслами 54,4% хозяйств. Джатаков 8,1% хозяйств.

II. Группа хозяйств, имеющих от 6 до 10 лошадей, составляет 24,1% всех хозяйств уезда. Имеет 10,2 (?) лошади, 7,8 головы крупного рогатого скота и 14 овец на одно хозяйство. В саун сдают скот 0,5% хозяйств. Нанимают пастухов 7,5% хозяйств. Занимаются промыслами 33,8% хозяйств. Джатаков 1,6%.

III. Группа хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, составляет 17,6% всех хозяйств. Имеет 20,6 лошадей, 11,6 головы крупного рогатого скота и 33,3 овцы на одно хозяйство. В саун сдают скот 5,7% хозяйств. Нанимают пастухов 31,3% хозяйств. Занимаются промыслами 15,6% хозяйств. Джатаков 0,5%.

IV. Группа хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, составляет 4,7% всех хозяйств уезда. Имеет 45,2 лошади, 18,4 головы крупного рогатого скота и 69,9 овец на одно хозяйство. В саун сдают скот 24,3% хозяйств. Нанимают пастухов 67,1% хозяйств. Занимаются промыслами 6% хозяйств. Джатаков 0,6%.

V. Группа хозяйств, имеющих свыше 50 лошадей, составляет 2,9% всех хозяйств уезда. Имеет 164,7 лошади, 32,8 головы рогатого скота и 143,3 овцы на одно хозяйство. В саун сдают скот 48,9% хозяйств. Нанимают пастухов 82,7% хозяйств. Занимаются промыслами 4,3% хозяйств. Джатаков нет.

На основании приведенных сведений можно провести типологизацию социальной стратификации казахского общества на уровне массы населения. Прежде всего следует выделить хозяйства, количество скота в которых, учитывая минимальный прожиточный минимум для трудящегося индивида в течение года в 5—6 овец, при наличии нескотоводческих занятий и прочих заработков не обеспечивало необходимого продукта. К данной группе относятся две первые группировки указанной поуездной классификации, которые составляли наибольшую долю хозяйств, в Омском уезде — 66,5%, в Атбасарском — 70,8, в Акмолинском — 72,3, в Кустанайском — 74, в Павлодарском — 76, в Қокчетавском — 74,5, в Қарқаралинском — 83,2, в Петропавловском — 82,5, в Ақтүбинском — 86,1, в Усть-Каменогорском — 89, в Зайсанском уезде — 91,6% хозяйств⁹⁸. Степень обеспеченности их скотом, учитывая необходимость обеспечения воспроизводства стада, была явно недостаточной для жизни тру-

дящихся индивидов⁹⁹. Вследствие этого хозяйства данной группы были вынуждены прибегать к различного рода заработкам и нескотоводческим занятиям. Отсюда и наибольший процент джатаков.

Во вторую группу следует зачислить те хозяйства, которые могли обеспечить себя необходимым продуктом, но их существование балансировало на грани неустойчивого положения и постоянной опасности обеднения. Характернейшей чертой экономического положения данной группы хозяйств было то, что они не могли обеспечить нормального воспроизводства стада, особенно в зимний период года. В данную группу следует включить третью группировку приведенной поуездной классификации, т. е. хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей. Доля хозяйств данной группы составила по уездам: в Омском — 21,5%, в Атбасарском — 19,5, в Акмолинском — 18,3, в Кустанайском — 16,7, в Павлодарском — 15,6, в Кокчетавском — 17,7, в Каркаралинском — 11,3, в Петропавловском — 12,7, в Актюбинском — 9,8, в Усть-Каменогорском — 7,9, в Зайсанском уезде — 5,5%¹⁰⁰.

Третья группа социальной стратификации в отличие от первых двух структур в полной мере обеспечивала так называемую жизнедеятельную функцию общества, т. е. необходимый продукт трудящимся индивидам и нормальное воспроизводство стада. Сюда следует отнести четвертую и пятую группировки указанной поуездной классификации. Хозяйств данной структуры было очень немного: в Омском уезде — 12%, в Атбасарском — 9,7, в Акмолинском — 9,4, в Кустанайском — 9,3, в Павлодарском — 8,4, в Кокчетавском — 7,8, в Каркаралинском — 6,5, в Петропавловском — 4,8, в Актюбинском — 4,1, в Усть-Каменогорском — 3,1, в Зайсанском уезде — 2,6%¹⁰¹. Их доля в скотоводческом хозяйстве составляла от одной четверти до одной трети всего поголовья скота, что позволяет обозначить эту группу хозяйств как класс собственников основного средства производства — скота. Если же учитывать особенности системы выпаса скота в различные сезоны года, то совершенно определенно складывается мнение, что в кочевой среде имела место монополизация скота. В пользу данного вывода свидетельствует и то, что абсолютное большинство номадов не могло самостоятельно существовать и находилось в той или

иной зависимости от субъектов собственности. Правда, можно предвидеть возражение такого рода, что кочевое общество казахов на рубеже XIX—XX вв. недостаточно репрезентативно в плане развития социальных градаций для номадов начала XIX в. Однако источники, относящиеся к этому времени, свидетельствуют о достаточно устойчивом наличии группы пауперов. Например, Ф. Назаров свидетельствует: «Близ речки Кузукуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили близ озера Маликуль проходящих киргизов, не имеющих никакого скота; все они были пешие, в разодранных рубищах и несли на себе детей... Большая часть из них для снискивания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении, которые заставляют их переходить на кочевье за собою пешими. Несчастные сии собственных детей своих, чтобы они не умерли с голода, продают проходящим караванам под видом калмыков»¹⁰². Я. Гавердовский пишет: «Киргизцы бедные с малыми семействами вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия»¹⁰³. «Байгуши столь умножились», сообщает Герман, что составляют «особливую часть киргизского народа»¹⁰⁴. Сведения о наличии пауперов подтверждают и другие источники первой половины XIX в.¹⁰⁵ Один из наиболее авторитетных авторов этого периода И. Ф. Бларамберг свидетельствует: «Есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи»¹⁰⁶. И далее: «Внутри степи, где бедных гораздо более, у кого нет скота, умирают с голода, или за оглоданные кости со всем семейством идут в услужение к богатому и против воли делаются его рабом. Богатый киргиз, имея у себя таких нахлебников-рабов, волен в их жизни и смерти, и положение несчастных в самом деле достойно сожаления»¹⁰⁷.

Вместе с тем источники XVIII — середины XIX вв. сообщают нам о процессе накопления и концентрации скота у состоятельных кочевников. Так, И. Г. Георги сообщает, что «и у самого простого, но доброго скотовода редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и от 20 до 50 коз. В Средней же особливо орде есть,

как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20 000 овец и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в Малой орде»¹⁰⁸. Доктор С. Большой свидетельствует о наличии у некоторых «киргизов» «тысяч до десяти овец и тысяч до пяти лошадей»¹⁰⁹. Аналогичного рода данные имеются и у других авторов¹¹⁰. Несмотря на некоторое преувеличение, они свидетельствуют о процессе накопления скота, а следовательно, его сосредоточении в руках немногих субъектов собственности. Весьма интересно в этом смысле указание Г. И. Спасского, что «те, которые имеют от 20 до 50 лошадей, в половину против сего быков и коров, по 100 овец и коз и несколько верблюдов, почитаются людьми посредственного состояния; однако же могут каждый с семейством своим жить безбедно»¹¹¹. Это сообщение в известной мере совпадает с характеристикой той группы хозяйств, которые были не в состоянии самостоятельно обеспечить нормальное воспроизводство стада.

Следует также отметить, что процесс безграничного накопления скота в кочевой среде не мог иметь места в силу того, что где-то на высшем пределе происходило столкновение крупного, концентрированного хозяйства с объективными возможностями среды обитания, которая в целом обуславливала господство тенденции дисперсного состояния и препятствовала сколько-нибудь значительному сосредоточению скота в аридной зоне степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса Евразии. Вследствие этого спорадически и спонтанно возникавшие процессы накопления скота в конце концов прерывались. Результатом, в известной мере подтверждающим сказанное, является то, что по мере возрастания нормы обеспеченности скотом прямо пропорционально увеличивается падеж скота. В Петропавловском уезде, например, для группы хозяйств, имеющих до 3 лошадей, от гибели скота страдают в среднем за год 7—14,5% всех хозяйств. В группе хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей, от падежа скота страдают 22,7—33,6% хозяйств, в группе хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, процент хозяйств с убылью колеблется в диапазоне 40,3—52%, а в

группе хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, — в диапазоне 59—65%, в то время как в группе хозяйств, имеющих более 50 лошадей, он достигает своего максимума и колеблется в диапазоне 78—93% всех хозяйств данной группировки¹¹². Значительный урон кочевому хозяйству наносили гололедицы, сильные бураны, обильные снегопады, атмосферные засухи, суховеи и т. п., которые также препятствовали безграничному накоплению скота. Но главным ограничителем этого процесса были скудные ресурсы среды обитания, которые строго регламентировали число скота. И поскольку процесс накопления имел объективный предел, за которым он естественно прерывался, постольку имущество концентрированного субъекта собственности сегментировалось. В значительной степени процесс сегментации обуславливался социальными процессами, ибо постоянно имел место раздел имущества или выделение части скота в саун на выпас менее обеспеченным индивидам. Иначе говоря, принцип дисперсного состояния опосредствованно — через социальные процессы — детерминировал верхний предел накопления скота, за порогом которого спонтанно в тех или иных формах происходил процесс сегментации имущества.

Таким образом, для скотоводческого хозяйства казахов характерно развитие процессов социальной дифференциации на основе собственности на скот, которая порождала ряд особенностей в системе материального производства, в частности преобладание тенденции относительно концентрированного состояния в более обеспеченных скотом хозяйствах. В результате этого трансформируется видовая и внутривидовая структура стада, происходит интенсификация системы кочевания. На этой основе формируется класс собственников скота, экономической функцией которых было накопление скота и его сосредоточение в руках немногочисленных субъектов. На другом полюсе стоит класс непосредственных производителей, хотя и имеющих скот, но не способных обеспечить необходимый продукт для собственного существования. Между этими двумя классами имелись и промежуточные социальные образования.

Собственность на скот порождала в кочевой среде собственность и на другие средства производства, в част-

ности на землю. Это было связано с тем, что в докапиталистических обществах в собственности на землю индивид, говоря словами К. Маркса, имеет объективный способ существования в качестве заранее данной предпосылки его деятельности, природного условия его производства, к которому он относится как к своему собственному неорганическому наличному бытию¹¹³. «...У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся»¹¹⁴. Пастушество, пишет К. Маркс, «всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного поселения, либо для скитания с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.»¹¹⁵. Индивид, таким образом, присваивает землю вследствие того, что она является субъективно-объективной основой его существования, предпосылкой его труда¹¹⁶. Однако поскольку индивид никогда не выступает в качестве свободного, обособленного и всегда принадлежит и существует как член исторически определенной формы коллектива, объединения трудящихся индивидов¹¹⁷, постольку его собственность выступает как собственность всего коллектива, членом которого он является¹¹⁸.

Вместе с тем собственность классового общества отличается от собственности дофеодалного общества тем, что земля является здесь уже не только предпосылкой труда, но в известной мере его результатом¹¹⁹. В кочевой среде номады использовали землю не просто в качестве данного им извне вещественно-предметного условия труда, предшествующего труду как его предпосылка, но и в качестве средства производства, без которого не могло существовать скотоводческое хозяйство. Отношение к земле как к средству производства определялось их отношением к выпасу скота, стремлением эффективно использовать имеющиеся в их распоряжении пастбищные угодья, кормовые и водные ресурсы среды обитания. Это было связано прежде всего со слабыми восстановительными способностями земли в аридной зоне умеренного пояса, когда даже незначительное превышение предельно возможного числа скота на единицу территории приводило к деградации пастбищных угодий, модификации растительного покрова и в

конечном счете к эрозии земли. Вследствие этого прослеживается динамическое равновесие в естественно-природных и социально-экономических процессах. Использование земли в кочевой среде носит целенаправленный характер и базируется в конечном счете на ее воспроизводстве, восстановлении ее кормовой производительности. Иначе говоря, земля была в известной мере результатом процесса производства, поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые рассматривают кочевое хозяйство в качестве одного из элементов биоценоза, паразитирующего лишь на присвоении естественного плодородия ¹²⁰.

Мы уже отмечали наличие различного рода форм собственности на землю в кочевой среде, в частности на уровне общинных структур и территориальной общности, которую в принципе можно обозначить как единицу межобщинного землепользования. В самом общем виде, чтобы не повторяться, хотелось бы назвать основные принципы присвоения пастбищных угодий на уровне указанных структур. В зимнее время пастбищные угодья были строго разделены и находились в общинной собственности. «Зимние кочевья, — сообщает Я. Гавердовский, — избирают заблаговременно, каждый аул имеет оные при известных урочищах и сохраняют как нечто наследственное и драгоценное» ¹²¹. В зимний период года присваивался относительно небольшой участок земли, площадь которого, как правило, не превышала 2,5—3 тыс. га ¹²². В юридическом, вернее, обычноправовом отношении общинная собственность на территорию выпаса вокруг кстау обосновывалась давностью лет использования, традициями и т. п. ¹²³ В этот период номады находились в стационарном состоянии либо процесс кочевания в силу ряда объективных факторов был сведен к минимуму и выражался в форме, скажем, перегона скота с одной стоянки на другую. Как правило, в состоянии относительного движения зимой находились лишь те группы номадов, которые располагались в песчаной местности, т. е. в местности, наименее обеспеченной кормовыми ресурсами, на бесснежных пастбищах, или очень богатые скотоводы, которые имели не одну зимнюю стоянку, а несколько в зависимости от продуктивности пастбищных угодий, количества скота и состава стада ¹²⁴.

Таким образом, для господствующего класса кочевого общества — основных субъектов собственности в ее непосредственно биологической форме — характерна тенденция не столько узурпации общинных земель, сколько присвоения небольших участков земли, необязательно общинных, под индивидуальные зимние пастбища в зависимости от конкретных потребностей данного хозяйства. Но в целом зимнему периоду свойственна наибольшая роль общинной системы землепользования при относительно небольшом значении индивидуального землепользования.

Для теплого времени года характерно присвоение не столько собственно земли, сколько водных источников с примыкающей к ним территорией для выпаса скота. Основная масса пастбищных угодий находилась в общей собственности целой территориальной общности. В целом же для системы землепользования в летнее время года на общинном уровне характерно наличие права первозахвата ¹²⁵. И в этой связи следует рассматривать систему землепользования на уровне отдельных индивидов.

В зависимости от степени обеспеченности скотом находятся скорость кочевания, видовая структура стада, а отсюда и различная география кочевания, сложный миграционный рисунок. Было бы упрощением представлять, что в теплое время года расширенная община была в состоянии неразрывного целого, поскольку во время кочевания различные элементы данной структуры, и в частности более обеспеченные скотом, могли находиться в дисперсном состоянии по отношению к массе менее обеспеченных трудящихся индивидов. Это было связано с тем, что скорость кочевания различных индивидов была неравнозначной величиной и зависела от состава стада. Вследствие этого имеющие более подвижный состав стада кочевали быстрее и в результате потребляли свежую, никем не тронутую растительность, в то время как менее обеспеченные были вынуждены идти за ними и довольствоваться тем, что осталось после более обеспеченных скотом хозяйств. Источники свидетельствуют, что при переходе на джайляу «от сего, кто прежде прибудет, тот и занимает лучшее кочевье, другие ж, опоздав, не находят уже своих выгод» ¹²⁶. Тем более что «весь порядок следования аула при перекочевке заклю-

чается в нижеследующем: впереди гонят лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество, навьюченное на верблюдах»¹²⁷. Источники прямо указывают на то, что идущие первыми во время кочевки снимают сливки с пастбищных угодий¹²⁸. Иначе говоря, качественно-видовой состав стада, определяемый имущественным положением субъекта собственности, обуславливал и регулировал скорость движения. Преимущество оставалось за теми, кто был более других обеспечен скотом, особенно конским поголовьем, они потребляли лучшие пастбища благодаря более высокой скорости движения и меньшей поэтому зависимости от водных источников, что задерживало процесс движения хозяйств с малоподвижным скотом. Известно, например, что выпас овец в летний период ограничивался радиусом удаления от источника воды в 3—5 км и охватом пастбища в 3—5 тыс. га, в то время как для лошади радиус удаления от водоема составлял 10—15 и даже 20 км и соответственно этому площадь охвата пастбища составляла 30—70 и более тыс. га¹²⁹. Именно на этой основе, очевидно, происходило присвоение пастбищных угодий в теплое время года классом субъектов собственности, которые фактически монополизировали пастбищные ресурсы в соответствии с качественно-видовым составом стада и преобладанием в его структуре более подвижных видов животных. Из этого можно заключить, что право первозахвата было всего лишь юридической фикцией, поскольку оно затемняло, вуалировало фактически существующее господство класса собственников скота, их собственность на пастбищные угодья в теплое время года. Особенно резко она проявлялась во время летних и весенних кочевок, когда значительная масса непосредственных производителей была зависима от субъектов собственности уже в самом процессе кочевания. «Материалы по киргизскому землепользованию» сообщают, что богатые уходят на джайляу первыми, а бедные идут за ними и просят вьючный скот для организации и обеспечения процесса кочевания, и кочуют вслед за более состоятельными¹³⁰. В данном случае земельная собственность есть следствие собственности на скот через посредство его качественно-видового состава. И поскольку субъект собственности фактически присваивает кормовые ресурсы, постольку он

может быть отождествлен с субъектом феодальной собственности на землю, ибо он мог фактически распоряжаться данной собственностью в силу объективно существующих преимуществ своего хозяйства по сравнению с массой непосредственных производителей, которые находились в прямой зависимости от него. Источники свидетельствуют, что бедным даже находиться на одной стоянке с более обеспеченными было невыгодно, они были вынуждены быстро кочевать и часто менять остановки по мере стравливания растительного покрова. На джайляу бедные остаются позади, а богатые кочуют обычно дальше и захватывают лучшие пастбища. Бедные рядом с ними не останавливаются и уходят от них подальше¹³¹.

Таким образом, земля, являясь одним из основных средств производства в кочевой среде, также вовлекалась в отношения фактической собственности через посредство кормовых и водных ресурсов на уровне общинных структур и через качественно-видовой состав стада на уровне межличностных отношений различных категорий, корпораций и классов в процессе производства. И если на первом уровне функции собственника осуществляет община, то на последнем — класс субъектов собственности на скот, которые фактически образуют класс опосредствованных собственников земли. В юридическом, обычноправовом отношении право собственности господствующего класса на землю фактически выражается в праве первозахвата, которое для массы непосредственных производителей превращается в юридическую фикцию.

Следует отметить, что собственно скотоводческое хозяйство определило органическое единство земли и скота как факторов материального производства, поскольку элементарное воспроизводство скота как биологического вида невозможно без известного минимума пастбищных угодий, в то время как при отсутствии скота отпадала необходимость в присвоении земли. Правда, вне сферы скотоводческого хозяйства имел место иной порядок вещей. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что на основе дифференциации собственности на скот возникали отношения эксплуатации и зависимости, которые вели к социальному

расслоению кочевого общества¹³². Однако необходимо иметь в виду и то, что в аридной зоне Евразии вовлечение земли в отношения собственности происходило на основе учета зональности и посезонной продуктивности растительного покрова, емкости кормовых ресурсов, особенностей потребления специфичной флоры в зависимости от биологии того или иного вида животных. Поэтому отношениями собственности были охвачены лишь пастбища, способные обеспечить нормальный нагул скота в теплое время года и его воспроизводство зимой. При этом отношениями собственности учитывалась степень обеспеченности пастбищных угодий источниками воды, их качество и фактор посезонной минерализации. Отсюда собственность на пастбища, сравнительно хорошо обеспеченные водными источниками. Известно, что воды с содержанием солей от 1 до 3 г/л пригодны для всех видов животных и временно для людей, а воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны только для овец и верблюдов, временно для крупного рогатого скота, но совершенно непригодны для лошадей и тем более людей¹³³. Поэтому собственность на землю носила избирательный характер и распространялась лишь на те пастбища, которые были обеспечены в достаточной мере кормами и водой в теплое время года и травостоем зимой.

В процессе производства различные индивиды, корпорации и классы вступают посредством вещей в объективно обусловленные взаимоотношения, которые в конечном счете определяют смысл и содержание всех прочих отношений в данном обществе. Собственность на основные средства производства — скот и землю, которые в кочевой среде выступают по отношению ко всему обществу в органическом единстве, породила особенности взаимоотношений различных индивидов, корпораций и классов в процессе производства. К. Маркс указывал, что «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего

общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»¹³⁴.

Собственность на основные средства производства порождала экономическую зависимость массы непосредственных производителей, которые вследствие этого выступают в процессе производства как экономически несамостоятельные субъекты. Ф. Энгельс указывал, что «даже и в таких обществах, которые движутся в классовых противоположностях, богатство, в той мере, в какой оно включает господство над людьми, является преимущественно и даже почти исключительно господством над людьми *в силу и посредством* господства над вещами»¹³⁵.

Рассмотрим конкретные формы зависимости массы непосредственных производителей от субъектов собственности в процессе производства. Собственность на скот и продукты скотоводства прежде всего порождала различные формы зависимости трудящихся индивидов, которые могут быть систематизированы и классифицированы. Можно выделить несколько подтипов данной зависимости. Во-первых, зависимость непосредственных производителей, которая была обусловлена величиной и размерами хозяйства субъекта собственности. Мы уже приводили примеры хозяйств, организованных таким образом, что они целиком базировались на эксплуатации чужого труда¹³⁶. Это было связано с тем, что выпас большого числа скота (учитывая его раздельный как в видовом, так и в качественном отношении выпас) и обработка огромной массы скотоводческой продукции требовали приложения труда значительного числа индивидов. Источники свидетельствуют, что беднейшие для своего прокормления нанимаются к богатым на работу¹³⁷. Обычно беднейшие пасли, доили, стригли и поили скот в хозяйствах богатых, ухаживали за молодняком, ночью охраняли место стоянки, вьючили верблюдов, грузили на телеги всякую утварь, собирали топливо, топили, убирали, носили воду, т. е. выполняли весь комплекс работ в данном хозяйстве¹³⁸. «Богатый киргиз, — сообщают источники, — имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джилкыши), овец (койши), коров (снирши), верблюдов (тюеши) и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди рабо-

тают неустанно целый день, и в сильный мороз и в солнечный зной... Труд же этих работников непрерывный; трудятся они весь день, а ночью дети их караулят мелкий скот и овец возле аула...»¹³⁹. «У зажиточных людей, — свидетельствует С. Броневский, — стрижение овец, вычесывание с коз пуху, разбирание шерсти и валяние войлоков делаются помочью; хозяйка приглашает всех знакомых женщин и девиц, и они, сделав что нужно, с веселием и песнями бывают угощаемы по их обычаю. — Такие звы беспрестанно случаются»¹⁴⁰. Как правило, имел место наем пастухов и прочих работников¹⁴¹. В данном случае собственность на скот обуславливала и собственность на труд непосредственных производителей. Это было связано и с тем, что большая масса прибавочного продукта являлась предпосылкой присвоения чужого труда.

Во-вторых, зависимость непосредственных производителей могла порождаться системой материального производства. Особенно значительной она была в процессе кочевания, когда менее обеспеченные были вынуждены просить у субъектов собственности средства для перекочевки. Гораздо более сложный характер носила зависимость в зимний период. Лошадей зимой пасли отдельно от прочих видов скота в общих табунах — косяках независимо от степени обеспеченности индивида скотом, поскольку совместный выпас лошадей с прочими видами животных объективно невозможен¹⁴². Объединение в косяк было доступно сравнительно небольшому числу многолошадных хозяйств, ибо «снаряжать косяк, состоящий, положим, из сотни лошадей и снабжать его двумя пастухами прямо-таки невыгодно»¹⁴³. Обычно косяк формировался наиболее обеспеченным субъектом вокруг ядра — табуна большой величины, принадлежавшего ему же¹⁴⁴. Это порождало различной формы зависимость от богатых скотовладельцев, собственников наибольшего числа лошадей в табуне. «...Присоединить своих лошадей к косяку богача, — свидетельствуют „Материалы по киргизскому землепользованию“, — можно только в виде целого косяка, состоящего из 8—15 голов; одиночные же лошади в чужом табуне плохо будут накармливаться и легко могут отбиться от табуна. Затем артели для общего зимнего выпаса лошадей могут составляться только

теми хозяевами, которые имеют десятки или сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса также недоступна, так как пришлось бы для одного кося составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.»¹⁴⁵. Стремление сдать своих лошадей в табун обеспеченного скотом хозяина было вызвано желанием сохранить поголовье лошадей, не препятствовать выпасу других видов животных и обеспечить тем самым их нормальное воспроизводство. Поэтому за присоединение своих лошадей к табуну субъекта собственности менее обеспеченные выплачивали ему соответствующую мзду¹⁴⁶. Интересна и такая деталь: в косях с ядром, принадлежавшим одному субъекту собственности, как правило, лошадей пасли наемные пастухи¹⁴⁷, в то время как в менее обеспеченных хозяйствах при выпасе конского поголовья вблизи кстау преобладала поочередная система выпаса¹⁴⁸. Наиболее обеспеченные скотом нанимали пастухов на целый год, а менее зажиточные если и нанимали, то только на зимний сезон¹⁴⁹. При выпасе других видов скота богатые также использовали наемный труд, а менее состоятельные по преимуществу пасли поочередно¹⁵⁰. Во время практиковавшейся в экстремальные периоды системы совместно-последовательного выпаса скота резко возрастала зависимость менее обеспеченных от основных субъектов собственности, поскольку появлялась насущная потребность обеспечить остальной скот естественным травостоем посредством прогона табуна лошадей, большая часть которого принадлежала последним, по снежному насту, что позволило бы другим видам скота добыть корм. И в воле субъекта данной собственности было обеспечение этого. Иначе говоря, в зимний период зависимость трудящихся индивидов в основном обуславливалась экономическими факторами. Имеется указание и на монополию наиболее обеспеченных скотом в отношении топливных ресурсов. «...Богатые, — свидетельствуют источники, — снабжают кием (пометом баранов. — Н. М.) бедных, не имеющих баранов и обрабатывающих за кий»¹⁵¹.

В другие сезоны года зависимость класса непосредственных производителей от класса субъектов собственности могла принимать иные формы, например, найма

или «добровольного», «совместного» труда в хозяйстве собственника, в обеспечении искусственными источниками воды и напоении скота номинально всей общины, а в действительности субъекта монопольной собственности на скот, поскольку большая часть скота принадлежала ему. Особенно значительной, как уже говорилось, была зависимость трудящихся индивидов от класса собственников в процессе кочевания, когда беднейшая часть общины, будучи не в состоянии самостоятельно передвигаться, была вынуждена обращаться за помощью к более обеспеченным скотовладельцам. В летнее время, когда кочевки в целом были непродолжительны, а остановки долговременны, эта форма зависимости могла и не проявляться.

В-третьих, зависимость менее состоятельных от более обеспеченных могла носить опосредствованный характер и порождаться неравнозначным отношением к земле. Мы уже говорили о том, что использование пастбищных угодий во многом зависело от качественно-количественных характеристик стада. Более обеспеченные, имея в основном конское поголовье, обладали большей скоростью, подвижностью и продолжительностью кочевания. Пользуясь правом первозахвата, они фактически присваивали себе наиболее продуктивные в кормовом и водном отношении пастбища в форме первого использования данных угодий. Отсюда монополия господствующего класса на земельные угодья в теплое время года, определявшая специфические взаимоотношения индивидов в процессе производства, порожденные их неоднозначным отношением к земле как основному средству производства. Известно, например, что если к богатому на джайляу присоединились бедные из других аулов, то богатый решал, пустить их к своему колодцу или нет¹⁵². Право первозахвата позволяло богатым захватывать лучшие пастбища. Зависимость класса непосредственных производителей по отношению к земле выражалась в том, что в выборе мест стоянки и использовании пастбищных угодий они зависели от субъектов собственности. Источники свидетельствуют, что бедные рядом с богатыми не стоят и если более обеспеченные скотовладельцы становились где-нибудь поблизости, то бедные стремились поскорее откочевать от них¹⁵³. Дело в том, что при сов-

местном кочевании и одновременных стоянках менее зажиточные были вынуждены подстраиваться под ритм движения более состоятельных, что препятствовало нормальному нагулу и нажировке скота, разного в видовом отношении. Поэтому обычно кочевали на джайляу раздельно в зависимости от степени обеспеченности скотом. Менее состоятельные все время отставали в процессе кочевания от более обеспеченных скотом¹⁵⁴. Правда, это не исключает того, что и те и другие, будучи членами одной общинной структуры, могли совместно пользоваться общими источниками воды или даже иметь в отдельные периоды общие стоянки, но и в этом случае они находились далеко не в равном положении. Очевидно, существовавшая в действительности опосредствованная скотом собственность на пастбищные угодья класса богатых скотовладельцев обуславливала зависимость массы непосредственных производителей. Данная форма зависимости могла иметь место и в зимний период, когда ограниченные в движении и находившиеся в стационарном состоянии непосредственные производители попадали в зависимость от субъектов собственности в вопросах землепользования. Для беднейших было важно в этот период года заручиться поддержкой более обеспеченных, чтобы они не гоняли скот, и в особенности лошадей, вблизи зимовки¹⁵⁵, поскольку хорошо известно, что если по пастбищу прошел табун лошадей, то выпас другого скота становился на нем невозможным¹⁵⁶.

Таким образом, собственно процесс производства порождал разнообразные формы зависимости массы непосредственных производителей от сравнительно немногочисленного класса богатых скотовладельцев, которые фактически являлись собственниками всех основных средств производства, в частности скота, и опосредствованно земли, воды, топлива. На этой основе складывались специфические отношения зависимости, которые обуславливали поляризацию различных социальных групп и корпораций, их неравнозначное положение в обществе, формирование и стабильное существование класса непосредственных производителей и класса собственников основных средств производства. Существование в пределах общины двух полярно противоположных классов через посредство их отношения к скоту порож-

дало зависимость не просто массы трудящихся индивидов, а всей общины в вопросах землепользования, выпаса скота, процесса кочевания и т. п. Несмотря на то что община, будучи средоточием функций производства, являлась одновременно единицей и землепользования и землевладения, она попадала в непосредственную зависимость от субъектов собственности, которые присваивали себе различного рода организаторские функции самой общины, а следовательно, и саму общину. Иначе говоря, собственность на средства производства определяла зависимость не только массы трудящихся индивидов, но и низшего производственного организма — общины. В этом случае, как отмечается в кочевниковедческой литературе, община не просто зависела от субъекта собственности, но и была орудием, средством внеэкономического принуждения¹⁵⁷. Добавим, что в данном случае община являлась и своеобразным атрибутом собственности на средства производства по отношению к массе непосредственных производителей, ее составной частью и основополагающим принципом.

Рассмотрим теперь формы зависимости массы трудящихся индивидов, опосредствованные их социально-экономическим положением, на котором выстраивается монопольная собственность господствующего класса как на средства производства, так и на работников производства. Причины их зависимого положения сводятся главным образом к необходимости обеспечения воспроизводства себе подобных, а для этого нужно было обеспечить себя необходимым продуктом. Минимум, потребный для обеспечения жизнедеятельности и нормального существования в аридной зоне умеренного пояса, учитывая ограниченность обеспечения необходимого продукта вне сферы скотоводческого хозяйства, был достаточно велик и составлял для одного трудящегося индивида не менее 2500 ккал в день. Такое количество энергии делает человека способным жить, работать и воспроизводить себе подобных¹⁵⁸. Даже если допустить, что часть необходимого продукта была создана за пределами скотоводческого хозяйства, то и в этом случае его величина была достаточно большой и составляла 5—6 овец в течение года. Эти цифру следует помножить на 4—5 членов его семьи, что составит примерно 25 овец

в год. Если же учесть фактор необходимости обеспечения воспроизводства данного числа овец, то общая численность овец возрастет до 100. Теперь сопоставим степень обеспеченности скотом с данным минимумом и увидим, что в Петропавловском уезде этот минимум не имело по меньшей мере более 80% всех хозяйств, в Зайсанском — более 70, в Актюбинском — около 70, в Кокчетавском — более 50%. В близком к этому состоянию находилось более 12% хозяйств в Петропавловском уезде, более 20 — в Зайсанском, более 17 — в Актюбинском и около 25% хозяйств в Кокчетавском уезде. Таким образом, абсолютное большинство трудящихся индивидов было недостаточно обеспечено скотом и вынуждено искать средства к существованию за пределами своего собственного скотоводческого хозяйства. На этой основе создавалась возможность эксплуатации данной массы непосредственных производителей, которую следует обозначить как класс зависимого населения. Мы не рассматриваем здесь процесса выпадения известной части населения из процесса производства в кочевом обществе, как, впрочем, и фактор внеэкономического принуждения, поскольку это предмет специального исследования.

Следствием недостаточной обеспеченности массы непосредственных производителей было то, что она вовлекалась в отношения зависимости, а ее эксплуатация получала в кочевой среде специфические формы, одной из которых был саун, т. е. отдача скота на выпас беднейшей части населения. Развитие данной формы эксплуатации было следствием развития тенденции дисперсного состояния, а причиной — развитие тенденции относительно концентрированного состояния. Сообщения о саунных отношениях встречаются в источниках еще XVIII в. В частности, И. Г. Георги писал, что «поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны; если же он по причине скот-

ского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными»¹⁵⁹. Природа и происхождение, характер эволюции и трансформации саунных отношений достаточно полно прослежены в советской историографии¹⁶⁰, но тем не менее хотелось бы отметить, что анализ конкретного материала не подтверждает точки зрения тех авторов, которые считают, что саун был широко распространен, а эксплуатация массы непосредственных производителей осуществлялась в основном в данной форме. В частности, в Петропавловском уезде в саун брали скот всего лишь 6,4% всех хозяйств¹⁶¹. Причем даже в группе безлошадных доля хозяйств, берущих скот в саун, составляла 19,3%, в группе, имевшей 1 лошадь, — 17,7%, в группе, имевшей от 2 до 3 лошадей, вдвое меньше — 8,8% и т. д.¹⁶² В Актюбинском уезде группа хозяйств, имевших до 3 лошадей, характеризуется еще меньшей долей хозяйств, берущих скот на выпас, — 3,2%¹⁶³. Возникает вопрос, почему хозяйства, недостаточно обеспеченные скотом, практически не прибегали к саунным отношениям. Думается, что это было связано не с нежеланием данной корпорации индивидов брать в саун скот, а с тем, что хозяйств, способных дать скот на выпас, было очень мало. Так, в Кокчетавском уезде в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, в саун сдавали скот лишь 24,3% хозяйств данной группировки, а в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, — 48,9% хозяйств¹⁶⁴. Иначе говоря, неразвитость саунных отношений объясняется прежде всего малочисленностью хозяйств, способных давать скот в саун. Однако последний вывод несколько не противоречит сказанному прежде, что в кочевом обществе существовала монополярная собственность господствующего класса на скот, поскольку он в отличие от вывода о сауне базируется на том, что монополярная собственность была обусловлена не столько собственным хозяйством субъекта собственности, сколько системой выпаса скота и практикой раздельного в видовом отношении его содержания. Показательно и то, что в саун в основном брали

крупный рогатый скот, что несомненно было связано с его относительно большой продуктивностью и большей продолжительностью лактационного периода. В Петропавловском уезде, например, в саун брали 95% коров от всего саунного скота ¹⁶⁵.

Таким образом, кочевое общество казахов в социально-экономическом отношении вполне сопоставимо с обществом, движущимся в классовых противоречиях, и может быть определено как идентичное феодальному обществу со всеми присущими ему атрибутами. Этот вывод базируется прежде всего на том, что в феодальном обществе в процессе производства субъект собственности и масса непосредственных производителей вступали в соответствующие и объективно обусловленные взаимоотношения. В данном случае трудящиеся индивиды, нуждавшиеся в средствах производства, которых они не имели в необходимом количестве и качестве и без которых не могли обеспечить необходимый продукт, а также функционирование в собственных интересах имеющихся у них средств производства, вовлекались в орбиту отношений, посредством которых они попадали в феодальную зависимость, выражавшуюся в отчуждении у них прибавочного труда или продукта. А субъекты собственности, нуждавшиеся в тяглом населении, без которого они не могли обеспечить функционирование имеющихся в их распоряжении средств производства, а следовательно, не могли извлечь прибавочный продукт, вступали с массой непосредственных производителей в соответствующие отношения, посредством которых присваивали как личности производящих индивидов, так и львиную долю общественного продукта ¹⁶⁶.

В кочевом же обществе в процессе производства масса трудящихся субъектов, нуждавшихся в средствах и возможностях для обеспечения как минимум необходимого продукта и нормального воспроизводства стада, вступала в соответствующие и объективно обусловленные взаимоотношения с субъектами собственности, попадая таким образом в зависимое положение, которое опосредствовалось сезонными особенностями выпаса скота и выражалось отчуждением у них прибавочного труда или продукта. Субъекты собственности, заинтересованные в привлечении рабочей силы, поскольку их собственные

возможности ограничивались минимумом физических способностей человека в выпасе стада, также вступали в соответствующие и объективно обусловленные взаимоотношения, присваивая аналогичным образом как личности непосредственных производителей, так и большую часть общественного продукта. И в том и в другом случае процесс производства порождал специфичные взаимоотношения индивидов, обусловленные, с одной стороны, необходимостью в получении средств производства одними у других для обеспечения как минимум необходимого продукта или нормального функционирования уже имеющихся у них средств производства, а с другой — необходимостью привлечения извне дополнительной рабочей силы субъектами собственности для извлечения прибавочного продукта, так как последние не могли обеспечить своими силами нормального процесса производства и охвата всей массы средств производства. Специфика кочевого общества проявлялась в том, что невысокий экономический потенциал номадов, обусловленный скудными природными ресурсами среды обитания, детерминировал незавершенность социальных процессов, поскольку накопление произведенного продукта и его воспроизводство осуществлялись лишь в рамках скотоводческого хозяйства в весьма специфичных формах, что препятствовало развитию процесса разделения труда и обуславливало стагнационное состояние кочевых обществ Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природно-климатические условия Казахстана характеризуются резко выраженной аридностью, континентальностью, бедностью почвенных и водных ресурсов. Следствием этого являются крайне скудный и разреженный растительный покров, резкие колебания его урожайности, зональность вегетационного периода естественно-го травостоя, сезонный характер его наивысшей продуктивности. Скудные природные ресурсы среды обитания определили динамическое состояние кочевников, вынужденных для обеспечения скота кормами передвигаться в поисках естественного травостоя и водных источников. Это было связано с тем, что определенный минимум пастбищных угодий при рациональном их использовании, т. е. при учете их восстановительных функций для последующей эксплуатации, впрочем, как и водных источников, мог обеспечить жизнедеятельность строго нормированного количества скота в течение лишь определенного отрезка времени. В данных условиях среды обитания кочевой режим хозяйствования, базирующийся на культивации скотоводства, являлся в докапиталистическую эпоху единственно возможным и экономически оправданным способом хозяйствования. Именно поэтому кочевничество во всемирно-историческом масштабе культивировалось в докапиталистическую эпоху на ограниченных в экологическом отношении для других форм материального производства территориях, которые не могли быть освоены и не осваивались во всеобщем мас-

штабе другими видами производственной деятельности. Генезис номадизма как специфичного вида материального производства был связан с возрастанием удельного веса скотоводческого хозяйства в ареальных экологических нишах и уменьшением роли присваивающих форм хозяйства и земледелия.

Вместе с тем в природе кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности объективно была заложена необходимость максимально возможного рассеяния трудящихся индивидов, материальное производство которых в основном базировалось на культивации скотоводческого хозяйства. Вследствие этого в основе жизнедеятельности кочевого общества лежал прежде всего принцип дисперсного состояния, который был результатом того, что площадь естественного пастбища, необходимая для жизнедеятельности одной особи, была настолько велика в аридной зоне умеренного пояса, что сосредоточение скота сверх лимита в пределах данной экосистемы не обеспечивало нормального воспроизводства не только поголовья животных, но даже необходимого продукта для массы непосредственных производителей. Недостаточность кормовых и водных ресурсов, физиологические особенности различных видов скота и необходимость обеспечения функции рекреации также обуславливали невозможность концентрации скота сверх лимита природных ресурсов среды обитания, поскольку в противном случае резко интенсифицировалась система кочевания. Поэтому кочевой режим хозяйствования не был беспредельно экстенсивным, в целом он был весьма заметно ограничен в передвижениях и различного рода перекочевках и базировался на рациональном использовании продуктивных свойств различных видов скота.

Тенденция дисперсного состояния находила свое непосредственное выражение в существующей у всех номадов организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организмах, их предельно возможном рассредоточении на огромных пастбищных пространствах. Иначе говоря, кочевничество было органически включено в природные процессы и имело место лишь в определенных экологических нишах. И в этом смысле кочевничество следует понимать прежде всего как форму взаимодействия и динамического равновесия

в естественно-природных и социально-экономических процессах, которая в отличие от оседло-земледельческой среды базировалась на максимально возможной утилизации природных ресурсов среды обитания как биологическими, так и небιологическими по своей природе средствами.

Следует указать и на то, что тенденция дисперсного состояния в кочевом обществе ограничивалась потребностями трудящихся индивидов в коллективном производстве на принципах производственной кооперации, поскольку комплекс трудовой деятельности был настолько обширен, а обеспечение скота необходимыми для жизнедеятельности средствами настолько сложно, что их осуществление в масштабах первичной производственной ячейки общества — моногамной семьи в полном объеме было практически невозможно. Вследствие этого принцип дисперсного состояния, лежавший в основе кочевого режима хозяйствования, был в известной мере ограничен жизнедеятельной функцией кочевого общества. Именно на этой основе происходила концентрация трудящихся индивидов в низшие производственные организмы общества — общины. Следовательно, происходила и концентрация скота в рамках данных организмов. Диалектика взаимодействия тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния обусловила, по-видимому, весь процесс эволюции и трансформации кочевого общества, специфику и характер его развития во времени и пространстве. Процесс их взаимодействия детерминировался прежде всего экологическими и экономическими факторами при высокой степени опосредствованности неэкономическими, в частности социальными, факторами. Характер взаимодействия указанных тенденций накладывал свой отпечаток на все сферы жизнедеятельности кочевого общества, их антагонизм детерминировал динамику исторического процесса в кочевых обществах.

Природно-климатические условия среды обитания обусловили посезонный цикл кочевания и использования пастбищных угодий. Непосредственное влияние на выбор и использование посезонных пастбищ оказывали зональность вегетационного периода, сезонный характер наивысшей продуктивности растительного покрова, наличие и качество водных источников, степень обеспеченности

атмосферными осадками, расположение ландшафтных зон и отдельные элементы рельефа. Каждому сезону года была присуща своя особая система организации материального производства в плане взаимодействия тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния.

Система материального производства во многом определила и формы социальной организации кочевого общества, в основе которой находилась прежде всего социальная, территориально-общинная структура. Низшим производственным организмом общества была община, которая в зависимости от посезонных особенностей системы выпаса могла быть минимальной в зимнее время года и расширенной в теплый период. Данная структура общества являлась функционально интегрированной организацией трудящихся индивидов. Она характеризуется сосуществованием частной собственности на скот и общинной собственности на землю. Это обстоятельство определило и характер взаимоотношений различных индивидов, корпораций и классов на уровне общины. В результате этого собственность на средства производства имеет тенденцию индивидуализации. На этой основе происходит трансформация системы общинного землепользования в частное. Вместе с тем собственно процесс производства порождал разнообразные формы зависимости массы непосредственных производителей от сравнительно немногочисленного класса богатых скотовладельцев. На этой основе складывались специфические отношения зависимости, которые обуславливали поляризацию различных социальных групп и корпораций, их неравнозначное положение в обществе, формирование и стабильное существование класса непосредственных производителей и класса собственников основных средств производства. Вследствие этого вполне допустима феодальная идентификация кочевого общества. И поскольку нами рассматриваются основные принципы организации процесса производства и социальные явления на уровне общинной структуры, то не анализируются социальные процессы на всех прочих уровнях общественной организации. Мы также далеки от мысли недооценивать роль нескотоводческих отраслей хозяйства номадов, и в частности земледельческого хозяйства¹⁶⁷.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВН — Архив ветеринарных наук
АОВ — Акмолинские областные ведомости
ВАН — Вестник Академии наук
ВИ — Вопросы истории
ВК — Вопросы колонизации
ВРГО — Вестник РГО
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГО — Географическое общество
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ
ЭЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела РГО
ЗООРГО — Записки Оренбургского отдела РГО
ЗРГО — Записки РГО
ЗРГООГ — Записки РГО по общей географии
ЗРГООС — Записки РГО по отделению статистики
ЗРГООЭ — Записки РГО по отделению этнографии
ЗСООИК — Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана
ЗСПЗСОРГО — Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО
ИА — Исторический архив
ИАН — Известия Академии наук
ИЗСОРГО — Известия Западно-Сибирского отдела РГО
ИИ — Институт истории
ИООРГО — Известия Оренбургского отдела РГО
ИРГО — Известия РГО
ИСССР — История СССР
КазНИГМИ — Казахский научно-исследовательский гидрометеорологический институт
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей археологии и этнографии

- МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969
- МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
- МКЗ — Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины
- МКОП — Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948, сб. 1.
- НАА — Народы Азии и Африки
- НЕС — Новые ежемесячные сочинения
- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языкознания, литературы и истории
- ОЗ — Отечественные записки
- ОЛ — Оренбургский листок
- ПКСО — Памятная книжка Семипалатинской области
- ПКУО — Памятная книжка Уральской области
- РГС — Русское географическое общество
- РМ — Русская мысль
- СВ — Сибирский вестник
- СК — Советская Киргизия
- СО — Сын Отечества
- СОВ — Семипалатинские областные ведомости
- СЭ — Советская этнография
- ТОИК — Труды общества изучения Казахстана
- ТОИКК — Труды общества изучения Киргизского края
- ТОИК (КК) — Труды Общества изучения Казахстана (Киргизского края)
- ТВ — Туркестанские ведомости
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
- ТИЭ — Труды Института этнографии
- ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
- ЭЗ — Экономические записки

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 191, прим. 5а.
- ² См. там же, т. 3, с. 26.
- ³ См. там же, т. 25, ч. 2, с. 184—185.
- ⁴ Там же, т. 3, с. 36—37.
- ⁵ См.: *Природа и общество.* М., 1968; *Взаимодействие природы и общества.* М., 1973; *Охотники, собиратели, рыболовы.* Л., 1972; *Человек и среда обитания.* Л., 1974; *Человек и природа.* М., 1980; *Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия.* М., 1981; *Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное.* М., 1981; *Проблемы развития современной науки.* Новосибирск, 1978; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: (очерки теории и истории). М., 1981; *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982 и др.
- ⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 51—52.
- ⁷ Там же, т. 3, с. 19.
- ⁸ См.: *Марксистско-ленинская теория исторического процесса,* с. 60.
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 188.
- ¹⁰ Там же, т. 3, с. 19.
- ¹¹ См.: *Ефимов Ю. И.* Природное и общественное в человеческой предьстории. — В кн.: *Человек и природа.* М., 1980, с. 17.
- ¹² Однако следует помнить, указывал Ф. Энгельс, что «на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 496).
- ¹³ См.: *Марксистско-ленинская теория исторического процесса,* с. 45—78, 275—283; *Общество и природа,* с. 6—19, 20—36, 48—57, 73—85, 109—124 и др.
- ¹⁴ См.: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области. — СЭ, 1955, № 4; *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — СЭ, 1968, № 2 и др.
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 364.
- ^{15а} На возможность сопряжения понятия «экологическая ниша» с социально-культурными процессами все чаще указывается в советской этнографии. См.: *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии. — СЭ, 1983, № 1, с. 16.
- ¹⁶ См.: *Федорович Б. А.* Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства. — В кн.: *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.* Л., 1973, с. 210—211; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — В кн.: *Материалы по этнографии ГО СССР.* Л., 1961, вып. 1, с. 2—15; *Субботин В. А.* Кочевое и оседлое население

Суданского сахеля в XIX в. — В кн.: Некоторые вопросы истории стран Африки. М., 1968, с. 88—89; Пуляркин В. А. Хозяйство кочевников Южной Азии: (географический очерк). — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1976, вып. 18, с. 53—64; Клейн Л. С. Генераторы народов. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 126—134; Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск, 1982, с. 7—75, 183—192; Развивающиеся страны: природа и человек. М., 1982, с. 64—72, 74—91 и др. Трубецкой В. В. Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. — В кн.: Аграрные структуры стран Востока: Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977, с. 73—104 и др.

¹⁷ См.: Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 111.

¹⁸ См.: Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. М., 1960; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования. — В кн.: Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978, с. 119—122; Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980 и др.

¹⁹ См.: Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости: (на опыте МНР). М., 1979, с. 31—34 и др.

²⁰ Гердер И. Г. Иден к философии истории человечества. М., 1977, с. 175.

²¹ Более подробно см.: Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; Кереева-Канафиева К. Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963; Ерофеева И. В. Казахстан второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979 и др.

²² См.: Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762; Он же. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773, ч. 1; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. 2; О народах татарского племени; Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Кольванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями. — НЕС, 1795—1796, ч. 110—118.

²³ См.: Гавердовский Я. Обзорение киргиз-кайсацкой степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого, ч. 2. — Рукописный отдел ЛО ИИ СССР АН СССР, кол. 115, № 495.

²⁴ См.: Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. — ВРГО, 1851, ч. 1, кн. 1, отд. 6; Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб., 1821; Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; Васильев А. Путешествие доктора Эверсмана в Бухару. — ТОУАК. Оренбург, 1905, кн. 14; Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — ИА. М.; Л., 1936, т. 1; Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды. — СВ, 1820, ч. 9—10; За-

писки Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. — СО, 1822, ч. 76, 77, 78 и др.

²⁵ См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 1—3. СПб., 1832 и др.

²⁶ См.: *Броневский С.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. — ОЗ, 1830, ч. 41—43.

²⁷ См.: *Ханыков Я.* Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. — ЗРГО, 1847, кн. 2, с. 27—60; *Иванов М.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году. — ЗРГО, 1847, кн. 2, с. 267—305; *Плотников Л.* О необходимости и средствах предупреждения дальнейшего развития сыпучих песков в степях Внутренней Киргизской Орды. — ЗООРГО, 1871, вып. 2, с. 239—258 и др.

²⁸ См.: *У-р барон.* Четыре месяца в Киргизской степи. — ОЗ, 1848, т. 60, № 10; *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства. Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1848, т. 14, ч. 1, с. 1—119; *Влангали А.* Геогностические поездки в восточной части киргизской степи в 1849—1851 годах. СПб., 1853; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865; *Красовский Н.* Область Сибирских Киргизов. СПб., 1868, ч. 1—3; *Медведский П.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. — ЖМГИ, 1862, ч. 80—81; *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсака. СПб., 1867; *Atkinson T.* Oriental and Western Siberia. L., 1857; *Abbott J.* Narrative of a Journey from Herat to Khiva. L., 1843, vol. 2; *Hill S.* Travels in Siberia. L., 1854, vol. 1 и др.

²⁹ См.: *Алекторов А.* Киргизы. — ОЛ, 1886, ч. 13—20, 22—25; *Он же.* Скотоводство киргизов. — ОЛ, 1888, № 17—19; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1961—1972; *Брем А.* Степные кочевники-скотоводы. — Нива, 1896, Ежемесячное приложение, № 1; *Венюков М. И.* Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; *Даулбаев Б.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с. 1830 по 1880. — ЗООРГО, 1881, вып. 4, с. 98—117; *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения. М., 1959, т. 2; Очерки первобытной культуры; *Джантюрин С.* Очерки киргизского коневодства. Оренбург, 1883; *Загряжский Г.* Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи. — ТВ, 1874, № 25, 27—32; *Краснов А. Н.* Очерк быта семиреченских киргиз. — ИРГО, 1887, ч. 23, с. 436—481; *Кустанаев Х.* Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894; *Потанин Г. Н.* Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863—1864 г.). — ЗРГООГ, 1867, т. 1, с. 429—461; *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887 и др.

³⁰ Этой проблеме посвящены работы: *Александров Е.* Пути кочевков киргизов Малой орды Перовского и Казалинского уездов. — ТВ, 1884, № 51; *Чорманов М.* О кочевках киргизов. — СОВ, 1871, № 33; *Он же.* Зимовка или зимняя кочевка киргизов. — СОВ, 1871, № 37; *Кальнинг В.* Порядок кочевания у сибирских киргизов. — АВН, 1876, № 2, с. 124—128; О местностях стоянки киргизов. — АОВ; особое прибавление, 1890, № 13 и др.

³¹ *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852, с. 177—178.

³² См.: *Аничков И. В.* Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899; *Он же.* Упадок народного хозяйства в киргизских степях. — РМ, 1902, № 5, с. 50—73; *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1896—1898, т. 1—2; *Бенкевич В.* Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению. — ЗСПЗСОРГО, 1903, кн. 1, с. 1—24; *Базанов У. Б.* Описание зимовок и летовок киргиз Копальского уезда и кочевых дорог с зимних стойбищ на летние. — В кн.: Труды 1-го съезда вет. врачей Семиреч. обл. Верный, 1904, с. 109—113; *Диваев А.* Из области киргизского скотоводческого хозяйства. — ТВ, 1904, № 102; 1905, № 4; *Кранихфельд В. П.* Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. — ПКУО, 1898, с. 87—129; *Коншин Н.* Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. — ПКСО, 1901, вып. 5; *Добротмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

³³ *Остафьев В. А.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. — ЗСПЗСОРГО, 1895, кн. 18, вып. 2, с. 25.

³⁴ *Пахомов И.* Киргизское хозяйство на Ак-Кабе и на верховьях Курчума. — ЗСПЗСОРГО, 1911, вып. 5, отд. 4, с. 1.

³⁵ МКЗ. Воронеж, 1898, т. 1: Акмолинская область. Кокчетавский уезд; Воронеж, 1902, т. 2; Атбасарский уезд; СПб., 1907, т. 3: Акмолинский уезд, ч. 1; Чернигов, 1909, ч. 2; Воронеж, 1903, т. 4: Семипалатинская область. Павлодарский уезд; Воронеж, 1903, т. 5: Тургайская область. Кустанайский уезд; СПб., 1905; т. 6: Семипалатинская область. Каркаралинский уезд; Воронеж, 1903, т. 7: Тургайская область. Актюбинский уезд; СПб., 1909, т. 8: Семипалатинская область. Зайсанский уезд; СПб., 1905, т. 9; Усть-Каменогорский уезд; СПб., 1909, т. 10: Семипалатинский уезд; Омск, 1902, т. 11: Акмолинская область. Омский уезд; Чернигов, 1908, т. 12: Петропавловский уезд; Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908; Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913; Материалы по повторному обследованию в 1910—1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Павлодарский уезд. СПб., 1913; Устькаменогорский уезд. СПб., 1913; Зайсанский уезд. СПб., 1913; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Оренбург, 1909—1912, т. 1—5; Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907—1909 гг. СПб., 1909—1910, т. 1—5; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. СПб., 1911, т. 1—4 и др.

³⁶ См.: *Каруц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., 1910; *Румянцев П. П.* Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. — ВК, 1909, № 5, с. 79—137; *Он же.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; *Хворостанский П.* Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области: Статистико-экономический очерк. — ВК, 1915, № 18, с. 158—206; *Скалов Б. А.* Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда. — ИООРГО, 1911, вып. 22, с. 61—120 и др.

³⁷ См.: *Бенькевич В.* Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Орен-

бург, 1918; *Ашмарин А.* Кочевые пути, зимовья стойбища и летовки: (историческое описание). — СК, 1925, № 5—6; *Куфтин Б. А.* Киргиз-кайсаки. Культура и быт. М., 1926; *Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях.* М., 1926; *Аболин Р.* Экспедиция по исследованию кочевых районов Киргизии и Южного Казахстана. Бюллетень Среднеазиатского университета, 1927, вып. 15; *Кенарский Л.* Дифференциация киргизского хозяйства. — СК, 1924, № 3—4 и 5—6; *Чулошников А.* Очерки истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, ч. 1; *Логутов Н. А.* Очерк родового быта казаков и распределение основных казахских родов на территории б. Семипалатинской губернии. — ЗСОИИК, 1929, т. 18, с. 34—48; *Мацкевич Н. Н.* Сравнительная длина кочевков казахского населения б. Семипалатинской губернии. — Там же, с. 1—33; *Соколовский В. Г.* Казахский аул. Ташкент, 1926; *Казаки*, вып. 3, 11 и 15. Л., 1927—1930 (см. статьи С. И. Руденко, Ф. А. Фильдструпа).³⁸ См., напр.: *Schuyler E.* Turkistan, vol. 1. L., 1876, p. 31—36; *Czaplicka M. A.* The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. Oxford, 1918.

³⁹ См.: *Погорельский П. В., Батраков В. С.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930; *Тогжанов Г.* Казахский колониальный аул. М., 1934; *Асфендияров С. Д.* История Казахстана: (с древнейших времен). Алма-Ата, 1935, т. 1; *Чулошников А. П.* К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. — ИАН СССР, 1936, № 1; *Козьмин Н. К.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934 и др.

⁴⁰ Более подробно см.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975, с. 27, 33—34; *Перишц А. И.* Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. — В кн.: Становление классов и государства: Сб. статей. М., 1976, с. 282—284, а также см.: Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. М., 1978, с. 80—83, 113—115 и др.

⁴¹ См.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

⁴² См.: *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — Известия ГАИМК, 1934, вып. 103, с. 188—189.

⁴³ См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

⁴⁴ См.: *Шахматов В. Ф.* К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. — ВАН КазССР, 1951, № 7, с. 18—36; *Он же.* О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. — ВАН КазССР, 1951, № 11, с. 93—108; *Толыбеков С. Е.* О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. — ВАН КазССР, 1951, № 8, с. 66—90 и др.

⁴⁵ См.: *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.; Л., 1947; *Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. — Сб. МАЭ, т. 12. М.; Л., 1949, с. 43—70; *Юшков С. В.* К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане. — ВАН КазССР, 1951, № 9, с. 59—69; *Зиманов С. З.*

К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане. — ВАН КазССР, 1952, № 4, с. 94—103 и др.

⁴⁶ См.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961; *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965 и др.

⁴⁷ См.: *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии ГО СССР. Л., 1961, вып. 1, с. 1—14.

⁴⁸ См.: *Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане: (некоторые исторические и этнографические проблемы). — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; *Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. — СЭ, 1967, № 4; *Он же.* О характере классовообразования в обществах ранних кочевников. — ВИ, 1967, № 7; *Он же.* Кочевничество и общие закономерности истории. — СЭ, 1973, № 2; *Златкин И. Я. А.* Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. — ВИ, 1971, № 2; *Он же.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. — В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971 и др.

⁴⁹ См.: Хозяйство казахов...; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; *Эрдниева У. Э.* Калмыки. Элиста, 1980; *Оразов А.* Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении. — В кн.: Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976; *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982; *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма: (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; *Тажигаев Е. Е.* Изменения в хозяйстве казахов в 20—60-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1969; *Негря Л. В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. М., 1981; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982; *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии. М., 1982; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

⁵⁰ См.: *Андреанов Б. В.* Неоседлое население мира...; *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, вып. 1; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху. — ВИ, 1976, № 8; *Черников С. С.* К вопросу о классовообразовании у кочевников. — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978; *Поляков С. П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980; *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие пробле

мы теории хозяйства и общества. — СЭ, 1982, № 2; *Симаков Г. М.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века. — СЭ, 1982, № 4 и др.

⁵¹ См.: *Тольбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования...; *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии. — IX МКАЭН. М., 1973; *Он же.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: Понски исторических закономерностей. М., 1982; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 и др.

⁵² См.: *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Понски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости; *Клейн Л. С.* Генераторы народов; *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии: (опыт историко-географического синтеза). — НАА, 1966, № 4 и др.

⁵³ См.: *Федорович Б. А.* Природные условия аридных зон...; *Он же.* Лик пустыни. М., 1950; *Федорович Б. А., Есауленко П. И.* Пути развития животноводства в полупустынях и пустынях. — В кн.: Казахстан. М., 1969, с. 450—456; *Пуляркин В. А.* Хозяйство кочевников Южной Азии...; *Назаревский О. Р.* Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии. — В кн.: Очерки по истории хозяйства..., с. 249—258 и др.

⁵⁴ См., напр.: *Krader L.* Ecology of Central Asian pastoralism. — *Southwestern Journal of Anthropology*, 1955, vol. 12, N 4, p. 301—326; *Idem.* Ecology of Nomadic pastoralism. — *International Social Science Journal*, 1959, vol. 11, p. 499—509; *Idem.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. Haque, 1963; *Idem.* Peoples of Central Asia. Bloomington, 1966; *Kano-Pey P.* Французская Сахара. М., 1958 и др.

⁵⁵ См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. В зарубежной историографии этот тезис является широко распространенным. См., напр.: *Hudson A.* Kazak Social Structure. — Iale University Publications in Anthropology, N 20. New-Haven; London, 1938; *Bacon E.* Study of Social Structure in Eurasia. N. Y., 1958, *Riasanovsky V.* Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Bloomington, 1965. См. также: *Grunert H., Konig W.* Die Nomadenviehzucht als Wirtschaftlich — Kultureller Typ. Bericht vom. 3EAZ — Kolloquim, Leipzig, 1973. — EAZ. Ethnographisch — Archeologische Zeitschrift. B., 1974, Jg. 15, Hf. 3, S. 453—468 и др.

¹ См.: *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 20.

² См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л., 1950, с. 27—140; Климат Казахстана. М., 1959, с. 9—13; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 11—32; Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1969, с. 15—20; 78—89; *Чупахин В. М.* Природное районирование Казахстана: (для целей сельского хозяйства). Алма-Ата, 1970, с. 5—17; Равнины и горы Средней Азии и Казахстана. М., 1975 и др.

³ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 177—206; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 51—55; Казахстан. Природные условия..., с. 133—154 и др.

⁴ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 154—169; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 56—60; Казахстан. Природные условия..., с. 154—169 и др.

⁵ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 141—148; Климат Казахстана, с. 17—30; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 32—37; Казахстан. Природные условия..., с. 90—91 и др.

⁶ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 159—161; Климат Казахстана, с. 32—63; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 38—43; Казахстан. Природные условия..., с. 91—92 и др.

⁷ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 142—143, 241—242, 278, 291—292; Климат Казахстана, с. 17—30, 67—69, 73—88, 106, 237—246, 260—289; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 37—38, 43—45, 75, 82—83, 89—91, 97, 102—103; *Он же.* Природное районирование Казахстана, с. 24—27, 30—32, 38—39, 42—46; Казахстан. Природные условия..., с. 90—97, 294—306; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 210—211 и др.

⁸ См.: Климат Казахстана, с. 100—117, 260—289; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 44—47, 75—76, 82—84, 90—92, 102—103; Казахстан. Природные условия..., с. 96—115 и др.

⁹ Климат Казахстана, с. 117—138, 73—88; Казахстан. Природные условия..., с. 115—123 и др.

¹⁰ См.: Климат Казахстана, с. 68—70; Казахстан. Природные условия..., с. 97—115 и др.

¹¹ См.: Климат Казахстана, с. 73—75; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 74—80; *Он же.* Природное районирование Казахстана, с. 24—29; Казахстан. Природные условия..., с. 294—295; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 210 и др.

¹² См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 291—315; Климат Казахстана, с. 75—77; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 80—89; *Он же.* Природное районирование Казахстана, с. 30—37; Казахстан. Природные условия..., с. 295—299; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 210—211, 216.

¹³ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 278—291; Климат Казахстана, с. 77—81; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 89—97; *Он же.* Природное районирование Казахстана, с. 37—42; Казахстан. Природные условия..., с. 299—302; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 211 и др.

¹⁴ См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 241—278; Климат Казахстана, с. 81—87; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана, с. 97—124; *Он же.* Природное районирование Казахстана, с. 42—51; Казахстан. Природные условия..., с. 302—304; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 211, 216 и др.

¹⁵ Климат Казахстана, с. 328, 355—357; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 216 и др.

¹⁶ См.: *Соболев Л. Н.* Кормовые ресурсы Казахстана. М., 1960, с. 10—14; Казахстан. Общая физико-географическая характеристика, с. 224—241; Казахстан. Природные условия..., с. 222—248; *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 212—217 и др.

¹⁷ См.: *Федорович Б. А.* Природные условия..., с. 216—217 и др.

ГЛАВА 2

¹ См.: *Федорович Б. А.* Указ. соч., с. 217—218; *Нечаев И. Н.* Мясное коневодство (табунное). Алма-Ата, 1975, с. 56—58; Казахстан. Природные условия..., с. 452 и др.

² *Джантюрин С.* Указ. соч., с. 16.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 724.

⁴ См., напр.: *Акишев К. А.* К проблеме происхождения..., с. 33—34 и др.

⁵ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 296.

⁶ См.: *Кауфман А. К.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907, с. 8 и др.

⁷ См.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 409—411; *Saunders J. J.* The History of the Mongol Conquests. L., 1971, p. 11, 44, etc.

⁸ См.: *Sinor D.* Horse and Pasture in Inner Asian History. — In: *Oriens Extremus*, 1972. Dezember, heft 1/2, p. 171—183.

⁹ Более подробно см.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 18—31; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства: (культурно-историческая проблема). М., 1980, с. 238—243; *Клейн Л. С.* Возникновение кочевого скотоводства. — В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980, с. 30—36 и др.

¹⁰ См.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 10. Противоположное мнение содержится в работе М. Ф. Косарева. См.: *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981, с. 209—210 и др.

¹¹ См., напр.: *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960, с. 117; *Руденко С. И.* К вопросу о формах..., с. 3; *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979 и др.

¹² См., напр.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 29—30; *Кадырбаев М. К.* Скотоводство: (историко-археологический очерк). — В кн.: Хозяйство казахов..., с. 34 и др. На близких позициях находятся также другие исследователи. См., напр.: *Клейн Л. С.* Возникновение кочевого скотоводства, с. 33; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век..., с. 209—210; *Викторова Л. Л.* Монголы, с. 106 и др.

¹³ Возможность подобной трактовки проблемы допускает и

Г. Е. Марков. См.: *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979, с. 273.

¹⁴ См., напр.: Красная книга Казахской ССР. Алма-Ата, 1978, т. 1: Позвоночные животные, с. 69—74 и др.

¹⁵ См.: *Жирнов Л. В.* Возвращенные к жизни: Экология, охрана и использование сайгаков. М., 1982, с. 15—52, 56—91; *Фадеев В. А., Слудский А. А.* Сайгак в Казахстане: Экология, хозяйственное значение. Алма-Ата, 1982, с. 27—56; *Афанасьев А. В.* Зоогеография Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 96 и др.

¹⁶ См.: *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы, с. 183—186.

¹⁷ См.: *Веллфш Дж.* Индейцы степей: их преемственность в истории и индеанизм. — В кн.: Североамериканские индейцы. М., 1978, с. 198; *Оплер М. К.* Индейцы юта и пайюта на южной окраине Большого Бассейна. — Там же, с. 268, 270, 272 и др.

¹⁸ См., напр.: *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 207; *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961, с. 81—82; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 202—205; *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 101; *Султанов Т.* Указ. соч., с. 60—61 и др.

¹⁹ См.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов, с. 40.

²⁰ См.: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941, т. 1, с. 126, § 164.

²¹ См.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 13.

²² См.: *Грязнов М. П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. — КСИЭ, 1957, XXVI, с. 25.

²³ См.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Указ. соч., с. 428.

²⁴ См. в этой связи: *Карсаевская Т. В.* Изменение биологии человека как социально детерминированный процесс. — В кн.: Человек и природа, с. 61—80.

²⁵ См.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 12 и др.

²⁶ *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. — ВИ, 1955, № 4, с. 75. См. также: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, с. 401—402.

²⁷ *Шнайдитейн Е. В.* Некоторые проблемы развития скотоводства Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья. — В кн.: Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ, сер. ист., 1974, № 9, с. 69.

²⁸ См.: *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы, с. 186—188.

²⁹ См.: *Формозов А. Н.* Проблемы экологии и географии животных: (Сборник статей). М., 1981, с. 274—275; *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы, с. 186 и др.

³⁰ Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением К. И. Петрова, что «пастбище, как совокупность плодородной почвы и естественной растительности, имеет свойство самовосстановления», причем «участок восстанавливается плодородием почвы, проявляющимся в жизнедеятельности растений» (*Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII в. Фрунзе, 1981, с. 32, 33 и др.). Это положение звучит по меньшей мере нелогично, ибо хорошо известно, что увеличение нагрузки на единицу пастбища приводило к деградации растительного покрова,

эрозии почвы и опустыниванию (см., напр.: *Соболев Л. Н.* Кормовые ресурсы Казахстана. М., 1959, с. 5, 8, 15 и др.). Иначе говоря, К. И. Петров постулирует извечную неизменность природных ресурсов среды обитания, в то время как в действительности речь должна идти по крайней мере о «сохранении экологического баланса. Отрицание антропогенного фактора противоречит всем известным фактам истории человечества. Нельзя согласиться и с утверждением Л. Крадера, что «номады лишь паразитируют на естественном плодородии почвы, ничего не давая взамен» (См.: *Krader L. Social Organization...*, p. 317). Налицо в данном случае упрощенное понимание системы взаимоотношений природы и общества в сфере скотоводческого хозяйства.

³¹ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 290.

³² См.: *Федорович Б. А.* Указ. соч., с. 217—218; *Нечаев И. Н.* Указ. соч., с. 56—58; *Казахстан. Природные условия...*, с. 452.

³³ *Броневский С.* Указ. соч., — ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 124, с. 240.

³⁴ См.: *Казахстан. Природные условия...*, с. 453—454 и др.

³⁵ См. там же, с. 453.

³⁶ *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов..., с. 46.

³⁷ Это положение в самом общем виде уже постулировалось в историографии кочевничества. См., напр.: *Krader L. Social Organization...*, p. 281, etc.

³⁸ *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 24.

³⁹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. *Алма-Ата*, 1964, с. 150.

⁴⁰ См., напр.: *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 69—70 и др.

⁴¹ *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. *Алма-Ата*, 1966, с. 211.

⁴² См., напр.: *Нечаев И. Н.* Указ. соч., с. 59 и др.

⁴³ См., напр.: *Ключарев С. Я.* Дневник осеннего пути из Троицка в Ташкент. — ВРГО, 1856, ч. 18, кн. 5, отд. 2, с. 136, 138 и др.

⁴⁴ *Ковальска-Левицка А.* Мавритания. М., 1981, с. 191.

⁴⁵ См.: *Соболев Л. Н.* Указ. соч., с. 5, 8, 15; *Казахстан. Природные условия...*, с. 228, 230, 234, 455; *Пуляркин В. А.* Хозяйство кочевников..., с. 64; *Формозов А. Н.* Проблемы экологии..., с. 25, 58—60, 99, 105—106; *Мордкович В. Ф.* Степные экосистемы, с. 186—188.

⁴⁶ См.: *Плотников Л.* О необходимости и средствах..., с. 248—251; *Москалева З. Н.* Исследования бассейна Урала. — Научные записки Западно-Казахстанского отдела ГО СССР. Уральск, 1957, вып. 9 и др.

⁴⁷ См.: *Востров В. В., Масанов Н. Э.* Население. — В кн.: *Хозяйство казахов...*, с. 16—17.

⁴⁸ См.: *Брук С. И.* Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии. — В кн.: *Переднеазиатский этнографический сборник*. М., 1958, вып. 1, с. 93; *Krader L. Social Organization...*, p. 317, etc.

⁴⁹ См.: *Кыдыралин У. С.* Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. *Алма-Ата*, 1975, с. 16.

⁵⁰ См.: МКЗ, т. 2. Спец. часть, с. 365, 369, 373, 377, 381.

⁵¹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 299.

⁵² *Броневский С.* Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 74. См. также: МКЗ, т. 2, с. XXVI и др.

- ⁵³ На это обратил внимание и Л. Крадер. См.: *Krader L. Social Organization...*, p. 209, 282—283; *Idem. Peoples of Central Asia*, p. 164.
- ⁵⁴ Это положение в самой общей форме уже выдвигалось в историографии кочевничества. См.: *Зиманов С. З. Общественный строй казахов...*, с. 33; *Гонгор Д. О формах организации и ведения скотоводческого хозяйства у монголов.* — В кн.: Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1978, т. 1, с. 109 и др.
- ⁵⁵ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 8, 78—79; *Хозяйство казахов...*, с. 68—71.
- ⁵⁶ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 88; *Карутц Р. Среди киргизов...*, с. 45—46; *Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1977*, с. 15; *Хозяйство казахов...*, с. 68—69 и др.
- ⁵⁷ См., напр.: Записка И. С. Полетаева. — ЗООРГО, 1875, вып. 3, с. 2—3.
- ⁵⁸ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 126; *Бларамберг И. Ф. Указ. соч.*, с. 24; *Плотников Л. О необходимости и средствах...*, с. 247; *Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение...*, с. 208.
- ⁵⁹ См.: *Турсунова М. С. Казахи Мангышлака...*, с. 15.
- ⁶⁰ См.: *Бларамберг И. Ф. Указ. соч.*, с. 24; *Акишев К. А. Указ. соч.*, с. 34 и др.
- ⁶¹ См.: *Боголюбов С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959*, с. 421; *Фиельструй Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана.* — В кн.: *Казаки. Антропологические очерки*, вып. 11. Л., 1927, с. 91 и др.
- ⁶² См., напр.: МКЗ, т. 2, с. XXIV и др.
- ⁶³ *Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз...*, с. 99.
- ⁶⁴ См., напр.: *Добросмыслов А. И. Скотоводство...*, с. 89 и др.
- ⁶⁵ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 292.
- ⁶⁶ См.: *Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854*, ч. 2, с. 308 и др.
- ⁶⁷ См.: *Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов*, с. 37; *Зиманов С. Общественный строй казахов...*, с. 33, 70—71; *Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков*, с. 89—90; *Хазанов А. М. Социальная история скифов*; *Викторова Л. Л. Монголы*, с. 112; *Krader L. Social Organization...*, p. 209, etc.
- ⁶⁸ См.: *Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980*, т. 1, с. 221.
- ⁶⁹ В самой общей форме это положение постулировалось в историографии номадизма. См.: *Чулошников А. П. Очерки по истории...*, с. 183; *Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов*; *Krader L. Peoples of Central Asia*, p. 164.
- ⁷⁰ МКЗ, т. 12, Общая часть, с. 87.
- ⁷¹ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 287 прим.
- ⁷² *Алекторов А. Е. Киргизы.* — ОЛ, 1886, 22 июня.
- ⁷³ См.: *Козьмин И. Н. Указ. соч.*, с. 13—14; *Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950*, ч. 1, с. 40, 49, 230; *Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980*, с. 43; *Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана.* — В кн.: *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Душанбе, 1954*, с. 27; *Krader L. Peoples of Central Asia*, p. 164, etc.

⁷⁴ Нельзя согласиться с В. Ф. Шахматовым, постулирующим отсутствие у номадов сезонной регламентации пастбищных угодий (см.: *Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община*, с. 35—36 и др.).

⁷⁵ «Чтобы место, выбранное для зимовки, соответствовало своей цели, оно должно удовлетворять следующим условиям, — сообщает П. Медведский. — Оно должно: а) быть хорошо защищено от ветров; б) быть покрыто не слишком толстым слоем снега; в) заключать под слоем снега траву; г) иметь, по возможности, самые удобные водопой; е) давать возможность собирать топливо в большом количестве и без излишних трудов и ф) находиться вблизи зимних запасов сухого фуража, сена или камыша» (См.: *Медведский П. Указ. соч. — ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 290*).

⁷⁶ Вообще, номадам Евразийских степей было свойственно подобное расположение летних и зимних пастбищ. «Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, — свидетельствует Г. Рубрук, — летом поднимаются на север, в более холодные» (См.: *Карпини П., Рубрук В. Путешествия в восточные страны*. М., 1957, с. 91). «...Летом, — свидетельствует И. Г. Георги, — пребывают наиболее в лежащих ближе к северу, а зимою в склонившихся больше на юг степях» (См.: *Георги И. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 126*); См. также: *Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагызан*. — В кн.: *Казаки: Антропологические очерки*. Л., 1927, с. 8; *Козьмин И. Н. Указ. соч., с. 12*; *Бичурин Н. Я. Указ. соч., ч. 1, с. 185*; *Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана*. Алма-Ата, 1950, с. 74—75; *Перици А. И. Хозяйство и общественно-политический строй...*, с. 31; *Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX — начала XX в.* — В кн.: *ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. 7. Ашхабад, 1963, с. 61*; *Семенов Г. И. Опыт кочевого скотоводства в Казахстане в XVIII — начале XIX в.* — В кн.: *Из исторического опыта сельского хозяйства СССР*. М., 1969, с. 129; *Оразов А. Некоторые формы скотоводства...*, с. 71; *Эрдниева У. Э. Калмыки*, с. 126—128; *Тургиев Т. Б. Скотоводство и земледелие у алан в позднеантичное время*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1977, с. 8 и др.

⁷⁷ Следует также указать на обратно-меридиональное направление кочевания с севера на юг, имевшее место в отдельных районах Внутренней орды в связи с местными особенностями природно-климатических условий (См.: *Медведский П. Указ. соч. — ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 296*); Обратном-меридиональная направленность кочевания имела место также среди туркменов (См.: *Оразов А. Некоторые формы скотоводства...*, с. 72, 73) и казахов лесостепной ландшафтной зоны.

⁷⁸ *Кауфман А. К вопросу о происхождении...*, с. 8.

⁷⁹ *ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 291*.

⁸⁰ *Джантюрин С. Указ. соч., с. 17—18*.

⁸¹ См.: *Федорович Б. А. Природные условия...*, с. 207.

⁸² *Джантюрин С. Указ. соч., с. 18*.

⁸³ О выборе зимних пастбищ существует обширная литература. См., напр.: *Левшин А. И. Указ. соч., ч. 3, с. 26*; *Бларамберг И. Ф. Указ. соч., с. 25, 29, 67, 75—88, 93—94*; *Медведский П. Указ. соч. — ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 289—291, 293—295*; *Балиц-*

кий Ю. Заметки о кочевом населении в Верненском уезде. — ТВ, 1873, № 6; МКЗ, т. 4, Общий очерк, с. 38—41; Описания общих хозяйственных условий, с. 86, 98, 99, 102, 111, 114, 123—126; т. 12. Общая часть, с. 10, 88, 100; т. 11. Объяснительная записка, с. 9—10; Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд, с. 57, 107—108, 129—131; 134—135; там же. Перовский уезд, с. 27; там же. Чимкентский уезд, с. 125—127; Федорович Б. А. Лик пустыни, с. 128, 178; МКЗ, т. 2, с. IV, VII—VIII, XXXI; Опыт отгонно-пастбищного содержания скота в колхозах. М., 1948, с. 73; Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов..., с. 45; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов.

⁸⁴ Карпини П., Рубрук В. Путешествия в восточные страны, с. 91. Монголы для выпаса лошадей также использовали безводные пастбища (См.: Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 164; Козьмин И. Н. Указ. соч., с. 12); см. также: Федорович Б. А. Лик пустыни, с. 128 и др.

⁸⁵ МКЗ, т. 8. Специальная часть, с. 6—7 и сл.

⁸⁶ Левшин А. И. Указ. соч., ч. 3, с. 26.

⁸⁷ Хозяйство казахов..., с. 61—65 и др.

⁸⁸ О летних пастбищах см.: МКЗ, т. 1. Приложения, с. 75—78; т. 2. Объяснительная записка, с. 13—14, 19—21; т. 4. Общий очерк, с. 41—42; т. 5. Очерк, с. 8—22; т. 9. Специальная часть, с. 1—40; т. 12. Общая часть, с. 18, 20—21, 87; Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд, с. 27, 146—147, 155; Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород..., с. 36—37 и др.

⁸⁹ На это обстоятельство обратил внимание Г. И. Семенюк (См.: Семенюк Г. И. Опыт кочевого скотоводства в Казахстане, с. 130).

⁹⁰ См.: Броневский С. Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 124, с. 241; кн. 123, с. 77; Садыков Б. Х. Конина. Алма-Ата, 1981, с. 34; Нечаев И. Н. Указ. соч., с. 58 и др.

⁹¹ См.: ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 297.

⁹² См.: МКЗ, т. 4; Описания..., с. 125—127; Барминцев Ю. Н. Эволюция..., Нечаев И. Н. Указ. соч., с. 58—59 и др.

⁹³ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 87, 96—98, 126—128; т. 5. Очерк, с. 92—96; т. 12. Общая часть, с. 18 и др.

⁹⁴ Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание..., с. 96.

⁹⁵ См.: МКЗ, т. 2, с. IV, VIII; т. 4: Описания..., с. 90, 96, 98, 110, 124—127; т. 5: Очерк, с. 92—98; т. 9: Общий очерк, с. 20; т. 12: Общая часть, с. 18—21 и др.

⁹⁶ См.: МКЗ, т. 11. Общий очерк, с. 30 и др.

⁹⁷ Джантюрин С. Указ. соч., с. 16—17.

⁹⁸ См.: Казахстан. Природные условия..., с. 98 и др.

⁹⁹ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 242 и др.

¹⁰⁰ См.: Левшин А. И. Указ. соч., ч. 3, с. 23.

¹⁰¹ Броневский С. Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 72, 75.

¹⁰² Гавердовский Я. Указ. соч., л. 68.

¹⁰³ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 162.

¹⁰⁴ Струве К., Потанин Г. Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Марка-Куль и горы Сартау летом 1863 г. — ЗРГООГ. СПб., 1867, т. 1, с. 376, 389.

¹⁰⁵ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 288.

¹⁰⁶ МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 33.

¹⁰⁷ См. там же, т. 9. Спец. часть, с. 51; *Алекторов А. Е.* Киргизы. — ОЛ, 1886, 15 июня и др. См. также: *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфхани.* Михман-наме-йн Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976, с. 94, 122, 131, 138 и др.

¹⁰⁸ См.: *Красовский Н.* Область Сибирских киргизов, ч. 3, с. 14, 19; *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 2—3; МКЗ, т. 2, с. XXVI; т. 5. Очерк, с. 26; т. 9, Примечания к пообщинным таблицам, с. 9; *Фиельструп Ф.* Указ. соч., с. 78; *Жолдасбаев С.* Материальная культура казахов XV—XVIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975, с. 14—15, 27—32; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства..., с. 14; *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 72—73; *Эрдниева У. Э.* Калмыки, с. 127; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 125—126 и др.

¹⁰⁹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 158.

¹¹⁰ Там же, с. 150.

¹¹¹ См.: ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 74—75.

¹¹² *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири, ч. 2, с. 307—308.

¹¹³ МКЗ, т. 9, Спец. часть, с. 51.

¹¹⁴ См.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 217 (далее МИКХ); *Рузбихан.* Указ. соч., с. 94.

¹¹⁵ См.: МКЗ, т. 2, с. VI; *Спасский Г.* Указ. соч. — СВ, 1820, ч. 9, кн. 2, с. 89. См. также: *Hudson A.* Kazak Social Structure, p. 29—31, etc.

¹¹⁶ См.: Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд, с. 126.

¹¹⁷ См.: *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов: (вторая половина XIX—начало XX в.). — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 167.

¹¹⁸ См.: МКЗ, т. 5, Очерк, с. 22—24; т. 2, с. XXVI и др.

¹¹⁹ См.: *Чулошников А. П.* Очерки по истории..., с. 182—183; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов..., с. 474 и др.

¹²⁰ См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 282; Хозяйство казахов..., с. 37.

¹²¹ *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 3. См. также: МКЗ, т. 2, с. XXVI.

¹²² См.: *Андреев И. Ф.* Указ. соч. — НЕС, 1796, ч. 116, с. 73—79; *Загряжский Г.* Очерки Перовского уезда. — ТВ, 1872, № 29, 25 июля; Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область. Чимкентский уезд, с. 125—126; МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 176; т. 4. Общий очерк, с. 39; Описания..., с. 99, 125; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 208; *Семенов Г. И.* Опыт кочевого скотоводства..., с. 133—134; *Руденко С. И.* Очерки быта казаков..., с. 9; Овцеводство Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 20.

¹²³ См.: МКЗ, т. 4, Общий очерк, с. 39; Описания..., с. 125 и др.

¹²⁴ См. там же.

¹²⁵ Там же, т. 11. Общий очерк, с. 55.

¹²⁶ См. там же, т. 4. Описания..., с. 87 и др.

¹²⁷ См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 233 и др.

¹²⁸ См.: *Балицкий Ю.* Заметки о кочевом населении в Вернен-

- ском уезде. — ТВ, 1873, № 6; *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 4 и др.
- ¹²⁹ См.: МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 12 и др.
- ¹³⁰ *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 4.
- ¹³¹ См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 180; МКЗ, т. 2, с. IX; т. 1. Киргизское хозяйство, с. 91—92; Приложения, с. 6; т. 9, Примечания..., с. 11; Овцеводство Казахстана, с. 21 и др.
- ¹³² Если крупному рогатому скоту для образования 1 кг привеса при пастбищном содержании требуется 12 кг сырого вещества корма, то овце — 8 кг. См.: Зимняя пастьба овец. Алма-Ата; Москва, 1934, с. 7.
- ¹³³ Отметим лишь, что из 180 видов семейства маревых (солянок), которые составляют основу травостоя пустынных пастбищ, овцами поедается 132 вида, а крупным рогатым скотом — только 24. См.: *Ковешников В. С.* Вопросы экономики табунного коневодства в совхозах пустынной зоны Казахской ССР. — В кн.: Коневодство в опытах. М., 1967, т. 24, ч. 2, с. 201 и др.
- ¹³⁴ МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 132.
- ¹³⁵ См. там же, т. 1. Приложения, с. 34; т. 9. Общий очерк, с. 51; т. 12. Общая часть, с. 132, 160; Чимкентский уезд, с. 177 и др.
- ¹³⁶ См.: *Тяукин М.-Г.* Записки о хозяйстве. — ЭЗ, 1861, № 41, с. 323; *Медведский П.* Указ. соч., с. 292; МКЗ, т. 2, с. XXVI и др.
- ¹³⁷ См.: МКЗ, т. 2, с. VI, XXVI и др.
- ¹³⁸ См.: *Эрдниева У. Э.* Калмыки, с. 131; *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, с. 73 и др.
- ¹³⁹ *Броневский С.* Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 122, с. 360.
- ¹⁴⁰ См.: МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 91; т. 12. Общая часть, с. 83, 104, 147 и др.
- ¹⁴¹ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 147; т. 9. Общий очерк, с. 45 и др.
- ¹⁴² Там же, т. 12. Общая часть, с. 132.
- ¹⁴³ См. там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 91—92.
- ¹⁴⁴ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 38; Описания..., с. 85—86, 97—98; т. 9. Общий очерк, с. 45; Примечания..., с. 16, 20, 23, 30—31, 52 и др.
- ¹⁴⁵ См. там же, т. 4. Описания..., с. 124; т. 9. Общий очерк, с. 45; т. 1. Приложения, с. 9 и др.
- ¹⁴⁶ См. там же, т. 4. Описания..., с. 125 и др.
- ¹⁴⁷ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 38—39.
- ¹⁴⁸ См. там же, с. 39.
- ¹⁴⁹ Там же, т. 12. Общая часть, с. 132.
- ¹⁵⁰ См. там же, т. 5. Очерк, с. 12.
- ¹⁵¹ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 40; т. 5. Очерк, с. 11—12; т. 7. Общий очерк, с. 19; т. 9. Общий очерк, с. 45 и др.
- ¹⁵² См. там же, т. 2, с. XXV; т. 9. Примечания..., с. 11 и др.
- ¹⁵³ См. там же, т. 2, с. XXV.
- ¹⁵⁴ См. там же, т. 7. Исчисления количества, потребного для киргизского хозяйства сена, в Актюбинском уезде, с. 3 и др.
- ¹⁵⁵ См. там же, т. 9. Общий очерк, с. 12, 44 и др.
- ¹⁵⁶ См. там же, т. 5. Очерк, с. 12 и др.
- ¹⁵⁷ См. там же, т. 2. Объяснительная записка, с. 12; т. 5. Очерк, с. 55; т. 9. Примечания..., с. 2 и др.

- ¹⁵⁸ См. там же, т. 4. Описания..., с. 128; т. 1. Киргизское хозяйство, с. 92.
- ¹⁵⁹ См. там же, т. 2. Объяснительная записка, с. 12; т. 4. Описания..., с. 125 и др.
- ¹⁶⁰ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 39; Описания..., е. 125; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 178—182 и др.
- ¹⁶¹ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 99 и др.
- ¹⁶² См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 232—233; *Фиель-струп Ф.* Указ. соч., с. 89—90 и др.
- ¹⁶³ См.: *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 4; МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 84; т. 4. Описания..., с. 125; т. 7. Исчисления..., с. 1; т. 11. Общий очерк, с. 55; т. 12. Общая часть, с. 155.
- ¹⁶⁴ МКЗ, т. 9. Общий очерк, с. 44.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 47.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ См. там же, т. 4. Описания..., с. 98.
- ¹⁶⁸ Там же, т. 12. Общая часть, с. 131.
- ¹⁶⁹ См.: *Красовский Н.* Область Сибирских киргизов, ч. 2, с. 23; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 21, 88, 90; МКЗ, т. 7. Исчисления..., с. 1; т. 9. Общий очерк, с. 47; т. 11. Общий очерк, с. 55; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 208; *Семенюк Г. И.* Опыты..., с. 133—134; *Барминцев Ю. Н.* Эволюция..., с. 44 и др.
- ¹⁷⁰ См.: *Садыков Б. Х.* Коница. Алма-Ата, 1981, с. 7.
- ¹⁷¹ См.: *Барминцев Ю. Н.* Эволюция..., с. 43—44; МКЗ, т. 4. Общий очерк, с. 38; Описания..., с. 101; т. 12. Общая часть, с. 148, 157 и др.
- ¹⁷² См.: *Красовский Н.* Область Сибирских киргизов, ч. 2, с. 23.
- ¹⁷³ См.: МКЗ, т. 1. Приложения, с. 33—35; Чимкентский уезд, с. 125 и др.
- ¹⁷⁴ См.: МКЗ, т. 11, Общий очерк, с. 55; т. 1. Приложения, с. 34—35 и др.
- ¹⁷⁵ См. там же, т. 2, с. XXV; т. 4. Описания..., с. 114 и др.
- ¹⁷⁶ См. там же, т. 4. Описания..., с. 114 и др.
- ¹⁷⁷ См.: *Пахомов И.* Киргизское хозяйство..., с. 15.
- ¹⁷⁸ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 121, 148. Подсчет наш.
- ¹⁷⁹ См. там же, с. 155.
- ¹⁸⁰ См. там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 85; Приложения, с. 33 и др.
- ¹⁸¹ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 148; т. 9. Спец. часть, с. 57 и др.
- ¹⁸² См. там же, т. 9. Спец. часть, с. 57; т. 1. Киргизское хозяйство, с. 85; Приложения, с. 32 и др.
- ¹⁸³ См. там же, т. 9. Общий очерк, с. 47 и др.
- ¹⁸⁴ Там же, т. 7. Исчисления..., с. 1—2.
- ¹⁸⁵ Там же. Общий очерк, с. 32.
- ¹⁸⁶ См.: *Барминцев Ю. Н.* Эволюция..., с. 105—106 и др.
- ¹⁸⁷ См.: МКЗ, т. 7. Исчисления..., с. 1, 2; т. 2, с. XXIV; т. 4. Описания..., с. 125; т. 12. Общая часть, с. 148 и др.
- ¹⁸⁸ Там же, т. 11. Общий очерк, с. 57.
- ¹⁸⁹ См. там же, т. 4. Описания..., с. 125 и др.
- ¹⁹⁰ См. там же, т. 1. Приложения, с. 31; т. 12. Общая часть, с. 148; т. 5. Очерк, с. 61; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 21, 88, 90 и др.

¹⁹¹ См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 21, 88, 90; Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область. Чимкентский уезд, с. 125 и др.

¹⁹² См.: МКЗ, т. 1. Приложения, с. 31; т. 4. Общий очерк, с. 41; т. 5. Очерк, с. 101; т. 7. Исчисления..., с. 1; т. 11. Общий очерк, с. 56 и др.

¹⁹³ См. там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 84; Приложения, с. 31; т. 2, с. XXIV; т. 4. Общий очерк, с. 41, 125; Описания..., с. 99; т. 9. Общий очерк, с. 48; т. 11. Общий очерк, с. 55—56 и др.

¹⁹⁴ См.: *Нечаев И. Н.* Указ. соч., с. 56—66 и др.

¹⁹⁵ См.: МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 84; т. 5. Очерк, с. 61; т. 11. Общий очерк, с. 56; т. 12. Общая часть, с. 132 и др.

¹⁹⁶ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 151 и др.

¹⁹⁷ См. там же, с. 150.

¹⁹⁸ См. там же, т. 11. Общий очерк, с. 56.

¹⁹⁹ См. там же, т. 4. Описания..., с. 104; *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903, ч. 2, с. 16 и др.

²⁰⁰ См.: МКЗ, т. 9. Общий очерк, с. 49 и др.

²⁰¹ Там же, т. 4. Описания..., с. 100.

²⁰² См. там же, т. 9. Общий очерк, с. 49; т. 1. Киргизское хозяйство, с. 87 и др.

²⁰³ Там же, т. 4. Описания..., с. 100.

²⁰⁴ См. там же, т. 2, с. XXIV и др.

²⁰⁵ См. там же, т. 4. Описания..., с. 101 и др.

²⁰⁶ См. там же, т. 2, с. XXIV; т. 11. Общий очерк, с. 55; т. 1. Приложения, с. 31.

²⁰⁷ См. там же, т. 4. Описания..., с. 126 и др.

²⁰⁸ Там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 88.

²⁰⁹ См. там же, т. 11. Общий очерк, с. 55.

²¹⁰ Там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 88.

²¹¹ См. там же, т. 9. Общий очерк, с. 50.

²¹² Там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 87.

²¹³ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 155.

²¹⁴ *Барминцев Ю. Н.* Эволюция..., с. 44.

²¹⁵ См.: МКЗ, т. 11. Общий очерк, с. 56.

²¹⁶ См.: *Нечаев И. Н.* Указ. соч., с. 65—66.

²¹⁷ МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 88—89.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ См. там же, т. 4. Описания..., с. 126.

²²⁰ См. там же, с. 100.

²²¹ См. там же, т. 11. Общий очерк, с. 56.

²²² См. там же, с. 55—56.

²²³ Там же, т. 4. Описания..., с. 100.

²²⁴ Там же, т. 12. Общая часть, с. 131.

²²⁵ *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения, т. 2, с. 34.

²²⁶ См.: *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, с. 10—36 и др.

²²⁷ См.: *Заднепровский Ю., Кирчо Л.* Международный симпозиум в Душанбе. — В кн.: Информационный бюллетень. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М., 1982, вып. 3, с. 77.

- ²²⁸ См.: *Джантюрин С.* Указ. соч., с. 18.
- ²²⁹ См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 209.
- ²³⁰ *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 3.
- ²³¹ См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 209 и др.
- ²³² *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 100 об.
- ²³³ *Джантюрин С.* Указ. соч., с. 18.
- ²³⁴ МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 11.
- ²³⁵ См. там же. Подробнее см.: *Хозяйство казахов...*, с. 79—81.
- ²³⁶ См. более подробно: *Федорович Б. А.* Лик пустыни, с. 20; *Овцеводство Казахстана*, с. 21—23; *Барминцев Ю. Н.* Эволюция..., с. 44—45; *Дияров К. Д.* Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 29—33; *Хозяйство казахов...*, с. 80—81; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи..., с. 48—49; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., ч. 1, с. 71, 76, 82, 191, 192, 254; *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство, с. 49 и др.
- ²³⁷ См.: *Броневский С.* Указ. соч.—ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 122, с. 360; *Потапов Л.* Особенности материальной культуры казахов..., с. 45; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи..., с. 48.
- ²³⁸ См.: *Вяткина К. В.* Очерки культуры..., с. 72—73; *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 73; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 25; *Шаниязов К.* Отгонное животноводство у узбеков.— В кн.: *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*. Л., 1973, с. 88; *Шнайдинштейн Е. В.* Некоторые проблемы..., с. 69; *Эрдниева У. Э.* Калмыки, с. 129; *Поляков С. П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980, с. 50; *Плетнева С.* Кочевники средневековья, с. 16; *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства, с. 9 и др.
- ²³⁹ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 100 об. См. также: *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 198 и др.
- ²⁴⁰ *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 197—198.
- ²⁴¹ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 100 об.
- ²⁴² *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 21—22, 23, 43.
- ²⁴³ *Паллас П. С.* Путешествие..., ч. 1, с. 582.
- ²⁴⁴ См.: *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 197—198; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 209.
- ²⁴⁵ *Федосеев А. П.* Климатические условия зимнего выпаса овец на пастбищах Казахстана.— В кн.: *Труды КазНИГМИ*. М., 1959, вып. 13, с. 3—10.
- ²⁴⁶ Там же, с. 10.
- ²⁴⁷ *Гагемейстер Ю.* Указ. соч., ч. 2, с. 308.
- ²⁴⁸ *Паллас П. С.* Указ. соч., ч. 1, с. 582.
- ²⁴⁹ См.: ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 122, с. 360.
- ²⁵⁰ См.: *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 98; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 89 и др.
- ²⁵¹ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 87.
- ²⁵² См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 87 и др.
- ²⁵³ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 131, 122; т. 2, с. XXVII.
- ²⁵⁴ См. там же, т. 4. Описания..., с. 114, 127 и др.
- ²⁵⁵ См. там же, т. 2, с. XXII; т. 4. Описания..., с. 103; т. 12. Общая часть, с. 145.
- ²⁵⁶ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 39; Описания..., с. 87 и др.
- ²⁵⁷ *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки: Культура и быт. М., 1926, с. 14.

- 258 См.: *Броневский С.* Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 76; МКЗ, т. 4. Описания..., с. 125, 128 и др.
- 259 См.: МКЗ, т. 4, Описания..., с. 126—127 и др.
- 260 См. там же, с. 87.
- 261 См. там же, с. 127.
- 262 *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки, с. 15.
- 263 См.: МКЗ, т. 1. Приложения, с. 47 и др.
- 264 См. там же, т. 2, с. XXVI—XXVII.
- 265 *Медведский П.* Указ. соч., с. 298.
- 266 *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки, с. 14.
- 267 Там же.
- 268 ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 77.
- 269 ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 298.
- 270 См.: *Садыков Б. Х.* Указ. соч., с. 34—35 и др.
- 271 См.: МКЗ, т. 2, с. XXVII и др.
- 272 См. там же, т. 4. Описания..., с. 128—129 и др.
- 273 См. там же, т. 2, с. XXVII; т. 12. Общая часть, с. 122 и др.
- 274 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 131 и др.
- 275 См. там же, т. 4. Описания..., с. 96 и др.
- 276 См. там же, т. 2, с. XXVII; ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 77.
- 277 См. там же, т. 4. Описания..., с. 96 и др.
- 278 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 146 и др.
- 279 См. там же, т. 4. Описания..., с. 103 и др.
- 280 См. там же, т. 2, с. XXV и др.
- 281 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 145 и др.
- 282 Там же, т. 2, с. XXVII и др.
- 283 *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки, с. 16.
- 284 См.: МКЗ, т. 2, с. XXVII и др.
- 285 См. там же, т. 5. Очерк, с. 42 и др.
- 286 Там же, т. 4. Описания..., с. 119 и др.
- 287 Там же.
- 288 Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 163.
- 289 Там же, с. 149—150.
- 290 См.: МКЗ, т. 2, с. XXVII.
- 291 См., напр., из весьма обширной историографии по этому вопросу: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 47—48, 95—97, 185—187, 238—240, 272—273; МКЗ, т. 4. Описания..., с. 87; *Аргынбаев Х.* Этнографические очерки по скотоводству казахов (на каз. яз.). Алма-Ата, 1969; *Семенов Г. И.* Опыт..., с. 122—128; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов..., с. 545—554 и др.
- 292 См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 52—54, 102—103; *Красовский Н.* Указ. соч., ч. 2, с. 8; МКЗ, т. 2, с. XXVIII; т. 4. Описания..., с. 107; *Масанов Э. А.* Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX веков. — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 6, с. 104—106 и др.
- 293 См.: *Диваев А. А.* Случка домашних животных в киргизском хозяйстве. — В кн.: *Диваев А. А.* Этнографические материалы. Ташкент, 1901, вып. 7, с. 71—74.
- 294 См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 48—49 и др.
- 295 См. там же, с. 49, 100—102, 189—190, 242—243, 273 и др.
- 296 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 129; *Муканова Т. А.* Из истории приготовления кумыса у казахов. — В кн.: Вопросы истории. Алма-Ата, 1974, вып. 6, с. 79—89.

²⁹⁷ См.: Масанов Э. А. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников. — ИАН КазССР. Сер. ист., арх. и этн., 1961, № 1, с. 45—52 и др.

²⁹⁸ См.: Мацкевич Н. Н. Сравнительная длина кочевков..., с. 3—6, 8, 10—28; Hudson A. Kazak Social Structure, p. 26—27 и др.

²⁹⁹ См.: Фиельструп Ф. Указ. соч., с. 96 и др.

³⁰⁰ Левшин А. И. Указ. соч., ч. 1, с. 11.

³⁰¹ Там же, с. 53. Эта характеристика в полной мере подтверждается и современными геоклиматическими исследованиями (см. главу 1).

³⁰² Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, Киргиз-Казачья орда. — Современник, 1851, т. 29, № 10, отд. 2, с. 59.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ См.: О кочевках киргиз. — СОВ, 1871, № 37 и др.

³⁰⁵ ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 291.

³⁰⁶ Живописный альбом народов России. СПб., 1880, с. 328.

³⁰⁷ На это обстоятельство обратил внимание и Л. Крадер. См.: Krader L. Social Organization..., p. 209, 282—283; Idem. Peoples of Central Asia, p. 164, etc. Однако нельзя согласиться с постулируемой им всеобщностью развития данной тенденции в летний период по сравнению с зимним. В действительности зимой она была развита в гораздо большей степени. См. предыдущий раздел.

³⁰⁸ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 163, 149—150.

³⁰⁹ Бларамберг И. Ф. Указ. соч., с. 92.

³¹⁰ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 119.

³¹¹ Каругц Р. Среди киргизов..., с. 46.

³¹² ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 74.

³¹³ Бларамберг И. Ф. Указ. соч., с. 92.

³¹⁴ Потанин Г. На притоке реки Токрау. — Сибирская жизнь, 1914, № 82.

³¹⁵ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 88; т. 4. Описания..., с. 119.

³¹⁶ См. там же, т. 2, с. XXIII.

³¹⁷ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 88.

³¹⁸ См. там же, с. 89.

³¹⁹ См. там же, с. 94.

³²⁰ См.: СВ, 1820, ч. 9, кн. 3, с. 81.

³²¹ ТВ, 1973, № 46.

³²² См.: Сапожников В. В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Томск, 1911, с. 190.

³²³ Киргиз-кайсаки. — Азиатский вестник, 1826, ч. 1, с. 377.

³²⁴ См., напр.: Бларамберг И. Ф. Указ. соч., с. 92—93.

³²⁵ МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 139.

³²⁶ Куфтин Б. А. Киргиз-казаки, с. 16.

³²⁷ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 88.

³²⁸ См. там же, т. 2, с. XXIII.

³²⁹ См. там же, т. 4. Описания..., с. 88, 119; Общий очерк, с. 16.

³³⁰ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 92.

³³¹ См. там же, с. 87.

³³² См. там же, с. 90, 92 и др.

³³³ См.: Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве..., с. 64 и др.

³³⁴ См.: МКЗ, т. 2, с. XXIII.

- ³³⁵ См.: *Плотников Л.* О необходимости и средствах..., с. 246—247; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 208 и др.
- ³³⁶ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 119 и др.
- ³³⁷ См. там же, т. 5. Очерк, с. 18 и др.
- ³³⁸ См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение..., с. 209.
- ³³⁹ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 146; *Садыков Б. Х.* Указ. соч., с. 7 и др.
- ³⁴⁰ См., напр. МКЗ, т. 4. Описания..., с. 103 и др.
- ³⁴¹ См. там же, с. 88, 102 и др.
- ³⁴² См. там же, с. 89 и др.
- ³⁴³ См. там же, с. 103 и др.
- ³⁴⁴ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 145 и др.
- ³⁴⁵ См. там же, т. 4. Описания..., с. 103 и др.
- ³⁴⁶ См. там же, т. 2, с. XXIII и др.
- ³⁴⁷ Там же, т. 12. Общая часть, с. 145 и др.
- ³⁴⁸ См. там же, т. 4. Описания..., с. 89, 103; т. 2, с. XXIII; т. 12. Общая часть, с. 145—146 и др.
- ³⁴⁹ См. там же, т. 2, с. XXIII и др.
- ³⁵⁰ *Махонин* сотник. О состоянии и хозяйстве верноподданных киргизов в Омской области. — *Земледельческий журнал*, 1827, № 19, с. 8.
- ³⁵¹ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 38—39 и др.
- ³⁵² См. там же, т. 12. Общая часть, с. 18, 20—21, 141 и др.
- ³⁵³ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 42 и др.
- ³⁵⁴ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 147 и др.
- ³⁵⁵ См. там же, с. 146—147 и др.
- ³⁵⁶ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 42; Зимняя пастьба овец, с. 10 и др.
- ³⁵⁷ О кочевках киргиз. — *СОВ*, 1871, № 37.
- ³⁵⁸ *МКОП*, сб. 1, с. 149, § 10.
- ³⁵⁹ См.: МКЗ, т. 2, с. XXVII; *Сапожников В. В.* Указ. соч., с. 127—128 и др.
- ³⁶⁰ См.: *Шнайдштейн Е. В.* Некоторые проблемы..., с. 70 и др.
- ³⁶¹ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 126 и др.
- ³⁶² См. там же, с. 119.
- ³⁶³ См. там же, т. 2, с. III—IV, X, XXIII; т. 4. Описания..., с. 99, 119, 126 и др.
- ³⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 158.
- ³⁶⁵ *Живописный альбом...*, с. 330.
- ³⁶⁶ *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки, с. 15.
- ³⁶⁷ О кочевках киргиз. — *СОВ*, 1871, № 33.
- ³⁶⁸ МКЗ, т. 4. Общий очерк, с. 16.
- ³⁶⁹ *Куфтин Б. А.* Киргиз-казаки, с. 15.
- ³⁷⁰ МКЗ, т. 4. Общий очерк, с. 17.
- ³⁷¹ См. там же. Описания..., с. 89 и др.
- ³⁷² См. там же, с. 89—90 и др.
- ³⁷³ О кочевках киргиз. — *СОВ*, 1871, № 37.
- ³⁷⁴ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 90, 96, 110; т. 12. Общая часть, с. 93 и др.
- ³⁷⁵ См. там же, т. 2, с. V; т. 5. Очерк, с. 42; т. 4. Описания..., с. 97—98, 90, 96, 110, 124; т. 12. Общая часть, с. 93, 94; О кочевках киргиз. — *СОВ*, 1871, № 37 и др.

- 376 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 110 и др.
 377 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 94 и др.
 378 Бичурин Н. Я. Указ. соч., ч. 1, с. 49.
 379 Бларамберг И. Ф. Указ соч., с. 93.
 380 См.: Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 163.
 381 См.: МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 15, и др.
 382 См.: Курьлев В. П. Опыт типологии..., с. 167 и др.
 383 См.: МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 13; с. IV; т. 4. Описания..., с. 90.
 384 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 94.
 385 См. там же, т. 2, с. V; т. 5. Очерк, с. 42; т. 4. Описания..., с. 90; Общий очерк, с. 16; т. 12. Общая часть, с. 93 и др.
 386 О кочевках киргиз. — СОВ, 1871, № 37.
 387 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 90, 96—98, 124 и др.
 388 См.: там же, т. 2. Объяснительная записка, с. 13; т. 4. Описания..., с. 85.
 389 См. там же, т. 2, с. IV и др.
 390 См. там же.
 391 См. там же, с. XXVII.
 392 Рубихан. Михман-наме-йи Бухара, с. 94.
 393 См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 96.
 394 См. там же, т. 4. Описания..., с. 96.
 395 О кочевках киргиз. — СОВ, 1871, № 37.
 396 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 125.
 397 См.: Садыков Б. Х. Указ. соч., с. 7 и др.
 398 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 88, 103 и др.
 399 См. там же, с. 103 и др.
 400 См. там же, т. 12. Общая часть, с. 169 и др.
 401 См.: Диваев А. А. Случка домашних животных..., с. 71—74.
 402 См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 85 и др.
 403 См. там же.

ГЛАВА 3

¹ См.: Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia in History at the Present Day. Oxford, 1918; Hudson A. Kazak Social Structure; Krader L. Social Organization...; Idem. Peoples of Central Asia; Bourgeot A. Le Developpement des unegalites. — Production Pastorale et Societe. P., 1978, № 2, p. 16—22; Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — В кн.: Родовое общество: Этнографические материалы и исследования. М., 1951; Кисляков Н. А. Очерки истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов (на каз. яз.). Алма-Ата, 1973; Курьлев В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX — начала XX в. — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978; Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М., 1981; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов...; Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане: (XIX — начало XX в.). — В кн.: Расы и народы. Ежегодник. М., 1974, вып. 4, с. 10—26; Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976 и др.

² Значительная работа в этом направлении проделана Х. А. Аргынбаевым (см. указ. соч.) и Л. Крадером (см. *op. cit.*).

³ *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 14.

⁴ На это обстоятельство обратил внимание, например, Д. А. Ольдерогге. См.: *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 9—12 и др.

⁵ См.: *Семенов Ю. И.* О стадальной типологии общины. — В кн.: Проблемы типологии и этнографии. М., 1979, с. 85.

⁶ См.: *Курылев В. П.* Семейно-родственные группы..., с. 136—140 и др.

⁷ См.: *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй...; *Он же.* Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975 и др.

⁸ См.: *Аргынбаев Х. А.* Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1973.

⁹ См.: *Абрамзон С. М.* Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). IX МКАЭН. М., 1973; *Аргынбаев Х. А.* Указ. соч. и др.

¹⁰ См.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 56, 74—75; *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии, с. 49—50; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Указ. соч., с. 429—430 и др.

¹¹ В. Ф. Шахматов считает, что объединение в общину происходило на основе родства, соседства и совместного владения и пользования землей. См.: *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община, с. 45. Но с такой постановкой вопроса трудно согласиться.

¹² См.: *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 710.

¹⁴ См.: *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй: (Основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 110 и сл.

¹⁵ Историография общины весьма обширна. См., напр.: *Зак С. Д.* Методологические проблемы развития сельской поземельной общины. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 233—311; *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины. — В кн.: Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978, с. 9—60; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977; *Семенов Ю. И.* О стадальной типологии общины; *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М., 1981; *Давыдов А. Д.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Андреев И. Л. К.* Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. Засулич. — СЭ, 1979, № 5, с. 3—20 и др.

¹⁶ Об этом свидетельствует, например, весь огромный фактический материал, сосредоточенный в многочисленных русских источниках по казахам.

¹⁷ См., напр.: *Гавердовский Я.* Указ соч., л. 68; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 162; ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 72, 75; *Струве К., Потанин Г.* Путешествие на озеро Зайсан...,

- с. 376, 389; ЖМГИ, 1862, ч. 80, август, отд. 2, с. 288; *Алекторов А. Е.* Киргизы. — ОЛ, 1886, 15 июня; МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 33; т. 9. Специальная часть, с. 51 и др.
- ¹⁸ С необходимостью подобной постановки проблемы столкнулся А. Хадсон. См.: *Hudson A. Kazak Social Structure*, p. 24.
- ¹⁹ См.: Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 150; МКЗ, т. 2, с. VII.
- ²⁰ См.: *Добросмыслов А. И.* Скотоводство..., с. 89; МКЗ, т. 4. Описания..., с. 87.
- ²¹ См.: *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 3; МКЗ, т. 1. Приложения, с. 34; т. 9. Общий очерк, с. 51; т. 12. Общая часть, с. 132, 160; т. 2, с. XXVI и др.
- ²² См., напр.: МКЗ, т. 1. Приложения, с. 34—35; т. 11. Общий очерк, с. 55 и др.
- ²³ См., напр.: МКЗ, т. 2, с. IV и др.
- ²⁴ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 97—101; т. 2, с. VI, VII, XII; т. 4. Описания..., с. 96, 97; т. 2, с. VIII, т. 12. Общая часть, с. 87—88 и др.
- ²⁵ См. там же, т. 2, с. V, XII, XXIV; т. 4. Описания..., с. 96 и др.
- ²⁶ См. там же, т. 4. Описания..., с. 114, 127 и др.
- ²⁷ МИКХ, с. 217.
- ²⁸ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 158.
- ²⁹ Там же, с. 150.
- ³⁰ *Чорманов М.* Заметка о киргизах..., с. 3.
- ³¹ См., напр.: *Баллюзек Л.* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона. — ЗООРГО, 1871, вып. 2, с. 151.
- ³² См.: *Жолдасбаев С.* Материальная культура казахов..., с. 14—15 и др.
- ³³ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 83, 132 и др.
- ³⁴ См. там же, т. 4. Общий очерк, с. 40; т. 5. Очерк, с. 11—12; т. 7. Общий очерк, с. 19; т. 9. Общий очерк, с. 45 и др.
- ³⁵ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 132.
- ³⁶ См.: *Hudson A. Kazak Social Structure*, p. 24—25; *Krader L. Social Organization...*, p. 281, 283; *Idem. Peoples of Central Asia*, p. 163; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов..., с. 501; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 172—173; *Курылев В. П.* Семейно-родственные группы..., с. 136—139 и др.
- ³⁷ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 83—84 и др.
- ³⁸ См. там же, с. 86.
- ³⁹ См.: *Аргынбаев Х. А.* Семья и брак у казахов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата, 1975, с. 23—30; *Кисляков Н. А.* Исследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана: (XIX — начало XX в.). Л., 1977, с. 22—39; *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVIII — первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981, с. 27—48 и др.
- ⁴⁰ См., напр.: МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 12 и др.
- ⁴¹ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 112 и др.
- ⁴² См.: МКЗ, т. 4. Общий очерк, с. 31 и др.
- ⁴³ На это обстоятельство обратил внимание В. Ф. Шахматов. См.: *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община, с. 58—60 и др.

⁴⁴ См.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов...; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи...; *Еренов А.* Очерки по истории... и др.

⁴⁵ См., напр.: ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 123, с. 77 и др.

⁴⁶ Следствием этого было так называемое право первозахвата, которое господствовало в теплое время года. См.: *Баллюзек Л.* Народные обычаи..., с. 150—151 и др.

⁴⁷ См.: *Спасский Г. И.* Указ. соч. — СВ, 1820, ч. 9, кн. 2, с. 85; *Андреев И. Г.* Указ. соч. — НЕС, 1795, ч. 112, с. 21—22; *Плотников Л.* О необходимости и средствах..., с. 246—247 и др.

⁴⁸ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 8 и др.

⁴⁹ См., напр.: МКЗ, т. 5. Очерк, с. 42; т. 4; Описания..., с. 88, 90, 97—98, 110, 119; т. 12. Общая часть, с. 90, 92, 93 и др.

⁵⁰ См.: *Логашова Б.-Р.* Туркмены Ирана: (историко-этнографическое исследование). М., 1976, с. 35.

⁵¹ См., напр.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 88, 94; т. 4. Описания..., с. 110 и др. См. также; *Шнайдытейн Е. В.* Некоторые проблемы..., с. 71 и др.

⁵² См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 90 и др.

⁵³ См. там же, т. 4. Описания..., с. 110.

⁵⁴ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 158.

⁵⁵ Там же, с. 149.

⁵⁶ О кочевках киргиз. — СОВ, 1871, № 33.

⁵⁷ См.: МКЗ, т. 2, с. XXIII, XXVI; т. 4. Описания..., с. 99 и др.

⁵⁸ См. там же, т. 4. Описания..., с. 119.

⁵⁹ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 147 и др.

⁶⁰ См.: *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины, с. 15—53 и др.

⁶¹ См.: *Давыдов А. Д.* Социально-экономическая структура деревни Афганистана: (особенности эволюции). М., 1976, с. 25—43.

⁶² См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 99; *Hudson A.* Kazak Social Structure, p. 33—34 и др.

⁶³ Живописный альбом народов России, с. 330.

⁶⁴ Там же, с. 329.

⁶⁵ См.: МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 12 и др.

⁶⁶ См.: *Козьмин И. Н.* Указ. соч., с. 13—14; *Еренов А. Е.* Очерки по истории..., с. 109; *Зиманов С. З.* Общественный строй..., с. 175.

⁶⁷ МИКХ, с. 227.

⁶⁸ См., напр.: *Стратанович Г. Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы. — В кн.: Проблемы алтанстики и монголоведения. Элиста, 1974, вып. 1 (Серия литературы, фольклора и истории), с. 224—230 и др.

⁶⁹ См.: *Жданко Т. А.* Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане: (XIX — начало XX в.). — В кн.: Расы и народы. М., 1974, вып. 4, с. 17—19 и др.

⁷⁰ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 71.

⁷¹ См.: *Hudson A.* Kazak Social Structure, p. 13—14, 21—22 и др.

⁷² О собственности см.: *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 57—72; *Барг М. А.* О природе феодальной собственности. — ВИ, 1978, № 7, с. 84—104; *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистиче-

ских обществ. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 27—66 и др.

⁷³ См.: *Кобищанов Ю. М.* Феодализм, рабство и азиатский способ производства. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 43—44; Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982 и др.

⁷⁴ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 68—69.

⁷⁵ См.: *Черников С. С.* К вопросу о классовом образовании у кочевников, с. 75; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов..., с. 110—165 и др.

⁷⁶ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 67 об.

⁷⁷ См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 126 и др.

⁷⁸ МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 139.

⁷⁹ См. там же, с. 88 и др.

⁸⁰ См. там же, т. 2, с. XXIII; Живописный альбом, с. 329 и др.

⁸¹ МКЗ, т. 2. Объяснительная записка, с. 15.

⁸² Это свойственно всем кочевникам Евразии. См.: *Пуляркин В. А.* Хозяйство кочевников..., с. 56; *Вайнштейн С. И.* Указ. соч., с. 61—62 и др.

⁸³ См.: МКЗ, т. 7. Исчисления..., с. 15—16 и др.

⁸⁴ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 130.

⁸⁵ См. там же, с. 129. См. также: МКЗ, т. 7. Исчисления..., с. 15—16 и др.

⁸⁶ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 130.

⁸⁷ См. там же.

⁸⁸ См.: *Ковешников В. С.* Вопросы экономики..., с. 199 и др.

⁸⁹ См.: МКЗ, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 97; т. 12. Общая часть, с. 125.

⁹⁰ См. там же.

⁹¹ См. там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 108—109; т. 12. Общая часть, с. 127.

⁹² См. там же, т. 1. Киргизское хозяйство, с. 105; т. 12. Общая часть, с. 126.

⁹³ См.: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество...

⁹⁴ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 119. Унификация 12-членной системы и соответствующий подсчет произведены нами.

⁹⁵ См.: МКЗ, т. 7. Порайонная таблица, с. 62—70. Подсчет наш.

⁹⁶ См. там же, т. 8. Комбинная таблица, с. 22—25.

⁹⁷ См.: МКЗ, т. 1. Поаульные таблицы, с. 396—403. Подсчет наш.

⁹⁸ См.: *Румянцев П. П.* Социальное строение..., с. 113.

⁹⁹ См. там же, с. 113—114.

¹⁰⁰ См. там же, с. 113.

¹⁰¹ См. там же.

¹⁰² *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, с. 26.

¹⁰³ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 71 об.

¹⁰⁴ *Герман Ф. И.* О киргизцах. — Вестник Европы, 1821, ч. 121, кн. 22, с. 134.

¹⁰⁵ См.: *Шангин И. П.* Указ. соч. — СВ, 1820, ч. 9, кн. 1, с. 19;

ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 121, с. 176—177; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 169—173, 180, 181, 187—198 и др.

¹⁰⁶ *Бларамберг И. Ф.* Указ. соч., с. 106.

¹⁰⁷ Там же, с. 97.

¹⁰⁸ *Георги И. Г.* Указ. соч., ч. 2, с. 126.

¹⁰⁹ *Большой С.* Замечания о киргизах. — СО, 1822, № 14, с. 295.

¹¹⁰ См.: *Левшин А. И.* Указ. соч., ч. 3, с. 187, 191; *Броневский С.* Указ. соч. — ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 121, с. 180—181 и др.

¹¹¹ *Спасский Г. И.* Указ. соч. — СВ, 1820, ч. 10, кн. 6, с. 179—180.

¹¹² См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 171.

¹¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 2, с. 461—487.

¹¹⁴ Там же, с. 480.

¹¹⁵ Там же, с. 481.

¹¹⁶ См. там же, с. 473—474 и сл.

¹¹⁷ См. там же, с. 461—472.

¹¹⁸ См. там же, с. 466.

¹¹⁹ См. там же, с. 473.

¹²⁰ См., напр., работы Л. Н. Гумилева. Другим сторонником этого положения является Л. Крадер.

¹²¹ *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 68.

¹²² Данная площадь рассчитана по радиусу от зимовки, который не превышал 2—3 км.

¹²³ См.: *Баллюзек Л.* Народные обычан..., с. 151 и др.

¹²⁴ См.: МКЗ, т. 2, с. XXV; т. 4. Описания..., с. 127 и др.

¹²⁵ См.: *Баллюзек Л.* Народные обычан..., с. 150; *Hudson A.* Op. cit., p. 32—33.

¹²⁶ См.: Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 145.

¹²⁷ См.: Материалы по казахскому обычному праву, сб. 1, с. 149.

¹²⁸ См.: МКЗ, т. 4, Описания..., с. 96 и др.

¹²⁹ См.: *Ковешников В. С.* Вопросы экономики табунного коневодства..., с. 199; *Барминцев Ю. Н.* Эволюция...

¹³⁰ См., напр.: МКЗ, т. IV, Описания..., с. 88 и др.

¹³¹ См.: МКЗ, т. 4, Описания..., с. 119.

¹³² См., напр.: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов...

¹³³ См.: Казахстан. Природные условия..., с. 453.

¹³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 354.

¹³⁵ Там же, т. 20, с. 191.

¹³⁶ См. также: *Румянцев П. П.* Социальное строение..., с. 116.

¹³⁷ См.: ОЗ, 1830, ч. 42, кн. 121, с. 176—177.

¹³⁸ См., напр.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 119.

¹³⁹ Джайляу: (из киргизского быта). — Сибирская газета, 1886,

№ 51.

¹⁴⁰ ОЗ, 1830, ч. 43, кн. 124, с. 232.

¹⁴¹ См.: *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания..., ч. 2, с. 17 и др.

¹⁴² См. выше.

¹⁴³ См.: МКЗ, т. 7. Исчисления..., с. 1.

¹⁴⁴ См. там же, т. 4. Описания..., с. 125; т. 12. Общая часть, с. 148.

¹⁴⁵ Там же, т. 7. Исчисления..., с. 1—2.

- ¹⁴⁶ См. там же.
- ¹⁴⁷ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 153 и др.
- ¹⁴⁸ См. там же, с. 148 и др.
- ¹⁴⁹ См. там же, с. 153 и др.
- ¹⁵⁰ См. там же, т. 4. Описания..., с. 119-и др.
- ¹⁵¹ Чорманов М. Заметка о киргизах..., с. 2—3.
- ¹⁵² См.: МКЗ, т. 4. Описания..., с. 119 и др.
- ¹⁵³ См. там же.
- ¹⁵⁴ См. там же.
- ¹⁵⁵ См. там же, т. 2, с. XXIII и др.
- ¹⁵⁶ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 147 и др.
- ¹⁵⁷ См.: Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов. — В кн.: Научная сессия Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 года. Ташкент, 1947, с. 440; Поршнев Б. Ф. Феодализм..., с. 48—49; Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сборник статей. М., 1970, с. 191; Темирханов Л. Хазарейцы: (Очерки новой истории). М., 1972, с. 63 и др.
- ¹⁵⁸ См.: Девиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. М., 1973, с. 267; Мордкович В. Г. Использование ресурсов биосферы..., с. 268 и др.
- ¹⁵⁹ Георги И. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 131.
- ¹⁶⁰ См.: Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях. — В кн.: Основные проблемы африканистики: Этнография. История. Филология. М., 1973, с. 104—110; Толстов С. П. Генезис феодализма..., с. 188—189; Зиманов С. З. Общественный строй казахов..., с. 110—124 и др.
- ¹⁶¹ См.: МКЗ, т. 12. Общая часть, с. 168.
- ¹⁶² См. там же.
- ¹⁶³ См. там же, т. 7. Порайонная таблица..., с. 66. Подсчет наш.
- ¹⁶⁴ См. там же, т. 1. Поаульные таблицы..., с. 401. Подсчет наш.
- ¹⁶⁵ См. там же, т. 12. Общая часть, с. 169.
- ¹⁶⁶ См.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Данилова Л. В. Указ. соч.; Серовайский Я. Д. Некоторые вопросы политической экономии феодального общества. — Ученые записки КазГУ, 1959. Сер. ист., т. 39, вып. 5; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов С. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982 и др.
- ¹⁶⁷ См.: Байпаков К. М., Масанов Н. Э. Земледелие: (историко-археологический очерк). — В кн.: Хозяйство казахов..., с. 137—166.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1

Предисловие	3
Глава 1. Природно-климатические условия	14
Глава 2. Экологические аспекты освоения аридной зоны кочевниками	25
1. Проблемы генезиса номадизма	—
2. Организация системы материального производ- ства	32
3. Выбор и распределение пастбищных угодий	44
4. Использование пастбищных угодий. Система вы- паса скота зимой	54
5. Система выпаса скота в теплое время года	75
Глава 3. Социальная организация и социальная структура	95
1. Социальная организация. Община	—
2. Собственность на средства производства	113
Заключение	141
Список сокращений	145
Примечания	147

Нурбулат Эдигеевич Масанов

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Зав. редакцией *А. А. Сулацков*
Редактор *Р. Н. Давыдова*
Художественный редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление художника *И. З. Уразаева*
Технический редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *Р. А. Баяндина*

ИБ № 1445

Сдано в набор 9.08.83. Подписано в печать 25.11.83. УГ10189.
Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 9,2. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 1000.
Заказ. 184. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.